

ИЗРАИЛЬ

ПРОЦЕСС
ЭЙХМАНА

6000000
ОБВИНЯЮТ

БИБЛИОТЕКА "АЛИЯ

600000

ОБВИНЯЮТ

**РЕЧЬ ИЗРАИЛЬСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО
ПРОКУРОРА НА ПРОЦЕССЕ ЗЙХМАНА**

עבריה וצבי עופר
קבוץ יפעת

БИБЛИОТЕКА "АЛИЯ"

600000 ОБВИНЯЮТ

**РЕЧЬ ИЗРАИЛЬСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО
ПРОКУРОРА НА ПРОЦЕССЕ ЭЙХМАНА**

**Издание информационного отдела
министерства иностранных дел**

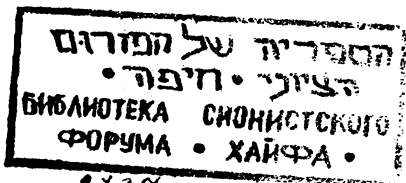
Иерусалим 1961

6.000.000 נאשימים

**נאום התובע הכללי של מדינת ישראל
במשפט אייכמן**

עיריית חיפה
"שרה" תרבות והנואי
סניף חיפה
.....

476



2737

ציור העטיפה: שרה ברקאי



כל הזכויות שמורות
ל "ספרייה עליה"
ת"ד 7422, ירושלים
היוצאת לאור בסיוע:
האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים
וקרן הזכרון למען תרבות יהודית, ניו-יורק

ГЛАВА I

ВВЕДЕНИЕ

Представ здесь перед вами, Судьи Израиля, дабы вести обвинение против Адольфа Эйхмана, я не один стою. Со мной вместе в этот час — шесть миллионов обвинителей. Но они не могут встать, указать обвиняющим перстом на сидящего на скамье подсудимых и воскликнуть: «Я обвиняю!». Их пепел развеян по холмам Освенцима и по полям Треблинки и рассыпан по лесам Польши. Их могилы разбросаны вдоль и поперек Европы. Их кровь вопиет, но голос их не слышен. Итак, я буду за них говорить и от их имени предъявлю ужасающий обвинительный акт.



Летопись еврейского народа насыщена страданиями и слезами. Повеление «В крови своей жить будешь!» сопровождает этот народ со времени его появления на арене истории. Фараон египетский решил «изнурять его тяжкими работами» и «бросать его сыновей в реку». Гаман велел их убивать, уничтожать. Хмельниками истребляли их массами. Петлюра устраивал погромы. Но никогда, с древнейших времен и по сей день, на протяжении всего обгащенного кровью пути этого народа, не было злодеяния, подобного совершенному преступным режимом Гитлера и Адольфом Эйхманом — десницей нацизма для истребления еврейского народа. Истории человечества неизвестен пример, чтобы человеку можно было предъявить обвинение, равное тому, которое вы здесь услышите. И даже самые жуткие злодеяния, от которых кровь стынет в жилах и волосы становятся дыбом, совершенные Нероном, Аттилой, и Чингис-Ханом, чьи имена превратились в вечный символ варварства и кровожадности в назидание и поучение потомству, — даже они бледнеют в сравнении с картинами ужаса и гибели, которые предстанут на этом процессе.

На заре истории были примеры истребительных войн, когда одно племя нападало на другое, чтобы уничтожить его, и в разгаре и в пылу сражений избивались, изгонялись, гибли целые народности. В нашем же поколении ополчился государственный аппарат на мирное, беззащитное население — на мужчин, женщин, стариков, детей и младенцев, запер их в лагеря, окружил их стенами, оградил электризованной колючей проволокой, решив истребить поголовно всех.

Убийство — не новое явление на земле, и каинов грех сопровождает род человеческий испокон веков. Но только в XX веке мы стали свидетелями убийства особого рода: не в результате преходящей вспышки страсти или душевного помрачения, а как следствие обдуманного постановления и тщательного планирования; не по злостному умыслу отдельной личности, а как порождение величайшего преступного заговора, в котором приняли участие десятки тысяч; не против одной единственной жертвы, а против целого народа.

На этом процессе мы увидим также убийцу нового типа, — убийцу, выполнявшего свое кровавое дело за письменным столом и лишь изредка расправлявшегося собственноручно; нам достоверно известен один случай, когда Адольф Эйхман избил до смерти еврейского мальчика, посмеявшегося красть вишни в саду его виллы в Будапеште. Но слово Адольфа Эйхмана приводило в действие газовые камеры, его телефонное распоряжение направляло эшелоны к центрам истребления, его подпись означала смертный приговор для тысяч и миллионов.

Он отдавал приказ, и по этому приказу изгоняли евреев из жилищ, избивали, мучили, загоняли в гетто, клеймили знаком позора, грабили их имущество и, под конец, сняв даже волосы с их голов, выводили истерзанных на место казни. Даже трупы их представляли ценность: у них вырывали золотые зубы и срывали обручальные кольца.

Эйхман выдаст себя за мягкосердечного интеллигента, заурядного чиновника. Постановление об истреблении целого народа было для него ведомственной бумагой,

обязывающей выполнение ее содержания. Но именно он планировал, задумывал, организовывал и приказывал другим пролить это море крови, грабить, пытать и убивать всеми способами. И именно поэтому в ответе он сам, словно это он собственноручно затягивал петлю, загонял жертвы плетью в газовые камеры, расстреливал в затылок, сбрасывал в открытую яму каждого в отдельности из загубленных миллионов. Такова его ответственность в глазах закона и такова она в соответствии с требованиями человеческой морали и совести. Сообщниками его преступлений были не просто гангстеры или подонки общества, а вожди нации, и среди них профессора и ученые с академическими званиями, со знанием языков, просвещенные люди, именуемые «интеллигенцией». Мы встретим их — докторов, юристов, ученых, банкиров, экономистов — на совещаниях, где принимались решения истребить еврейский народ. Они были среди возглавляющих и руководящих делом уничтожения, во всех его кошмарных превращениях.

Это хладнокровное и заранее обдуманное решение уничтожить целый народ, стереть его с лица земли, столь ужасающе, что нет слов для его описания. Ведь слова могут выразить только постижимое человеческим разумом и вмещаемое сердцем, тогда как здесь будет поведано о деяниях, недоступных человеческому разуму. Однако так оно было: миллионы были обречены на смерть не из-за совершенных ими преступлений, но исключительно и только за их принадлежность к еврейскому народу, а современная техника оснастила убийц средствами для осуществления этого чудовищного замысла.

Это беспрецедентное преступление, совершенное в Европе в XX веке, привело к определению нового уголовного понятия, какого не знало человечество даже в самые темные эпохи своей истории: преступление народоубийства — геноцид.

Катастрофа еврейского народа в этом поколении была предметом разбирательства на некоторых процессах, состоявшихся в результате поражения гитлеровской Германии во второй мировой войне. Человечество, решив

принять меры защиты против повторения войн и их ужасов, предало виновных правосудию и создало соответствующие суды. Но трагедия еврейства в целом не стала центральной темой ни одного из этих процессов. Она была лишь одной из тем, иногда важной, всегда возбуждающей ужас, но никогда не основной, потому что преступников обвиняли в преступлениях против различных и многих народов. Только один человек занимался исключительно евреями; его задачей было истреблять их, его роль в системе злодейского режима ограничивалась только ими. Этот человек — Адольф Эйхман. И если мы предъявляем ему также обвинения в преступлениях против не-евреев, совершенных им попутно, то это потому, что для нас не представляет значения принадлежность к той или иной расе. Но мы должны помнить, что миссией обвиняемого, в которой он годами видел свое призвание и свое назначение, которой он отдавался с энтузиазмом и необычайным рвением, — было истребление евреев.

По сей день люди задают себе вопрос — и они будут, без сомнения, спрашивать себя и в будущем: «Как это могло произойти? Возможно ли это в середине XX века?» Судьи на Нюрнбергском процессе ставили себе этот вопрос, исследовали его с разных точек зрения, находили интересные формулировки, но вряд ли можно сказать, что они дали исчерпывающий и удовлетворительный ответ. Я опасаясь, что и на этом процессе нам не удастся обнаружить корни зла. Эта задача перейдет, очевидно, к историкам, социологам, писателям и психологам, которые попытаются объяснить, что произошло с человечеством. Постараемся все же, хотя бы отчасти, показать фон событий, чтобы попытаться объяснить то, что, может быть, не поддается объяснению с помощью обычного логического мышления.

Приход Гитлера к власти

Гитлер, его режим и преступления, не были случайным явлением. Это не было «аварией», происшедшей в результате неповторяющихся обстоятельств. Исторические

процессы являются, обычно, следствием многих событий. Они подобны потокам, текущим своим руслом, пока не сливаются вместе в могучую реку. Но они сходятся только тогда, когда текут в том же направлении. Торжеству нацизма способствовали, безусловно, разные события: поражение Германии в первой мировой войне, последовавшие затем экономические трудности, отсутствие руководства и роковая партийная раздробленность, междоусобица и раскол внутри нации. Все это привело к тому, что в момент потери ориентации, в поисках путей, немецкий народ дал увлечь себя джепророку. Но Гитлер не мог бы укрепить свою власть и объединить вокруг себя большую часть немецкого народа, включая большинство интеллигенции, получить поддержку столь многих университетских профессоров, большинства представителей свободных профессий, государственных служащих и армии, — если бы путь к его диктатуре не был проложен в advance. Введенный вскоре отребьем эсесовцев и штурмовиков режим концлагерей и террора против своих противников сам по себе не может объяснить энтузиазма и преданности, с которыми большинство народа пошло за этим вождем, если не принять во внимание предшествовавшей тому духовной подготовки. Когда мы читаем теперь декларации ученых, писателей, журналистов, — даже тех, которых нельзя считать его приверженцами, — охотно предоставивших свою поддержку Гитлеру, с преданностью и радостью одевших на себя ярмо его власти, — мы невольно приходим к выводу, что большинство народа было готово признать его своим вождем. После второй мировой войны это ясно выразил известный мыслитель, профессор Репке:

«Гитлеры бывали всегда и всюду, но позор Германии заключается в том, что такая ничтожная личность могла стать во главе государства. Чтобы семя гитлеризма могло взойти, оно должно было пасть на благоприятную почву; такой почвой оказались германский Рейх и народ, в своем политическом, духовном, экономическом и общественном развитии».

В произведении Гете "Dichtung und Wahrheit" («Вы-

мыслей и Правда»), в четвертой части XX книги, мы находим пророчество о демонической личности типа Гитлера: «Против него не поможет никакое объединение нравственных сил. Напрасно будут просвещенные люди презирать его или разоблачать как обманщика и лжеца: массы потянутся к нему...»

Однако в данном случае даже сомнительно, пытались ли большинство «просвещенных» сделать это. Профессор Юлиус Эббингауз писал после войны:

«Университеты Германии не предприняли ничего, когда еще можно было открыто и энергично сопротивляться разрушению науки и демократического государства».

Вот пример: писатель и художественный критик под псевдонимом Вольфганг Брюгге написал статью: «Когда я слышу этот голос...» Статья написана в 1937 году и относится к речам Гитлера, этим крикливо-истерическим проявлениям бахвальства, ненависти и мстительности. Вот что он писал:

«За последние годы, когда бы я не слышал этот голос, я переживал одно и то же. Мне всегда казалось, что он обращен лично ко мне. Ко мне, безмянному среди миллионов слушателей, обращался этот голос. Чтобы обратить меня к лучшему, чтобы осветить мой путь, чтобы сделать меня Немцем. Этот голос проник непостижимо в глубину моей души, сорвал затворы, за которыми таилась моя вера, распахнул сокровенные двери, расплавил своим пламенем все мои сомнения, подавил во мне трусливого пса и пробудил героя, готового к подвигу».

Что же говорил этот голос своим восторженным и ревностным слушателям? Он говорил о культе ненависти и силы, о призвании Германии господствовать над народами и странами. Он говорил о войне в духе учения Трейчке, проповедовавшего войну как необходимость существования государства, он говорил о превосходстве арийской расы, — высшей расы господ, призванной править всеми неполноценными и ввести «новый порядок» в мире. Вот что писал Гитлер в своей программной книге «Моя борьба»:

«Вся человеческая культура, все достижения искусства,

науки и техники, заещанные нам, созданы почти без исключения арийцами. Этот факт приводит нас к выводу, что лишь ариец представляет собой то, что мы понимаем под словом «человек». Он — Прометей рода человеческого, чье чело излучает гениальность, освещающий светом знания таинственное молчание ночи, приведший человека к господству на прочих творениях земли...

Не случайно ариец породил первые очаги культуры, ибо в столкновении с неполноценными он покорил и подчинил их своей воле... Пока он беспощадно утверждал свое владычество, он оставался властелином и хранителем культуры... Позволив покоренным народам расти и сравняться с ним... ариец разрушил стену, отделявшую господина от слуги... Ни в коем случае нельзя было ему отказаться от чистоты крови. Уступив в этом, он был изгнан из рая, завоеванного им для себя, выродился и потерял способность творить...»

Гитлер отрицал существование общей основы человеческого рода. Согласно его учению, нет у людей взаимных обязательств. Место заповеди: «Люби ближнего, как самого себя!» занимает другая: «Сокруши того, кто не таков, как ты!». Вместо принципа всемирного братства — принцип расового превосходства. Существуют отличительные признаки расы господ: продолговатый череп, светлое и благородное лицо, выражающее возвышенный дух. Слово «ари» на санскритском языке означает «возвышенный». Арийцы принадлежат к индогерманской породе, чья самая высокоразвитая ветвь — тевтонская, а самое отборное племя — германцы. Они, и только они, призваны править миром железной рукой, но им нельзя осквернять себя смешением с другими расами. Чистота расы и охрана этой чистоты стали основой основ политики нацистов. Таков был «новый порядок», который Гитлер обещал своему народу. На нем должен был быть построен третий, тысячелетний Рейх.

Только человек арийской крови достоин быть гражданином Рейха: так постановлено нюрнбергскими законами. В предисловии к «Закону об охране германской крови и германской чести» сказано:

«Проникнутые сознанием, что чистота германской крови абсолютно необходима для продолжения существования германского народа, и воодушевленные непоколебимой решимостью навеки обеспечить безопасность германского народа, Рейхстаг принимает следующий закон...»

Затем началась кампания лжи. Было «доказано», что Иисус Христос был арийцем и что в его жилах не было ни капли еврейской крови. Ученые принялись за обоснование арийской науки. Профессор физики Филипп Ленард, лауреат Нобелевской премии, взялся за создание германской физики « в противоположность еврейской науке, представляемой Эйнштейном». По словам теоретиков расизма, вроде Германа Гауха и других, ненордический человек ближе к животному, чем к человеческому созданию. Расисты создали понятие «подчеловек» (Untermensch) по отношению к неарийцам. Профессор Валентин Мюллер учил, что только нордические народы способны к руководству.

В гитлеровской Германии возникли институты для изучения расы и обозначения места народов в иерархии рас. Евреи очутились на нижней ступени. Еще ниже оказались цыгане и негры.

Вражда к евреям, называемая «антисемитизмом», существовала во всех своих злодейских проявлениях и до Гитлера. Ее корни и источники — в несчастье еврейского рассеяния, в невежестве, предрассудках, суевериях и зависти окружающих. Темные люди всегда враждебно реагировали на чужое и непохожее. Но нацисты превратили антисемитизм в науку ненависти, начало которой — враждебность, а конец — убийство. Это было стихийное развитие. Тот, кто разжег ненависть к евреям, вступил на наклонный путь, приведший ко «Дню бойкота» против евреев 1 апреля 1933 года, к «Хрустальной ночи» 10 ноября 1938 года и к решению о «физическом истреблении» 21 июля 1941 года. Такова диалектика событий: каждое вытекает из предыдущего и влечет за собой последующее. Путь антисемитизма вел к воротам Освенцима.



Гитлер знал, что для торжества своей лженауки ему необходимо применить стародавнее оружие ненависти. Надо было представить немецкому народу объект, которому можно было бы приписать все отвратительное и позорное; которого надо презирать; который был бы полной противоположностью арийца, нациста; чье существование и деятельность оказались бы причиной всех трудностей на пути государства.

Этим объектом послужил еврей. Гитлер ненавидел и других; марксисты и коммунисты были постоянной мишенью его яростных нападок. Но разница заключалась в том, что последние могли исправиться, отрекшись от прежних убеждений, и, таким образом, быть принятыми в лоно национал-социализма. Еврей же был вечным козлом отпущения: у него не было исхода, и он не мог спастись от бури ненависти.

Тот, кто читает речи Гитлера, его труды и записи бесед с ним, поражается его невежеством, его способности воспринимать воображаемое за действительность. Но прежде всего поражает в нем способность убеждать других в своей чудовищной лжи. Один из его сторонников, позже ставший противником, Отто Штрассер, писал о нем:

«Меня часто спрашивали, в чем секрет огромной силы Гитлера как оратора. Я могу приписать это его исключительной интуиции, безошибочно угадывающей слабые стороны его слушателей. Когда он пытается обосновать свои мысли теорией или цитатами из книг, в которых он с трудом разбирается, тогда он очень посредственен. Но лишь только он отбрасывает эти костыли, смело шагает вперед и проповедует то, что ему подсказывает чувство, — он превращается в одного из величайших ораторов нашего века... Он входит в зал. Первые минуты он как бы ищет, ощупывает дорогу, изучает атмосферу. Внезапно он прорывается. Слова его разят, как стрелы, он обнажает рану в самом чувствительном месте, осво-

бождает подсознание толпы, выражает самые сокровенные ее мечты и возвещает ей то, что она хотела бы слышать».

И Гитлер, в самом деле, разжег ненависть к евреям, освободив ее из подсознания широких кругов немецкого народа, раздувая и поддерживая ее. Он развел микроб вражды к евреям в питательной среде, превратив его в эпидемию. С точки зрения внутренней политики гитлеровской Германии, еврей был удобным объектом для ненависти, поскольку он был беззащитен, а когда его преследовали, — внешний мир молчал или ограничивался безобидной словесной реакцией. Еврея представляли в качестве носителя коммунизма, т. е. врагом германской нации. В то же время еврей был капиталистом — т. е. врагом трудового класса. Национал-социализм нашел объект ненависти в соответствии со своим двойным названием, выставив еврея в качестве мишени для национальной и классовой ненависти. Еврей был также удобным предлогом для отвлечения общественного мнения от других проблем — старый способ, которым пользовались враги евреев испокон веков. Об этом говорит и обвиняемый: «Еврейский вопрос был желанным маневром, чтобы отвлечь внимание от других трудностей. Если возникали в то время какие-либо трудности другого характера, сразу обращались к еврейскому вопросу, и таким образом отвлекалось внимание. Так поступал не только сам Гитлер, но и его гаулейтеры и каждый, кто числился в правящей верхушке».

Растерянный и ослепленный мир не вздрогнул от этого потока ненависти и лишения человеческих прав, не поняв, что преследование евреев является первой атакой на него самого.

Тот, кто сделал официальным гимном песню «Когда с ножа брызнет еврейская кровь, тогда нам станет вдвойне лучше» — тот, совершенно естественно и из тех же ненавистнических побуждений, заявит впоследствии, что судьба разрушенного Ковентри станет судьбой всех английских городов.

Мы обязаны также отметить тот факт, что в Германии

были десятки тысяч ученых, священников, политических деятелей, писателей и простых людей, которые осмелились помогать евреям поднять голову против этого злодейского режима и даже восставать против него. Среди них были известные люди, деятели немецкой науки и культуры. Десятки тысяч противников кровавого режима были подвергнуты преследованиям, и многие страдали в концлагерях до момента разгрома гитлеровского чудовища. Многие погибли и не дожили до освобождения. Были арестованы сотни священников. Мы знаем примеры личного мужества; один священник, например, был посажен Эйхманом в концлагерь за свое открытое вмешательство в пользу евреев. Были немцы, которые скрывали евреев, делились с ними продовольственными карточками и подвергались риску, помогая евреям скрываться или получать арийские документы. Было антигитлеровское подполье. Во время войны нашлись даже немцы, которые протестовали перед Гитлером против позора, которым гестапо покрывает немецкий народ «деятельностью диких зверей», как они именовали истребление евреев. Нашлись военные, которые пытались личным вмешательством предотвратить убийства.

Но в целом они составляли незначительное меньшинство. Подавляющее большинство немецкого народа примирилось с новым режимом, приняло его, превратилось в равнодушного свидетеля страшнейшего преступления, когда-либо совершенного на протяжении истории человечества. Когда гитлеровский министр пропаганды Геббельс публично сжигал произведения еврейских и нееврейских писателей, как Генрих Гейне, Томас Манн, Вассерман, Эйнштейн, Фрейд, Эптон Синклер, Г. Уэллс, Золя, Гавелок Эллис и десятки других, потому что они якобы противоречили немецкому духу,—он заявил: «Душа немецкого народа сможет теперь найти себе новое выражение. Эти костры не только означают конец старой эпохи; они освещают блеском своего пламени новую эпоху». Большинство интеллигенции гитлеровской Германии было готово греться у этих костров и принимало их обманчивый блеск за путевой знак.

Гитлеровская Германия превратилась в арену антиеврейской кампании, направляемой и подстрекаемой животной ненавистью и травлей. На стенах появился лозунг *Deutschland erwache — Juda verrecke!* — «Очнись Германия, сдохни Иуда». Евреям стали приписывать все порочное и грязное. Яд животной травли распространялся еженедельно со страниц «Штюрмера», гнусного органа Юлиуса Штрейхера, впоследствии казненного по приговору Нюрнбергского трибунала.

Дабы очернить евреев, надо было также порочить их творения. Для этой цели поносили и оскверняли гордость еврейского творчества — Библию. Адольф Розенберг, один из «идеологов» нацизма, потребовал устранения Библии из всякой области духовной жизни и веры. Он ставил в вину протестантской церкви то, что она чтит Ветхий Завет как святыню. Говорили об «избавлении Иисуса Христа» от еврейского происхождения, таким образом желая унижить народ, который его породил.

«Протоколы сионских мудрецов» — фальшивка, изображающая «еврейский заговор с целью завладеть миром», давно разоблаченная как гнусная клевета, стала вновь важным орудием пропаганды, широко распространялась и изучалась.

Даже презренный ритуальный навет, давно отвергнутый папами и королями, снова был извлечен на свет божий во всем своем безобразии. В беспрецедентном по цинизму облачении этот поклеп появился в разгаре войны, 19 мая 1943 года, когда глава СС рейхсфюрер Генрих Гиммлер послал начальнику Эйхмана, шефу Главного Управления Безопасности Кальтенбруннеру, сотни экземпляров книги «Ритуальное убийство» с просьбой распространить их среди тех, кто занимается еврейскими делами. Он приказал позаботиться о распространении ритуального навета в Румынии, Венгрии и Болгарии, чтобы можно было заставить колеблющиеся правительства этих государств согласиться на депортацию евреев.

Вдобавок Гиммлер предложил Кальтенбруннеру построить особую радиостанцию для ведения антисемитской пропаганды, обслуживающую Англию и США, по ко-

торой можно было бы транслировать материалы из «Штюмера».

«Кроме того, — писал он, — надо выделить специальных людей для проверки объявлений английских судов и полиции. Тогда мы могли бы в наших передачах сообщать о том, что в таком-то месте исчез ребенок и, очевидно, он убит евреями для ритуальных целей».

«Я считаю, — добавил он, — что мы сможем значительно продвинуть антисемитскую пропаганду на английском и, может быть, также на русском языках при помощи распространения ритуального навета».

Но не будем забегать вперед. 30 января 1933 года Гинденбург передал власть в Германии Гитлеру. Знал ли этот старец, какое зло он причиняет своему народу и всему миру? После приведения к присяге членов нового правительства, он сказал им: «Теперь же, господа, с Божьей помощью, вперед!». И Германия двинулась вперед, навстречу войне, ужасу и позору.

Еще до того, как власть полностью перешла в руки гитлеровцев, они приступили к официальным преследованиям евреев. 1-го апреля 1933, всего лишь два месяца после прихода Гитлера к власти, был организован «день бойкота», который должен был символизировать их цель: искоренение и удаление евреев из германского Рейха. Евреев избивали, бросали в концлагеря, арийским покупателям запрещали заходить в еврейские предприятия. Тогда Роберт Вельч написал свою памятную статью в «Юдише Рундшау», органе немецких сионистов: «Гордо носите желтый знак!». Но и Вельч не мог предвидеть, что в будущем желтое клеймо превратится в отличительный знак всех евреев в странах гитлеровского господства, для их опознания и последующей отправки на смерть.

Отныне экономический бойкот сопровождал евреев до окончательной развязки. По новому законодательству евреи были исключены из ряда профессий: адвокатура, медицина и преподавание были закрыты перед ними; из армии их изгнали. В 1935 году были введены «нюрнбергские законы», запрещавшие смешанные браки и лишавшие евреев немецкого гражданства. Затем их изгнали

из промышленности и всей немецкой экономической жизни.

После того, как гитлеровцам удалось использовать антисемитизм как важное орудие для захвата власти в самой Германии, они решили употребить этот же яд ненависти как цемент, который мог бы сплотить антисемитов во всем мире, а затем уже расшатать и раскрошить тем же оружием всякое сопротивление господству гитлеровской Германии.

В то время как военная мощь Германии наводила страх на страны и народы, парализуя их разум, — антисемитизм служил испытанным средством для подкопа под совесть народов для того, чтобы распалить низменные инстинкты, вырастить квислингов и других прихвостней. Официальные заявления нацистской партии и имперского правительства рисовали евреев как врагов мира и призывали к созданию международного союза против еврейства — *Völkerbund gegen Juda*.

В каждой стране, куда ступала нога гитлеровского захватчика, его уже ждала группа авантюристов, изменников родины, темных элементов, а зачастую просто головорезов, которым не терпелось грабить еврейское имущество и принять участие в низменных убийствах. Куда бы ни вступила германская армия, она несла с собой подавление человеческой свободы и ненависть к евреям.

Антисемитизм превратился в предмет экспорта, который распространялся всюду при помощи дипломатов и представителей Германии за границей. Мы увидим на Суде, как гитлеровцы использовали разжигание вражды к евреям для сплочения фашистских партий в разных странах, тем самым облегчая им подкопаться под независимость народов и государств и создать пятую колонну в оккупированных странах. Эта пятая колонна всегда питала вражду к евреям — она зарождалась и росла вместе с антисемитизмом. Учение нацизма шло всегда рядом с культивированием антисемитизма: на протяжении всей деятельности Рейха нацизм и антисемитизм были неразрывно связаны. *Nasjonal Samling* Квислинга в Норвегии, *N. S. V.* Муссерта в Голландии, группа Дар-

нана во Франции, движение Дегрелля в Бельгии, партия Глинки в Словакии, «ушташи» Павелича в Кroatии, «Железная гвардия» в Румынии, «Скрещенные стрелы» Салаша в Венгрии, Украинская повстанческая армия на Украине, «Перконкруст» в Латвии, ДНАС в Белоруссии и другие — все они были за фашизм, за диктатуру, за антисемитизм.

Риббентроп, гитлеровский министр иностранных дел, работал над образованием антисемитского интернационала, авангарда разложения и моральной порчи, действующего за пределами Германии в помощь армиям захватчиков. Антисемитизм был в руках нацистов полезным и грозным оружием, наравне с орудиями, бомбардировщиками, подводными лодками и прочим смертоносным оружием, используемым против народов и стран. Но в то время как германская военная мощь уже сломлена, рев орудий умолк, бомбардировщики сбиты, подводные лодки потоплены — антисемитизм, посеянный в мире, все еще существует, дает ростки и снова подымает голову, а его приверженцы выползают по ночам, чтобы малевать на стенах знаки свастики.

На самом пороге поражения во второй мировой войне, когда чаша весов стала клониться в сторону союзников, когда советская армия прогнала немцев почти со всех оккупированных ими территорий на Востоке, когда на Западе капитулировала Италия, когда в решающее лето 1944 г. крупнейший в истории десант готовился на Британских островах к мощному вторжению, когда города Германии превратились частично в развалины, — министерство иностранных дел Германии созвало в апреле 1944 г. совещание своих представителей в столицах Европы для обсуждения мер к усилению антисемитизма во всем мире. Посол Шлейер доложил собравшимся об успехах антисемитизма в Англии и США; наметил программу деятельности в будущем; подчеркнул, что распространение антисемитизма является одной из целей войны, которую ведет Германия; заявил, что уничтожение евреев на Востоке уже лишило еврейство его биологических резервов, хотя оно еще продолжает существо-

вать в Советском Союзе, Англии и США. Он заключил: «Не только в Германии, но и во всем мире еврейский вопрос должен найти свое окончательное решение» Собравшиеся перешли к подробному обсуждению ближайших мероприятий по распространению антисемитизма при помощи книг, карикатур, фильмов и печати. Для каждой страны приспособили методы, соответствующие местным условиям. Словакам надо было говорить, что евреи и большевистская Россия — одно и то же, и идее панславизма противопоставить панантисемитизм. В Турции следует распространить «Протоколы сионских мудрецов». В Англии и США будет возобновлена пропаганда по радио. Во Франции надо расширить деятельность Антиеврейского института и его антисемитских выставок. В Швейцарию будут посланы брошюры. Итальянцам можно сказать, что евреи занимаются спекуляцией на черном рынке; шведам пошлют открытки с антисемитскими остротами.

Так, гитлеровцы пытались добиться антисемитизмом того, что им не удалось достичь силой оружия.

Злодеи не раскаиваются и на пороге ада. В апреле 1945 года, в предсмертных судорогах, когда советские орудия гремели на улицах Берлина, когда Гитлер сидел взаперти в подвале имперской канцелярии, когда мир над ним раскалывался и его страна была разгромлена на трупах шести миллионов евреев, — фюрер писал свое политическое завещание. Он завещал своему народу вечную ненависть к евреям и закончил словами: «И прежде всего я вменяю в обязанность всем руководителям нации и их подчиненным соблюдать расовые законы и беспощадно бороться с международным еврейством — этим отравителем народов».

Так, Гитлер пытался даже из могилы сеять семена ненависти и гибели еврейского народа.

ГЛАВА II

СС, СД и ГЕСТАПО

Преследование евреев в Германии, в захваченных ею странах и странах-сателлитах, было частью официальной политики нацистского правительства и партии. Для этого были использованы правительственные органы Рейха, включая министерство иностранных дел, министерство пропаганды и даже армию. Но главными инструментами, созданными нацистским режимом и партией для господства в Германии и терроризирования оккупированных стран, были три преступные организации: СС, СД и гестапо. Адольф Эйхман принадлежал ко всем трем.

Уже в 1921 году, в самом начале своего пути, национал-социалистская партия выделила ударные отряды штурмовиков — СА (Sturmabteilung, SA) — как исполнительный орган пропагандистского аппарата. Они распространяли идею «жизненного пространства». Они поставляли головорезов, провоцировавших уличные драки и скандалы в пивных. После захвата власти нацистами ими пользовались для угнетения и заточения в концлагеря политических противников.

В 1925 году было образовано СС (Schutzstaffel), — отборная часть СА. Его первоначальным, формальным назначением было состоять при особе Гитлера и других вождей в качестве личной охраны. Но вскоре СС превратилось в орудие овладения партией, затем — Рейхом и, наконец, всей покоренной Европой. СС было своего рода орденой организацией, имевшей особое назначение. Глава СС Генрих Гиммлер создал из него мощный кулак, всегда занесенный для удара, готовый поразить и смять любого противника. Поэтому туда принимались только отборные люди. Это была элита режима. При назначении Гиммлера «рейхсфюрером», т. е. верховным руководителем СС, оно насчитывало всего 280 человек. Накануне войны их было четверть миллиона, прошедших военное обучение и сформированных на подобие войсковых единиц.

Позже Гиммлер образовал отборные «вооруженные» воинские части — «Ваффен-СС» — в противовес регулярной германской армии, на случай, если бы последняя проявила колебания в отношении фюрера. Таким образом Гиммлер создал мощный аппарат, располагавший отдельной армией, собственным военным снаряжением и имевший самостоятельную систему снабжения и даже отдельное законодательство и особое судопроизводство. Это были вернейшие из верных, опора и гарантия режима. Гитлер был их идолом, а Гиммлер — его первосвященником.

Нацистская нечисть сконструировала свой аппарат власти с дьявольской хитростью и основательностью. Внутри партии функционировала Служба безопасности рейхсфюрера СС, сокращенно — СД (Sicherheitsdienst). Для вида ее именовали «мозгом партии и государства», но вскоре она обратилась в инструмент внутрипартийной разведки и шпионажа, не брезгавший никакими методами для достижения своих целей. Ее организатор и начальник, Гейдрих, всегда твердил: «Надо знать о людях как можно больше». Для этой цели была создана сеть партийной разведки и информации, в которую входили доверенные люди (V - Leute), «агенты» (A - Leute), «осведомители» (F - Leute), служащие (Z - Leute) и «осведомители под сомнением» (U - Leute). С благодарностью принимались всякие сведения из области экономической, общественной, политической, но в особенности — информация о частной жизни. Гейдрих хотел знать мельчайшие подробности о членах партии и ее противниках; об их характере и привычках; об излюбленных занятиях и слабостях; об их устремлениях и скандалах, в которых они были замешаны; о любовных связях и местах, которые они посещают; о доходах предприятий; о банковских операциях, — короче, все, что можно было бы так или иначе использовать против отдельного лица или фирмы в целях нажима и вымогательства. Весь материал тщательно и аккуратно заносился в картотеку личных досье, которую обслуживали почти сто тысяч агентов, сыщиков и постоянных доносчиков. Ничто из самой интимной жизни вождей Рейха, а позже — вождей и ли-

дерев всей Европы, не могло укрыться от бдительности СД. Понятно, что этот аппарат вскоре превратился в мощное оружие.

С момента прихода нацистов к власти столкновение между СА и СС стало неизбежным. Как только Гитлер заявил, что двумя столпами режима являются государство и партия, стало ясно, что только один из этих двух партийных органов может служить краеугольным камнем партии. Гиммлер без труда расправился с СА. Главари СА были перебиты в знаменитой чистке 1934 года. Господство Гиммлера над партией стало полным.

Но для упрочения власти аппарат разведки был недостаточен, — нужен был и исполнительный орган. В 1936 году Гиммлер стал во главе всей германской полиции, включая политическую и уголовную. Он подобрал старших офицеров СС и полиции, действовавших в качестве его уполномоченных. Полиция безопасности и гестапо были поставлены под начало Гейдриха. Когда вспыхнула вторая мировая война, Гиммлер разделил эсэсовскую организацию на 12 главных отделов. Одним из этих отделов было РЗГА (Reichssicherheitshauptamt), т.е. «Главное управление государственной безопасности». Полиция была ему подведомственна, и главной задачей его было подавление всякого сопротивления режиму. Во главе РЗГА стоял Гейдрих. Четвертым отделом было гестапо, возглавляемое Мюллером; его секцией IV Б 4 — по еврейским делам — заведовал Адольф Эйхман.

В распоряжении Гиммлера находились, как уже было сказано, также настоящие военные силы, в том числе «части мертвых голов» (Totenkopfverbände) со знаком черепа на фуражках, проводившие расправы в концлагерях; части особых поручений (SS — Verfügungstruppen), «костедробители врагов режима», — и разные другие полицейские части.

СС развилось и превратилось в независимую и самостоятельную организацию, господствовавшую над всей нервной системой нацистской Германии, в фактическое «государство в государстве», независимое и исполняющее центральное и решающее задание. Все соперники Гимм-

лера в борьбе за власть и влияние в Рейхе были обречены на неудачу. Гитлер всегда был на стороне своего «верного Генриха». Временами казалось, что Гиммлер остерегается посягать на прерогативы армии, что он идет на уступки и компромисс с маршалами и генералами вермахта, многие из которых внутренне презирали его и даже отказывались признать ему генеральское звание. Но и это его желание было исполнено в 1944 году, когда он был назначен главнокомандующим ополчения (Ersatzheer).

Приговор Международного Военного Трибунала о преступных организациях

Международный военный трибунал в Нюрнберге, чьи решения по этому вопросу, согласно нашему законодательству, являются для нас обязательными, — так установил в своем приговоре:

«Создание РЗГА оформило на высшем уровне отношения между СД—как органом разведки—и Полицией безопасности. Подобная координация существовала также в местных отделениях. В пределах самой Германии и на присоединенных к ней территориях, управлявшихся гражданской администрацией, местные отделения гестапо, уголовной полиции и СД были формально разделены. Однако они согласовывали свои действия при помощи инспекторов Полиции безопасности и СД, числившихся в штате старших командиров СС и полиции. Одна из главных задач СД на местах заключалась в том, чтобы служить органом разведки для частей гестапо. В оккупированных областях связь между местными отделами гестапо, уголовной полиции и СД была несколько теснее. Там они были организованы в местных отделах Полиции безопасности и СД и находились под двойным контролем РЗГА и начальника полиции и СС, назначавшегося Гиммлером в штаб оккупационной власти. Первоначально одной из основных функций

гестапо было пресечение всякой политической оппозиции режиму, — функция, выполнявшаяся при помощи СД... Гестапо и СД расследовали также обвинения в государственной измене и вопросы, касавшиеся печати, церкви и евреев. По мере роста преследований евреев, все важнее становилась роль этих учреждений...

Гестапо и СД были использованы для целей, признанных преступными согласно Хартии,*) включая преследование и истребление евреев, жестокости и убийства в концентрационных лагерях, террор в управлении оккупированными областями, проведение программы рабского труда, истязания и убийства военнопленных...

Трибунал включает в эту активность гестапо деятельность всего исполнительного и административного персонала четвертого отдела РЗГА...

В соответствии с духом Хартии, Трибунал объявляет преступниками вышеупомянутых работников гестапо и СД, которые были или остались членами этой организации, зная, что она служит для совершения преступных действий, согласно § 6 Хартии, — а также принимавших личное участие в совершении подобных преступлений».

И вот что было сказано Международным Военным Трибуналом об организации СС:

«СС принимало деятельное участие в совершении военных преступлений и преступлений против человечности...

СС играло особенно важную роль в преследовании евреев...

*) Лондонская Хартия 1945 года, подписанная США, Советским Союзом, Великобританией и Францией, в духе которой был учрежден Международный Военный Трибунал. Хартия дает определения преступлений против мира и человечности.

Невозможно выделить из состава СС какую-либо часть, которая бы не занималась преступными действиями. Организация СС в целом активно участвовала в преследовании евреев, и из нее набиралась стража концлагерей. Части вооруженных сил СС были непосредственно причастны к убийству военнопленных и жестоким преследованиям в оккупированных странах. Из эсэсовцев складывался личный состав отрядов особого назначения, и они несли службу в лагерях после соединения с частями «Тотенкопф» СС, первоначально занимавшихся этим. Различные полицейские соединения СС также широко использовались для совершения жестокостей и истребления евреев в оккупированных областях. Главное управление СС заведовало деятельностью всех этих формаций и было ответственно за такие специальные операции, как опыты над людьми и «окончательное решение еврейского вопроса».

Занимаясь СС, Трибунал включает в него всех лиц, состоявших официально членами СС, в том числе членов общей организации СС, членов «Ваффен-СС», членов отрядов «Тотенкопф» и различных полицейских частей, входивших в состав СС...

Трибунал объявляет преступной группу людей, перечисленных выше, которые были и оставались в составе этой организации, зная, что она служит для совершения преступлений, обозначенных в § 6 Хартии, — или лично принимавшие участие в совершении этих преступлений».

СС создало концентрационные лагеря, рабочие лагеря и лагеря истребления. Эта организация, заклеименная приговором Нюрнбергского суда, осуществила на деле чудовищный заговор для совершения злодеяний и ужасов, не имеющих прецедента в истории.



Во всех оккупированных Германией странах работали особые уполномоченные Гимmlера — в качестве высших офицеров СС и полиции или прямых представителей РЗГА (Главного управления гос. безопасности).

В теории они были прикомандированы к оккупационным властям, но на практике они действовали по собственному почину и были только формально им подчинены. Этот факт являлся естественным результатом характера тоталитарного строя, в котором полиции всегда предоставляется почти неограниченная власть, в особенности — тайной полиции, а также военной обстановки в захваченных странах, где этими силами пользовались для подавления всякого сопротивления и для укрепления органов полицейского режима.

Таким образом РЗГА — Главное управление гос. безопасности — при посредстве полицейских офицеров господствовало над всей оккупированной Европой.

Когда вспыхнула война с Советским Союзом, СС получило вдобавок особые полномочия. 17 июля 1941 года Гитлер дал распоряжение подчинить все мероприятия по безопасности на оккупированной территории Востока рейхсфюреру СС, который мог отныне давать приказы в этом отношении всем другим властям. Мы еще увидим, как Гимmlер воспользовался предоставленными ему огромными полномочиями; в еврейских делах исполнительным органом СС и его любимого детища — РЗГА — был Адольф Эйхман.

В найденной позже директиве Розенберга, министра оккупированных областей на Востоке, мы читаем:

«Ввиду происшедшего инцидента, я настоящим запрещаю всем членам гражданской администрации в восточной зоне принимать активное участие в каких бы то ни было казнях. Проведение экзекуций, в частности в связи с истреблением евреев, является заданием Полиции безопасности и СД».

Первым и главным инструментом СС для репрессий

были концентрационные лагеря. В них, с помощью всех средств технического знания нашего века, была развита и доведена до совершенства система террора и устрашения. Нацист, этот романтический мистик, семьянин, любящий муж и милосердный отец в глазах окружения, любитель природы и всяких тварей, вел себя в концлагерях с жестокостью хищного зверя и, не поведя бровью, топтал человеческие существа, будто бы они были вредные насекомые. Одна из самых потрясающих глав рассказа Рудольфа Гесса, коменданта Освенцима, — это та, в которой он описывает свою семейную жизнь, воспитание своих сыновей, привязанность к жене, — и все это происходило тут же, за проволочными заграждениями, заряженными током высокого напряжения, возле жуткого лагеря смерти, где изо дня в день отравляли и убивали от пяти до десяти тысяч человек, а иногда и больше.

Бессудное лишение свободы человека, не имеющего возможности доказать свою невиновность и не знающего срока освобождения, — само по себе тяжелое потрясение. Если прибавить к этому систему унижения, каторжной работы, побоев, бичеваний, пыток и виселиц, — мы сможем понять, какой ужасной силой угнетения обладали нацистские лагеря.

Гестапо научилось также использовать все человеческие слабости своих жертв. Оно знало, что голод и пытки могут сломать со временем даже сильных людей; что мучениями и издевательствами можно лишить человека образа Божьего и превратить его в тупое, бесчувственное существо, в автомат, послушно исполняющий приказания и делающий то, что велено, даже тогда, когда это — рытье собственной могилы.

Арийский противник режима мог выразить раскаяние, надев на себя ярмо национал-социализма. Он мог надеяться на освобождение и на право на достойную жизнь наравне с другими. Многие так поступили, поддавшись гипнотической силе Гитлера и его все растущего могущества. Ничто так не убеждает, как успех. Только для еврея не было путей спасения, ибо все

было тщательно уготовлено для сломиения его сопротивления и доведения его до полной потери веры в свое право существования на земле. Также и на него воздействовало внушительное превосходство победоносной «расы господ». Кроме того, к нему еще применяли все способы унижения и надругательства, направленные на разрушение веры человека в себя. Когда хлещут по лицу и нет возможности реагировать; когда морят человека, доводя его до корчей от муки голода; когда заставляют мужчин и женщин, мальчиков и девочек, отправлять естественные потребности на глазах друг у друга, подобно животным; когда женщин гонят нагими на поверку; когда денно и нощно доказывают посредством расстрелов и виселиц, что жизнь еврея абсолютно ничего не стоит; когда на глазах у тебя убивают без всякого повода, по капризу или просто для забавы; когда по десять раз в день тебе доказывают, что ты беззащитен и брошен на произвол судьбы; что от настроения любого эсэсовца зависит, останешься ли ты сегодня в живых; — тогда не трудно довести большинство забитых, замученных и истерзанных людей, лишенных веры, отупевших и впавших в совершенное отчаяние, до состояния, когда пределом их желаний станет — скорая смерть без лишних мучений.

Людей в лагерях доводили до того, что они едва ли еще были в состоянии различить добро и зло. Человек превращался в животное, душа его почти утрачивала способность проявлять человеческие чувства — сострадание и скорбь. Работая в лагерной швальне над грудой одежды, снятой с трупов, он мог наткнуться на вещи своей жены и детей. Он мог вздрогнуть, но глаза его тут же потухали. Он не кричал, не лишался рассудка, не замахи-вался кулаком на своего порабитителя, а продолжал работать и накладывать заплату на пробитые пулями дыры, спарывать желтый знак, чтобы после починки эти вещи могли служить убийцам.

Гестаповцы хорошо знали покоренные народы и старались разжечь ненависть к евреям в каждом месте, куда они прибывали. Они также хорошо знали, где и в

каких кругах можно лучше всего преуспеть. Подстрекательство к еврейским погромам имело успех, главным образом, в странах Восточной Европы и Прибалтике... Там можно было положиться на животный антисемитизм, распространенный в разных слоях населения, подвести под него «научное основание» и обещать грабителям и убийцам официальную поддержку. Там, погромщики знали, что власти на их стороне. Мы представим Суду рапорты начальников карательных отрядов — «Эйнзацgruppen», в которых говорится, что, несмотря на достигнутые успехи в деле побуждения местного населения к погромам, евреев далеко еще не ликвидировали, и надо поэтому перейти к методам непосредственного истребления.

Гестаповцы знали также, что воля к жизни — первичный инстинкт, и потому они ее тоже поставили на службу себе. Сокрушив мораль своих жертв, они отбирали часть из них и поручали им особые задания, или, для отвода глаз, предоставляли им некоторые права. Программу полного истребления держали в тайне; поэтому можно было тем или иным втихомолку обещать или намекнуть, что их пощадят, если они примут на себя определенные функции или станут осведомителями, — и что этим они спасут не только свою жизнь, но и жизнь своих близких. Как правило, было принято использовать против жертвы ее же соплеменников. Мы представим Суду приказы гестапо, в которых сказано, что вешать заключенных в концлагерях должны другие заключенные той же национальности и что в виде вознаграждения полагается выдавать палачам по три сигареты.

Нацисты умели эксплуатировать для своих целей каждую человеческую слабость и любую биологическую нужду. Они даже открыли публичные дома в концентрационных лагерях, право посещения которых давалось их услужливым пособникам; они умели искусно лгать, обманывать и всеми возможными уловками вводить в заблуждение свои жертвы. После каждой облавы, когда евреи тысячами и десятками тысяч высылались на смерть, некоторым удавалось укрыться, но нацисты умышленно распространяли слух, что это уже последняя «операция», что не

будет больше транспортов и оставшихся не тронут. И многие из тех, которые обычно ухватываются за любую надежду, или из тех, которые не могли или не хотели допустить мысли, что судьба всех евреев предрешена, упавшие духом, уставшие от голода, мучений и страданий, — отваживались выглянуть из своего укрытия, возвращаясь тайком из лесов, — чтобы попасть в руки своих преследователей. Тигр играл добычей, как хотел.

Евреи на службе у нацистов

Мы найдем и евреев на службе у нацистов — в еврейской полиции гетто, в «советах старейшин» — «юденратах». Даже у входа в газовые камеры стояли евреи, которым велено было успокаивать жертвы и убеждать их, что они идут только мыться под душем. Это была самая сатанинская часть плана — заглушить в человеке все человеческое, лишить его эмоциональных чувств и силы разума, превратить его в бездушного и трусливого робота — и, таким образом, сделать возможным превращение самих лагерных заключенных в часть аппарата, истребляющего их же братьев. В результате гестапо могло свести число своих людей в лагерях до минимума. Но в конце концов и роботы не могли избежать горькой участи и подверглись уничтожению, наравне со своими соплеменниками.

Надо считать чудом, что даже в этом аду многие евреи все же сохранили человеческий облик и не дали сломать себя окончательно. Но были и другие. На этом процессе мы не будем судить исполнявших приказы евреев — «капо» или членов «совета старейшин», как бы мы к ним ни относились. Это не суд над жертвами, а над палачом. Мы не поставим также на обсуждение вопрос, какой путь должен был избрать еврейский лидер или общественный деятель, находясь в пасти зверя, — путь ли Эдельштейна, который старался организовать гетто в Терезиенштадте, или метод Кастнера, пытавшегося вести переговоры и открыть хоть малую отдушину для спасения небольшого числа людей, или линию Чернякава, покончившего самоубийством, когда гитлеровцы

потребовали от него выдачи варшавских евреев на смерть. Этот вопрос не будет разбираться на настоящем процессе. Я не думаю, что мы можем сегодня установить нравственный кодекс поведения для жертвы, находящейся в когтях хищного зверя, и решить, как должен был вести себя тот или иной еврейский деятель в Варшаве, Будапеште, Праге или Вене: стараться ли спасти, что можно, поднять ли восстание, или цепляться за каждую соломинку надежды на избавление, даже наперекор очевидности. Конечно, все мы гордимся восстанием в Варшавском гетто, проявлениями мужества, сопротивления и бунта, партизанами и бойцами, разившими преступный режим. Однако настоящий процесс — не место для выяснения этой трагической проблемы; предоставим ее решение историку великого народного бедствия. На этом процессе мы судим Адольфа Эйхмана.

ГЛАВА III

ПОДСУДИМЫИ

Вот некоторые личные данные: он родился 19 марта 1906 года в Золингене и ребенком переехал с семьей в Австрию, в Линц. По окончании начальной школы учился в средней, потом в техникуме. Уже в 1927 году мы находим его марширующим в рядах «австро-германских фронтовиков», а с 1932 года он — член национал-социалистической партии и СС. В партию ввел его друг детства, позже ставший его начальником, кровавый Эрнст Кальтенбрунер, которого Международный Военный Трибунал признал ответственным начальником РЗГА и руководителем его преступной деятельностью. Понятно, что Эйхман примкнул к СС и остался в этой организации по своей доброй воле. Подобно своему вождю, Гитлеру, он покинул Австрию и поселился в Рейхе. Гитлер это сделал, чтобы уклониться от воинской повинности в австрийской армии; Эйхман — потому, что был привлечен все растущей силой национал-социализма в Германии. В 1933 году он проходит военную подготовку в учебном лагере СС в Лахфельде, потом в Пассау. В 1934 году он «унтершарфюрер» (капрал) в концентрационном лагере Дахау, ставшем школой для всех «подающих надежды» эсэсовцев. Первый комендант этого лагеря Теодор Эйке установил с самого начала принцип: «Терпимость — это проявление слабости». Исходя из него, следует действовать беспощадно, если это в интересах отечества. А что касается политических подстрекателей и интеллигентов всех мастей, — им надо сказать: «Пусть поберегутся... иначе мы возьмем их за глотку... и заставим молчать».

Дахау был своего рода горнилом, в котором закалялись будущие нацистские палачи; здесь изучали доктрину ненависти, здесь их заставляли избивать и умерщвлять заключенных.

Обогащенный этим опытом, Адольф Эйхман в сентябре 1934 года перешел на службу в СД, теперь уже в чине

«шарфюрера» (сержанта). Год спустя мы находим его в еврейской секции СД, работавшей в тесном контакте с еврейской секцией гестапо. В первые годы своей деятельности он встретил там людей, позже ставших его верными сотрудниками: Вислицени, Даннекера, братьев Гюнтер и Алоиза Бруннера.

На этом поприще он был занят, главным образом, в области разведки. Его послали на Средний Восток, и он представил подробный отчет о своей поездке; Вислицени был послан на XX Сионистский конгресс и следил за его прениями..

В СД Эйхман продолжал продвигаться вперед и в 1937 году был произведен в офицеры. В это время мы встречаем его в обществе своего второго покровителя, недоброй памяти Юлиуса Штрейхера, заклеянного Международным Военным Трибуналом как поджигателя и подстрекателя к убийствам и истреблению.

Штрейхер и его подручные сблизилась с Эйхманом и взяли его в 1937 году на партийный конгресс в Нюрнберг. Там он вошел в сношение со всеми иностранцами, чаявшими нацистской победы, и связался с главарями анти-семитской агитации.

После захвата Австрии в 1938 году Эйхман был направлен в страну своего детства. К этому времени он уже приобрел известность как эксперт по еврейским делам. Вена была первой «тренировочной площадкой» Эйхмана, и в ней он впервые выступил в роли ответственного организатора. Политика гитлеровцев сводилась тогда к тому, чтобы заставить евреев эмигрировать, и Эйхман душой и телом отдался этому заданию. Он оказал такое рвенне, что деятельность его вскоре была замечена министрами Рейха; в ней усмотрели образец и путь, как скорейшим образом выселить евреев. В Вене это было организовано по системе конвейера: человек приходил в учреждение полноправным гражданином, с общественным положением, занятием, имуществом и кровом над головой, а пройдя все этапы «обслуживания», он выходил эмигрантом, без имущества, которое частично было конфисковано, частично принудительно внесено на блокированный

банковский счет, в обесцененной валюте; квартира его была занесена в список подлежащих конфискации, сам он был уволен с работы, дети изгнаны из школы, — и единственной вещью в его обладании оказывался паспорт на выезд — с пометкой «еврей», — предоставлявший ему право покинуть Австрию в определенный срок, но без разрешения вернуться.

Нажим на евреев с целью заставить их выехать производился всеми способами. Иностранцев и бесподанных высылали в 24 часа. Евреев из провинции высылали в Вену разоренными; евреям столицы было приказано принимать их и содержать до выезда. Сопротивлявшихся арестовывали. В то же время отчуждали еврейские госпитали, санатории и школы.

Неудивительно, что представители Берлинской общины, которым было приказано прибыть в Вену, чтобы познакомиться с замечательными достижениями Эйхмана и извлечь для себя урок для будущей практики, были потрясены этим «сборочным конвейером эмиграции».

С начала 1939 года эйхманская система принудительной эмиграции была введена в Центральном бюро для еврейской эмиграции, созданном в Берлине, а после вторжения в Чехословакию — в подобном же учреждении в Праге.

Как уже было упомянуто, Гиммлер объединил в сентябре 1939 года государственную Полицию безопасности и партийную разведывательную службу (СД). Приблизительно в это же время Эйхман вернулся в Берлин и был назначен заведующим Центральным бюро для еврейской эмиграции — пост, номинально занимаемый Гейдрихом, хотя Эйхман и раньше фактически исполнял эту функцию.

Мы приведем доказательства, характеризующие методы Эйхмана в Вене и Праге, и опишем, как он разговаривал и как обращался с евреями по наилучшей традиции нацистского двуличия.

Угнетение, запугивание и террор и одновременно притворство с целью создать впечатление, что «не так страшен черт, как его малюют», что можно столкнуться,

вести переговоры... иногда даже услышать вежливое словцо. С одной стороны, пощечина, отпущенная при первой же встрече д-ру Левенгерцу, члену президиума Венской общины, грубая брань по адресу Штала, президента Берлинской общины в 1939 году, в стиле: «Мерзавец, куча навоза, давно не был в концлагере!», брань по адресу Шебештьена, почтенного старейшины общины Братиславы, который осмелился предложить ему папиросу: «Убрать немедленно!» (*Weg mit dem Zeug!*) — а с другой стороны — лицемерная поза человека, интересующегося якобы еврейскими проблемами, готового удовлетворить кой-какие просьбы, обычно незначительные.

Представители общин все еще питали надежду, что с ним можно будет договориться, тем более, что другого выхода не было. Он стал хозяином жизни и смерти евреев. Предстоял еще долгий путь до печей Освенцима и жестокой расправы с венгерским еврейством, но Эйхман уже посмел сказать барону Фрейдигеру, благородному главе общины в Будапеште, пришедшему к нему просить за жизнь евреев: «Я вас искрошу!» Он уже был на пути к своей цели; он стал полновластным, ничем не ограниченным вершителем судеб евреев, — как выяснится Суду из отчетов Венской и Пражской общин, которые мы представим. Тем временем его успехи в преследовании евреев принесли ему повышение в чине и новые полномочия.

В конце 1939 года мы находим Эйхмана в Берлине. На этот раз он вызывает к себе представителей Венской общины. Они должны рапортовать ему о том, как продвигается эмиграция, и получить указания, касающиеся дел общины. Он ставит их в известность, что отныне он будет делить свое время между Берлином, Веной, Прагой и оккупированной Польшей. В то же время, благодаря его опыту по искоренению населения, он получает в дополнение к своим обязанностям еще одно задание: провести гигантскую операцию изгнания еврейского и польского населения из западных областей Польши, аннексированных Рейхом, — включая область Варты, Верхнюю Силезию, Польский Коридор и Гданьск. Теперь он уже

заведует секцией в РЗГА, а именно IVД4. В это время он занят также жутким изгнанием евреев в район Ниско. Этими делами он продолжал заниматься также и в 1940 году.

В марте 1941 года мы видим Эйхмана во главе секции IVБ4 гестапо, ведавшей еврейскими делами и выселениями. На этом посту он находился до трагического конца европейского еврейства. Но он был также особоуполномоченным Гейдриха по «окончательному решению еврейского вопроса». В результате соединения всех этих функций — мы еще к этому вернемся — Эйхман, опираясь на огромные полномочия, нес личную ответственность за реализацию плана уничтожения, как в Рейхе, включавшем уже тогда Австрию и Протекторат, так и в оккупированных странах. В Рейхе он действовал посредством местных штабов полиции, окружных и районных (Stapoleitstellen, Stapostellen), в каждом из которых находился уполномоченный по еврейским делам, получавший приказы непосредственно от Эйхмана.

В оккупированных странах, во Франции, Норвегии, Бельгии, Голландии, Люксембурге и Италии, у него были особые представители, прикомандированные к штабам полиции, уполномоченные ведать еврейскими делами. В странах-сателлитах — Румынии, Болгарии, Словакии — он имел при посольствах Рейха особых подручных, проводивших депортацию евреев с помощью местных властей, которых они обычно вводили в заблуждение относительно назначения транспортов.

В Сербии Эйхман действовал через своих агентов, в Кroatии через своих представителей при немецком посольстве, в оккупированные Грецию и Данию он посылал специальные отряды для высылки евреев в лагеря смерти.

На территории польского Генерал-губернаторства он действовал через офицеров Полиции безопасности. На территориях, захваченных на Востоке, — также с помощью отрядов особого назначения

В Венгрию он был послан самолично в качестве мастера по делам истребления, во главе шайки своих сообщни-

ков, с заданием в кратчайший срок выслать на смерть еврейское население.

В итоге: он проникал повсюду для реализации «окончательного решения», применяя, в соответствии с местными условиями, самые эффективные, удобные и подходящие методы.

В оккупированных странах и в странах-сателлитах он прибегал иногда к уговорам, иногда к угрозам, но всегда оказывая давление и имея одну цель перед глазами: заполучить евреев и отправить их на восток в лагеря.



Он обладал полной властью в гетто и лагерях уничтожения; его положение в РЗГА было исключительным. Он мог обойти своих непосредственных начальников и снестись непосредственно с Гиммлером. Его скромное звание отнюдь не отражало его могущественной позиции. В силу своей функции он был облечен обширнейшими полномочиями и мог непосредственно сообщаться с министрами Рейха и главами правительств оккупированных стран, с высшим командным составом германской армии, с верхами министерства иностранных дел. Во всем, что касалось евреев, он, Эйхман, действовал от имени и по поручению Гиммлера и Гейдриха. Мы представим Суду документы, доказывающие, что в области еврейских дел РЗГА, имперское управление безопасности, было, по существу, равнозначно — Эйхману.

Не приходится поэтому удивляться, что в еврейских делах он давал указания вышестоящим в административном отношении. В 1940 году он участвовал в заседании вместе с министром Зейс-Инквартом. Его авторитет и компетенции постоянно возрастали, несмотря на формально неприметное служебное положение. Имеется свидетельство его помощника Вислицени:

«По приказу Геринга еврейские дела перешли в ведение начальников РЗГА и СД, что еще больше увеличило власть Эйхмана в этой области. На основании приказа Геринга, который,

насколько я помню, был отдан летом 1941 года, он мог отменять и обходить распоряжения всех министров и правительственных учреждений».

Мы увидим, как он готовится и организует столь известную конференцию в Ваннзее; как ему поручают провести в жизнь резолюцию об «окончательном решении»; как он распоряжается от имени Гимmlера и отдает приказания насчет казней в лагерях. Когда дело касалось евреев, Эйхман давал распоряжения даже германской армии.

После смерти Гейдриха положение Эйхмана еще больше укрепилось. В течение полугода, до назначения Кальтенбруннера, не было главного начальника в РЗГА, и в этот период значительно усилилось влияние шефов секций. При новом его начальнике, друге детства, Кальтенбруннере, Эйхман пользовался особо привилегированным положением.

Когда я займусь подробнее историей народного бедствия, я представлю Суду дальнейшие доказательства участия Эйхмана в деле истребления евреев. Теперь же упомяну только, что в октябре 1941 года начальник личного состава СС, представляя Эйхмана к производству в «оберштурмбаннфюреры» (подполковник), рекомендовал его следующим образом:

«Я предлагаю это повышение в звании на основании исключительно ценных услуг, оказанных Эйхманом. Он добился отличных результатов, стоя во главе Центрального бюро еврейской эмиграции, при очищении Австрии от евреев. Благодаря Эйхману в собственность Рейха перешли огромные ценности. Такой же благотворной была деятельность Эйхмана в Протекторате, где он отличился своей похвальной инициативой и требуемой настойчивостью. Надо прибавить, что Эйхман образцовый офицер СС; он много лет был активен в Австрии в национал-социалистском движении и из-за своей политической де-

тельности был уволен со службы. В настоящее время Эйхман занимается решением важных проблем эвакуации и перемещения населения. Ввиду значительности этой деятельности я нахожу, что повышение в должности желательно также и в служебном отношении».

Излишне отметить, что эта рекомендация была принята. Эйхман стал оберштурмбаннфюрером. За участие в истреблении евреев он был награжден рядом знаков отличия СС. В декабре 1944 г. он стал шефом секции IVA4, занимавшейся евреями, а также политическими вопросами, связанными с христианскими церквями.



Адольф Эйхман скажет вам, что он только исполнял приказы начальства. Но совесть мира, устами Международного Военного Трибунала, уже установила, что приказы, противоречащие основным правилам морали, попирающие нравственные веления, на которых зиждется человеческое общество, разрушающие самые основы человеческого общежития, — не могут служить ни моральным и ни законным оправданием. Вслед за указанным постановлением Нюрнбергского Трибунала, также и наше законодательство не признает за обвиняемым права на этот аргумент.

Кроме того, мы докажем, что Эйхман делал больше, чем требовалось от него. Он замышлял и проводил также акции по истреблению, которых у него не требовали, — только из фанатической преданности заданию, в коем он видел цель своей жизни. Когда летом 1944 года Хорти в Венгрии не хотел больше сотрудничать с убийцами, Эйхман ухитрился окольным путем выслать еще один транспорт на смерть из лагеря Киштарча в Освенцим. Уловка Эйхмана заключалась в том, что руководители еврейской Будапештской общины были вызваны в его бюро, и он задержал их до тех пор, пока уже поздно было обратиться к Хорти. И когда Гиммлер в октябре 1944 года распорядился прекратить убийства евреев, Эйх-

ман успел еще организовать марш евреев из Венгрии в Австрию в условиях, которые превратили его в поход смерти. Затем он проектировал отравить остаток заключенных в лагере Терезиенштадт и старался истребить евреев всюду, где мог наложить на них руку.

Ревностное усердие, с которым он заграждал путь к спасению каждому отдельному еврею, даже тогда, когда власти готовы были дать несчастному эту возможность (и мы приведем десятки таких случаев), доказывает, что Эйхман был последователен в деле фанатического истребления евреев до конца. Не покладая рук и не щадя сил, он загонял в газовые камеры каждую еврейскую общину, каждого отдельного еврея, даже тех, кого по инструкции он мог оставить в живых.

Некоторые из его сотрудников, уже после войны, дали общую характеристику его личности и деятельности. Двое из них были уже приговорены к смерти, когда писали свои показания: Дитер Вислицени, сидевший в тюрьме в Братиславе, в прошлом начальник Эйхмана, затем его подчиненный и верный помощник; и Рудольф Гёсс, комендант лагеря в Освенциме, который вел дневник в Краковской тюрьме накануне казни. Оба писали независимо друг от друга. Оба — преступники. Оба могли ошибаться. Но кажется, что они дали верное изображение. Вот слова Гёсса:

«Эйхман был беззаветно предан своей миссии и был убежден, что истребление евреев необходимо, чтобы в будущем спасти немецкий народ от разрушительных замыслов еврейства. Так он понимал свою роль и посвятил всю свою энергию осуществлению планов рейхсфюрера по истреблению евреев. Эйхман был решительно против деления евреев на трудоспособных и нетрудоспособных. Он видел в этом постоянную угрозу своим планам «окончательного решения» из-за возможности массовых побегов или какого-нибудь события, которое бы позволило евреям уцелеть».

Вислицени подробно описал карьеру Эйхмана, его интимную жизнь, его отношение к начальникам и подчиненным. Между прочим он писал:

«В 1942 году Эйхман был против всякой уступки, даже малейшей. Он старался получить согласие Гимmlера, но одновременно прилагал все усилия, чтобы провести депортации и таким образом сделать тщетной всякую попытку урегулировать спорную проблему».

В другом заявлении, также составленном в камере смертников в Братиславе, Вислицени писал:

«На основании моего личного опыта я еще раз утверждаю, что, хотя Эйхман действовал по приказам Гитлера и Гимmlера, его личное участие в деле истребления евреев Европы было решающим и его надо считать в полной мере ответственным за это, так как была возможность обойти приказ Гитлера...»

Еще один человек, Курт Бехер, уполномоченный Гимmlером выжать из венгерского еврейства все, что возможно (в известной сделке «кровь за товар»), и который находился долгое время в личном контакте с Эйхманом, дал следующее заключение о его роли в процессе уничтожения евреев:

«Эйхман не был духовным отцом программы, но он был ее рьяным исполнителем».

Эйхман занимался истреблением людей не в состоянии помрачения рассудка, а будучи в здравом уме и полной уверенности, что так именно и надлежит поступать. Поэтому он действовал за милую душу и с искренним увлечением. Мы докажем, что и после поражения гитлеровского чудовища, когда весь мир содрогнулся и в ужасе отпрянул от открывшейся картины, когда даже

некоторые бывшие нацистские вожаки стали с трусливой поспешностью обличать и обвинять друг друга и «каяться», — он, Адольф Эйхман, остался верен своим убеждениям и принципам. Он не пришел с повинной, он все еще полагает, что, убивая миллионы, он поступал правильно и как должно.

Он знает, что ныне это считается преступлением, и он будет — лицемерно — готов на словах выразиться в этом духе, произнести даже несколько трескучих фраз. Но мы уверены, что если знамя со свастикой снова поднялось бы в мире под аккомпанемент возгласов «Зиг-Хайль!» и колючая проволока, заряженная электрическим током, снова оградила бы лагерь смерти, — Адольф Эйхман встал бы, отсалютовал и вернулся к своему занятию угнетателя и палача.

А теперь — рассмотрим подробнее план массового убийства, названный гитлеровцами «окончательным решением еврейского вопроса».

ГЛАВА IV

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСА

Планы нацистов и пути к их осуществлению менялись в зависимости от обстоятельств. Можно обнаружить в них различные стадии планирования и выполнения. Так было на политическом фронте: когда закончилась успешно ремилитаризация Рейнской области, был устремлен жадный взор на Австрию; а когда была наложена рука на Австрию, — потребовали область Судетов; а когда им она была выдана, они захватили всю Чехословакию и вошли в Мемель и после этого они начали замышлять войну.

Независимо от того, был ли у нацистов с самого начала военно-политический план овладения народами и странами, или же он развивался по мере политических успехов и ввиду безучастия, с которым мир отнесся к наглой агрессии, сопровождавшейся декларациями о мире, или ввиду капитуляции европейских политических лидеров перед угрозами и шумихой, — во всяком случае самоуверенность нацистов постоянно укреплялась, а их политическое вымогательство все усиливалось, — пока не привело к мировой войне.

То же самое произошло и по отношению к евреям. Независимо от того, было ли их физическое истребление заблаговременно и планомерно предусмотрено и подготовлено и было лишь отложено до подходящего момента, — или же это было постепенное развитие, достигшее кульминационного пункта в час, когда не было больше необходимости притворяться и когда можно было не стесняясь приступить к ничем необузданному тотальному истреблению, — нам предоставляется возможность отметить различные стадии трактовки этого вопроса.

Вначале, когда еще считались в некоторой степени с реакцией внешнего мира, «решение» имело форму насильственного изгнания евреев. В связи с этим приме-

нялись крутые и жестокие меры, но изуверство еще не дошло до постановления о всеобщем уничтожении. Лишь когда нацисты убедились, что их замысел может быть осуществлен, что мир безмолствует, а обстоятельства благоприятны, — они приступили к поголовному истреблению.

Между этими двумя этапами был еще один, переходный, когда нацисты забавлялись идеей якобы «территориального» разрешения еврейского вопроса.

Подсудимый был активно причастен как к проектированию, так и к осуществлению каждого из этих трех планов. Он занимал ответственные посты в исполнительных органах всех трех планов, — и если повелителю его, Гитлеру, не удалось осуществить ни одного из своих обещаний и замыслов, зато он, Эйхман, выполнил возложенное на него задание. Но прежде чем говорить о его участии в этом деле, рассмотрим сами планы.



Вначале нацисты еще удовлетворялись волнами массовой эмиграции евреев, искавших спасения от постигнувшего их внезапного бедствия, от унижительных и грабительских нюрнбергских законов, от экономического бойкота, от арестов и концентрационных лагерей. Нацистское корыстолюбие — единственный тормоз их ненависти к евреям — не позволило им отказаться от такого источника дохода. Каждый эмигрант был вынужден платить налог, равный 25% его состояния, а остальное он обязан был депонировать и затем обменять на т. н. «блокированные марки», реальная ценность которых быстро падала и достигла незначительной части их номинальной стоимости. Этот период продолжался до присоединения Австрии 12 марта 1938 года. 4 дня спустя Эйхман появился в Вене. Он взялся за евреев по-своему, о чем я уже говорил. Было открыто Центральное бюро по делам еврейской эмиграции, занимавшееся на деле изгнанием евреев и частичным изъятием их имущества.

В конце октября 1938 года нацистское германское правительство постановило выселить всех евреев, бывших

польских граждан, проживавших на территории Рейха. Польские власти уже раньше аннулировали их паспорта, и нацисты решили воспользоваться этим и избавиться от них. Они были арестованы по приказу Рейнгарда Гейдриха, тогдашнего начальника Полиции безопасности и СД, — и так состоялось первое массовое выселение евреев. Им разрешили взять с собой лишь то, что они могли унести с собой. Остальное имущество велено было оставить. Их втолкнули в переполненные товарные вагоны и доставили на границу, велели выйти и погнали по полям на польскую сторону. Мужчины и женщины спотыкались, падали... Преследователи пинками заставляли их вставать и бежать дальше. Несколько человек скончалось на месте.

Польская пограничная стража не была подготовлена к такому внезапному нашествию и растерялась. Людской поток прорвался. Первое изгнание прошло с успехом.

Среди этих несчастных изгнанников был еврейский сапожник Мендель Гриншпан с женой и детьми. В отчаянии семья послала открытку сыну Гершелю Гриншпану, который находился тогда в Париже. 17-летний юноша решил, что он не будет молчать. Если весь мир готов примириться со злодеянием, совершаемым среди бела дня, то, по крайней мере, он, Гершель Гриншпан, сам отомстит за родителей и семью. 7 ноября утром он купил револьвер и в тот же день явился в германское посольство в Париже. В его мыслях созрело решение убить немецкого посла, но его направили к советнику Эрнсту фон Рату, который осведомился, чего он желает. Дважды прогремел выстрел, и фон Рат упал тяжело раненный. В парижской полиции Гершель Гриншпан заявил: «Я решил убить одного из сотрудников германского посольства в знак протеста. Я должен был отомстить за евреев, чтобы обратить внимание мира на то, что происходит в Германии».

Несчастный юноша не знал, что его жертва была напрасной. Отчаянный поступок еврейского юноши не потряс мира. Он сам был заключен в парижскую тюрьму. После занятия Парижа, два года спустя, он попал в руки

к немцам и был отправлен в Берлин на дознание — в секцию Эйхмана. С тех пор следы его затерялись.

Фон Рат умер от ран через два дня. Гейдрих сообщил немедленно отделам гестапо, что ввиду покушения на фон Рата «следует ожидать антиеврейских демонстраций». Он приказал полиции участвовать в подготовке этих демонстраций, направлять их, куда надо, не мешать громить еврейское имущество и поджигать синагоги, но так, чтобы огонь не распространялся на соседние здания. Все достояние еврейских общин должно было быть конфисковано.

Таким образом гитлеровская Германия возобновила в Европе сожжение еврейских домов молитвы, которое практиковалось в самые мрачные времена средневековья.

Хрустальная ночь

Ночь ужасов с 9-го на 10-е ноября известна под именем «Хрустальной» ночи (*Kristallnacht*). Банды нацистов врываются в еврейские дома, грабят, разрушают, избивали. Десятки тысяч людей были брошены в концентрационные лагеря, чтобы якобы «защитить их от народного гнева». Это был первый нацистский опыт массовых арестов евреев, с целью дать им почувствовать, что такое концентрационный лагерь. Была сожжена 101 синагога, разрушено 76 и разгромлено 7500 еврейских предприятий, — согласно официальному отчету, который Гейдрих подал Герингу на заседании совета министров, происшедшем два дня позже и посвященном еврейским делам. Мы представим Суду полный протокол этого заседания. Одни только убытки от разбитых витрин составили 6 миллионов марок. Участников заседания особенно беспокоил вопрос о возмещении убытков, которое страховые общества должны будут заплатить евреям. Было найдено простое решение: страховые общества внесут деньги в министерство финансов, а евреи пусть вставят стекла за свой счет. Геринг был огорчен, что столько ценного имущества подверглось разрушению, а когда Гейдрих пояснил, что было убито также 35 евреев, он сказал: «Вы бы лучше убили 200, чем уничтожить такое имущество!»

Последовал обмен мнениями о том, что надо заставить евреев носить особый знак на одежде, и в заключение заседания Геринг сказал:

«Я найду подходящую формулу, чтобы взыскать с евреев штраф в миллиард марок за их подлые преступления и т. д. и т. д.. Эти свиньи так скоро не решатся на второе убийство. И, вообще, я должен сказать: не хотел бы я быть теперь евреем в Германии».

Штраф был наложен, и вступил в силу жестокий закон, лишивший евреев всех источников заработка.

Во время Хрустальной ночи Эйхман находился в Вене. У нас еще будет возможность проследить за тем, что он тогда там делал.

Я остановился подробнее на этом заседании министров, потому что оно — поворотный пункт и подготовительный этап на пути ко всему, что наступило позже. Это была вторая пробная операция нацистов по отношению к евреям. Если можно так издеваться над ними, без того чтобы мир содрогнулся, — путь к «окончательному разрешению» свободен.

На том же заседании Гейдрих доложил о деятельности подсудимого в Вене и похвастался, что, благодаря мерам Венского бюро еврейской эмиграции, 50.000 евреев уже покинули Австрию. Было решено основать Центральное управление для эмиграции евреев из всего Рейха. В январе 1939 года Геринг поручил Гейдриху реализовать это решение и принять все меры для ускорения эмиграции. С тех пор принудительная эмиграция происходила на всей территории Германии, а начиная с июля 1939 года также в захваченной между тем части Чехословакии, получившей название Протектората.

По приказу Геринга Гейдрих, начальник Полиции безопасности и СД, был назначен главой Центрального управления эмиграции, а экономист Вольтат членом правления. Так уверял себя Геринг: в то время как Гейдрих будет изгонять евреев из Германии, Вольтат, в прошлом помощник Шахта, позаботится об их ограблении.

Таким образом Геринг поборол сомнения, возникшие у него на совещании министров, когда он открыто говорил об экономических и финансовых соображениях против политики принудительной эмиграции. Теперь было найдено решение, не затрагивавшее германскую экономику, подготовляемую Герингом к потребностям будущей войны.

Торговля свободой еврея стала отныне официальной политикой Рейха. Риббентроп объявил циркуляром МИД от 25 января 1939 года, что конечной целью политики нацистской Германии является эмиграция всех евреев и что эта проблема не будет решена, пока последний еврей не покинет пределы страны. Министр экономики Функ мог тогда сообщить, что из семи миллиардов марок, составлявших, по его оценке, достояние немецких евреев, два уже перешли в собственность государства, — и можно надеяться, что вскоре Германия получит и остальное.



Эти две цели — избавиться от евреев путем их изгнания или убийства и овладеть их имуществом — отныне становятся основными целями политики нацистской Германии. В первой стадии — «изгнание и ограбление», во второй — «убийство и ограбление». Эти два момента остаются тесно связанными между собой и сопровождают друга друга на всем протяжении катастрофы так, что трудно их отделить и нельзя решить, что было важнее и что служило чему. Оба они — составные части «окончательного решения»; оба представляют собой основные принципы замысла нацистов: убить и унаследовать. В течение всего стихийного бедствия, в отчетах об ужасах жесточайшего уничтожения — газом, огнем и петлей, — о пытках, недоступных воображению ума человеческого, — всегда найдется этот сопутствующий параграф об ограблении еврейского имущества.

Принуждение евреев к эмиграции не прекратилось с началом войны. Курс этот изменился, как было сказано, когда были приняты новые решения относительно их физического существования.

Вначале еще не было решено, что делать с евреями.

Надо от них избавиться, но не целиком изгнать, а оставить часть в качестве заложников, чтобы угрозой их уничтожения воздействовать на правителей мира и заставить их подчиниться воле Германии. Гитлер высказал эту мысль в разговоре с Раушнинггом, президентом Данцигского сената. 30 января 1939 года Гитлер произнес свою знаменитую речь в Рейхстаге, в которой предсказал, что если еврейство, господствующее над международным капиталом в Европе и за ее пределами, снова толкнет народы на мировую войну, то в ее результате не восторжествует большевизм и, тем самым, еврейство, а будут уничтожены евреи в Европе.

Гитлер снова провел знак равенства между евреями и своими смертельными врагами: капиталистическим Западом и коммунистическим Востоком. Общими, по его словам, управляют евреи, в сговоре между собой. Капиталистические круги стремятся якобы к победе коммунизма, чтобы с его помощью привести к власти евреев. Злостная абсурдность этой аргументации настолько очевидна, что нет смысла ее анализировать. Но важно с нашей точки зрения то, что истребление евреев было для Гитлера картой в политической игре и средством шантажа по отношению к внешнему миру: «Примите мои требования, иначе — горе вашим евреям!»

Не оправдалось ни одно из пророчеств этого злодея. «Тысячелетний Рейх» распался, как карточный домик. «Новый порядок», который должен был послужить фундаментом для человеческой цивилизации, стал прототипом исторического кошмара. Арийский «народ господ» был разбит на голову «вырождающимися плутократами» и «расово неполноценными славянами». Немцы не только были выгнаны из житниц Украины, обещанных им фюрером в вечное владение, но даже их собственная страна распалась надвое, и достижение Бисмарка — объединение Германии — сошло на нет.

Но одно единственное из своих обещаний, — самое жуткое в истории нацистского изуверства и наложившее пятно вечного позора на Германию, — его Адольф Гитлер выполнил. Обещание уничтожить евреев Европы он

выполнил с помощью другого Адольфа, — того, который сегодня предстоит перед Судом.

С самого начала нацистского господства заведование еврейскими делами находилось в руках гестапо и СС. В июне 1940 г. Гейдрих сообщил Риббентропу, что ввиду колоссального увеличения еврейского населения, подпавшего под контроль Германии, эмиграция больше не может рассматриваться как решение еврейского вопроса. Гейдрих поэтому заявил, что надо искать территориальное решение, чтобы окончательно отделаться от еврейской проблемы.



В рамках планов изгнания евреев возникли также два мертворожденных территориальных проекта. Первый из них — депортация всех евреев на Мадагаскар. На самом деле это была старая затея, появившаяся еще в двадцатых годах в антисемитской литературе. Польское правительство забавлялось ею в тридцатых годах, а нацисты начали официально говорить о ней еще до начала войны. Геринг и Розенберг выступали по этому поводу в Рейхстаге. Мадагаскарский план служил темой для дипломатических переговоров и псевдонаучных изысканий. Германское мин. ин. дел составило в июле 1940 г. меморандум, согласно которому разгромленной Франции пришлось бы по мирному договору отказаться от Мадагаскара, где предполагалось создание военной германской базы. Евреи должны были быть там поселены под германским мандатом, — «как гарантия хорошего поведения в будущем их соплеменников в США».

К этой грубой стряпне приложил руку и подсудимый. Один из сотрудников в его секции и ближайший помощник Даннекер (имя которого еще не раз будет упомянуто на этом процессе) составил подробную докладную записку для мин. ин. дел о мадагаскарском плане. Его преимущество, — писал он, — в полной изоляции евреев на острове; его реализация состоится за счет конфискованного еврейского имущества, а осуществление всего проекта будет находиться в руках гестаповцев. Ежегодно на

Мадагаскар будет послано по миллиону евреев. Излишне добавить, что план этот был мертворожденным. В настоящее время существуют разногласия среди исследователей, относились ли сами нацисты когда-либо серьезно к своему плану, или же он был одной из многочисленных уловок, служивших для отвода глаз и маскировки другого замысла, который уже начал созревать в их мозгах. Как бы то ни было, практически в этом направлении почти ничего не было сделано.

Зато была предпринята попытка осуществить территориальное сосредоточение евреев в районе Люблина, между Саном и Вислой, где должен был возникнуть еврейский резерват. Этот проект известен под названием «плана Ниско», по имени деревни Ниско в центре небольшого района. Туда Эйхман депортировал зимой 1939 года евреев из Вены, Моравии и Богемии. Вы услышите здесь свидетельские показания о том, как ограбили ссыльных, как их бросили на произвол судьбы, как над ними издевались, как часть из них погнали на восток к советской границе, под угрозой, что убьют каждого, кто вернется.

Эйхман лично занимался этой депортацией и даже посетил район Ниско, где он провел несколько дней. От плана пришлось, в конце концов, отказаться, ввиду сопротивления губернатора Польши Ганса Франка, который убедил Геринга, что проект вреден с военной точки зрения. Большинство изгнанников Ниско погибло позже в концлагере Белжец.



Нападение на Сов. Союз 22 июня 1941 г. и вступление через несколько месяцев — в декабре того же года — в войну США на стороне союзников образуют поворотный пункт в программе истребления. Об этом шла речь уже раньше. Мы представим Суду протокол заседания, созванного Гейдрихом 21 сентября 1939 г., с участием Эйхмана и других ответственных должностных лиц и где обсуждался вопрос, как поступить с евреями оккупированной Польши. В тот же день Гейдрих послал директивы отрядам особого назначения СС, следовавшим за

войсками и используемым для особых полицейских заданий по указаниям Гейдриха. Предупредив, что все указания строжайше секретны, Гейдрих провел различие между программами дальнего и ближнего прицелов. Первая, без сомнения, уже и тогда означала истребление, вторая перечисляла меры, которые следовало принять немедленно: выселение из деревень, концентрация в городах или вблизи железнодорожных узлов и создание «юденратов», т. е. советов старейшин, несущих личную ответственность перед властью. Гейдрих предложил пользоваться предлогом, будто бы «евреи участвуют в незаконных действиях и грабежах». Нарушение приказа о переселении в указанные зоны должно было строжайше караться. Согласно протоколу, Гейдрих велел докладывать ему о каждом случае, когда вынесенный приговор не будет смертным.

Были даны распоряжения о реквизиции еврейских предприятий, о запрещении евреям менять местожительство и выходить на улицу с наступлением темноты.

Гейдрих требовал постоянных донесений о деятельности отрядов специального назначения согласно его указаниям и закончил следующими словами:

«Для осуществления указанных целей я требую немедленно использовать все силы Полиции безопасности и СД. Командиры отрядов специального назначения, действующих в близлежащих районах, будут поддерживать тесную связь между собой, чтобы все предусмотренные районы безотложно и полностью были охвачены нашей сетью».

Мы увидим, когда перейдем к трагедии польского еврейства, как эти указания были претворены в жизнь, какие истязания, убийства и массовое ограбление были их результатом.

Однако только со вторжением в Сов. Союз власти нацистской Германии приступили к «окончательному решению еврейского вопроса» в смысле поголовного физического истребления. 31 июля 1941 года Геринг дал следующую директиву Гейдриху:

«В довершение задания, возложенного на Вас приказом от 24 января 1939 г., решить еврейский вопрос путем эмиграции или эвакуации наиболее подходящим путем, настоящим предписываю Вам сделать все нужные приготовления организованного, практического и экономического, порядка для общего разрешения еврейского вопроса в пределах германской сферы влияния в Европе. Всем другим центральным властям, которых это касается, предписывается оказать Вам содействие в этом деле.

Я также обязываю Вас представить мне в ближайшем времени общий план (*Gesamtentwurf*) организационных, практических и экономических мер, необходимых для реализации желательного окончательного разрешения проблемы».

Итак, был дан официальный сигнал. Гейдриху была поручена разработка плана истребления, и он, со своей стороны, передал дальнейшую разработку и реализацию плана вот этому человеку, жестокому, неумолимому и злобному фанатику — Адольфу Эйхману.

В ожидании «окончательного разрешения» особые отряды оккупационных войск уже раньше начали массовые убийства евреев в местностях, откуда отступила Красная Армия летом и осенью 1941 года. Мы рассмотрим эти «операции» позже. Частичные и массовые депортации на Восток уже и раньше производились из самой Германии, но в Берлине в то время разрабатывался всеобъемлющий план. В августе 1941 г. Эйхман писал в мин. иностранных дел, что следует прекратить эмиграцию, «считаясь с приготовлениями к окончательному решению проблемы европейских евреев». Эти приготовления были закончены еще до ноября того же года, когда он писал уже о «приближающемся окончательном решении».

В то лето мы найдем Эйхмана в Освенциме, где он улаживал с Рудольфом Гёссом разные технические подробности и выбирал удобное место для постройки истребительных установок. Осенью он полетел в Киев к Гиммлеру. Гиммлер, как видно, получил вполне удовлетвори-

тельный рапорт, так как 27 октября 1941 года он издал приказ, запрещающий выезд евреев из территорий, подвластных Германии. За два дня до того, 25 октября, Ветцель, чиновник министерства оккупированных территорий, писал, что достигнуто соглашение с Эйхманом относительно использования газовых установок для решения еврейского вопроса.

Итак, мы видим: планы готовы, средства найдены. Вместо эмиграции ждет евреев смерть.

С того времени обязанностью главы Еврейской секции гестапо является: координировать надлежащим образом мероприятия других учреждений Рейха с подробно разработанным генеральным планом, намеченным еще в сентябре 1939 года.

15 сентября 1941 года обвиняемый представил на подпись Гейдриху инструкции относительно введения в самой Германии и во всех оккупированных ею областях особого знака на одежде евреев. Этот знак уже до того был введен на Востоке. Каждый еврей был обязан носить на левой стороне груди особый, хорошо видный знак. Еврейские учреждения были обязаны сами заготавливать для себя позорное клеймо. Евреям было запрещено оставлять свое местожительство и пользоваться — за немногими исключениями, которые были точно указаны — средствами передвижения.

Но были также трудности. Розенберг, министр оккупированных территорий, издал ряд инструкций для оккупационных властей в подведомственных ему землях, включавших Прибалтику, Восточную Польшу и области в Сов. Союзе. Эти инструкции, известные под именем «Коричневый портфель» (*Die braune Mappe*), включили также посвященный евреям раздел, предусматривающий жесточайшие репрессии — но не уничтожение. «Еврейская проблема, — было там сказано, — будет разрешена во всей Европе после войны». Когда содержание «Коричневого портфеля» дошло до сведения Гейдриха, он отозвался о нем многозначительным письмом от 10 января 1942 г. Он не соглашался с позицией Розенберга. Он потребовал, чтобы были приняты во внимание особые,

выработанные к тому времени инструкции, которые, как известно, означали полное истребление. Гейдрих писал: «Принимая во внимание основы решения еврейского вопроса, формулированные Главным Управлением Гос. Безопасности (уполномоченный — штурмбаннфюрер СС Адольф Эйхман), я должен просить Вас переработать Ваши инструкции».

Еще в том же месяце Гейдрих направил Розенбергу поправки, которые Эйхман предложил внести в «Коричневый портфель». Ввиду важности этого документа, я процитирую подробно из него ряд мест:

«Все меры, проводимые в связи с еврейским вопросом на оккупированных территориях Востока, надо рассматривать с точки зрения необходимости разрешить еврейскую проблему во всеевропейском масштабе. Поэтому меры, принимаемые на оккупированных территориях Востока, должны быть такого рода, чтобы они никоим образом не препятствовали решению еврейского вопроса: ликвидации еврейства (*Ausscheidung des Judentums*). Именно на оккупированных территориях Востока надо стремиться к скорейшему решению... Не надо мешать действиям местного населения против евреев... В ожидании мер, направленных к ликвидации еврейства, надо самым строгим образом отделить евреев от местного населения... Запретить свободное передвижение евреев... Перевести евреев в гетто... Охрана выходов из гетто должна быть поручена регулярной полиции. Меры по ликвидации евреев будут приняты, не считаясь с экономическими последствиями... Все еврейское имущество должно быть взято на учет. Следует пресечь передачу имущества».

Конференция в Ваннзее

Но простой перепиской дело не ограничилось. Франк, генерал-губернатор Польши, пытался заняться еврейскими делами по-своему и изъять их из компе-

тенции гестапо. Всплыли и другие затруднения. Тогда Эйхман предложил созвать совещание ответственных чиновников центральных учреждений, которые должны были принять участие в реализации кровавого замысла. Гейдрих согласился. Эйхман провел организацию этой конференции, начиная с подготовки материалов и до формулировки приглашений; приглашенных просили уделить их драгоценное время «ввиду исключительной важности вопросов необходимости найти общую точку зрения».

Конференция состоялась 20 января 1942 года, в предместье Берлина Гросс-Ваннзее. Участвовали в ней руководящие чиновники в чине генеральных директоров министерства оккупированных территорий на Востоке, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, народного хозяйства, «расы и поселения», представители партии, РЗГА и, разумеется, — Эйхман.

Гейдрих произнес главную речь, по данным, подготовленным обвиняемым. Он напомнил собравшимся приказ Геринга и подчеркнул с самого начала, для устранения всяких сомнений, что именно его учреждение — РЗГА — является главным ответственным за реализацию «окончательного решения», — всюду и не считаясь с географическим делением. Он упомянул практические опыты, имевшие место на Востоке, и их важное значение для окончательного решения. После обзора мер, предпринятых «в борьбе против этого врага» с целью вытеснить евреев из областей, занимаемых немецким народом и составляющих его «жизненное пространство», он заявил, что эмиграция прекращается по приказу Гимmlера, и теперь начнется, по приказу фюрера, эвакуация евреев на Восток, с намерением добиться «окончательного решения». Мы докажем на Суде, что, в соответствии с нацистским методом маскировки, термин «окончательное решение» (*Endlösung*) в этом контексте имеет единственное значение: физическое истребление евреев. Таково же значение и других терминов: *Ausscheidung*, *Gesamtlösung* и многих других.

Гейдрих перечислил страны, которые следует вклю-

чить в окончательное решение, и назвал, кроме уже захваченных нацистами стран, также Англию, Ирландию, Швецию, Швейцарию, Испанию, Турцию и всю территорию Сов. Союза. Число подлежащих уничтожению евреев он определил в 11 миллионов. Эстония в этом списке фигурирует уже как *judenrein*, т. е. очищенная от евреев.

Решение проблемы выглядит так:

«Под соответствующим руководством евреи будут перевезены на Восток, в рабочие единицы. Они будут разделены на большие колонны, мужчины и женщины порознь, и использованы для постройки дорог. Значительная часть их, без сомнения, погибнет в результате естественной убыли. Оставшиеся будут подвергнуты «специальной обработке» (*Sonderbehandlung*), ибо это тот природный резерв, который, как показывает история, если дать ему развиваться, может стать ядром для восстановления еврейства».

«Для реализации окончательного решения мы должны прочесать Европу с запада на восток. Евреи будут заперты в гетто, оттуда их отправят на Восток... В оккупированных странах под нашим влиянием в Европе будет действовать уполномоченный представитель Полиции безопасности, совместно с уполномоченным представителем мин. ин. дел».

Мы докажем вам, что «уполномоченным представителем» Полиции безопасности был Адольф Эйхман, и также докажем, что «специальная обработка» означает убийство.

Обсуждали также вопрос о детях от смешанных браков. Эта проблема беспокоила заседавших. В принципе было решено, что потомки смешанных браков первой степени (т. е., когда один из родителей еврей) разделят судьбу всех евреев, за исключением женатых на немках и имеющих детей от них — или особых случаев, если поступит запрос со стороны высших органов партии и государства. Эти случаи будут тщательно проверены. Те, кому будет

дарована жизнь, смогут остаться в Германии, если они согласятся подвергнуться стерилизации.

Были даны указания также в отношении смешанных браков второй степени, их потомков и в отношении разных пар «предельных» случаев.

Министерство народного хозяйства просило временно не эвакуировать евреев, работающих на важнейших предприятиях. Гейдрих дал свое согласие. Представитель Генерал-губернаторства в Польше, д-р Бюлер, заявил, что у них уже «началось окончательное решение», и требовал как можно скорее реализовать его. Он сообщил, что из 2½ миллионов евреев в Польше большинство вообще неспособно к работе. Он согласился, чтобы осуществление «окончательного решения» было поручено гестапо, и обещал полную поддержку властей Генерал-губернаторства, но просил, насколько возможно, ускорить операцию.

После этого произошел обмен мнениями о «разных путях реализации решения», и представитель Управления территориями на Востоке, как и представитель Генерал-губернаторства в Польше, просили довести до конца приготовления, начатые на Востоке, и в то же время, по мере возможности, не возбуждать паники среди населения.

Затем позаботились о юридическом оправдании преступления. Министр юстиции Тирак заявил, что в целях освобождения организма немецкого народа от некоторых элементов, в том числе от евреев, он передает карательные полномочия по отношению к ним рейхсфюреру СС Гиммлеру. Вот слова нацистского министра юстиции:

«Я исхожу из положения, что обычная судебная процедура сможет мало содействовать истреблению этих чуждых расовых элементов. Правда, теперь выносят суровые приговоры против них, но этого недостаточно, чтобы привести к упомянутому результату. Нет также смысла держать их в тюрьмах и других местах заключения... Тогда как передача этих людей в руки полиции,

не связанной процедурой уголовного права, даст гораздо лучшие результаты».

Это было окончательной победой произвола над законом. Этим завершился моральный упадок национал-социализма. Чтобы уничтожить евреев, он открыто принес в жертву саму сущность законности; нечто, не имеющее прецедента в истории права.

Еще до того, 6 января 1942 года, Гиммлер передал полномочие приговаривать к смерти или посылать на «специальную обработку» (*Sonderbehandlung*) начальнику секции IV СС или его заместителю. Мы увидим, что Эйхман был тем человеком, который фактически пользовался этим правом от имени Гиммлера. Посылались подробные инструкции насчет приведения в исполнение смертных приговоров в концентрационных лагерях и других местах и рапортов о них.

Я уже отметил, что еще в 1941 году Гейдрих поручил Эйхману разработку программы истребления и ее реализацию. Дальнейшее подтверждение этому находится в письме Гейдриха от 26 января 1942 года, составленном в секции обвиняемого, в котором сообщается о конференции в Ваннзее. В письме сказано:

«К всеобщей радости была достигнута полная согласованность насчет практических мер для реализации окончательного решения».

Министерству иностр. дел было предложено назначить своего представителя на заседание, созванное уполномоченным Гейдриха, оберштурмбаннфюрером Эйхманом, на 6 марта 1942 года. Министерство делегировало Радемахера.



Итак, операция вступила в стадию практического осуществления. Тут Эйхману уже нет равных. Теперь мы увидим его чаще чем прежде, вместе с шайкой своих подручных, прочесывающих Европу от Пиренеев до Урала, охотясь за евреями, собирая и посылая их на смерть. С помощью своих посланцев во всех странах Европы он, как спрут щупальцами, обвиняет еврейский народ и душит его. Отныне Эйхман действует не просто как один из

начальников секций Главного Управления Безопасности. Он — личный уполномоченный Гейдриха, облеченного неограниченной властью комиссара для решения еврейского вопроса. Суд обратит внимание на необычную форму его назначения. Геринг, второй после Гитлера человек в Рейхе, действует в данном случае, без сомнения, по указанию фюрера, обходит Гиммлера, рейхсфюрера СС, непосредственно обращается к Гейдриху и возлагает на него ответственность за решение еврейского вопроса. Гейдрих, со своей стороны, обходит начальника четвертого отделения Главного Управления Безопасности Мюллера и непосредственно назначает Эйхмана своим уполномоченным. Это назначение дает Эйхману исключительный авторитет и полноту власти, как исполнителю приказа, данного самим фюрером.

Мы уверены, что в руках Эйхмана находился документ, содержащий приказ Гитлера об уничтожении евреев. Этого приказа у нас нет. Но не подлежит никакому сомнению, что столь необычная форма назначения предоставила Эйхману исключительные полномочия, открыла свободный доступ к сановникам и министрам и дала возможность распоряжаться без стеснения насчет всего, что касалось истребления еврейского народа.

Мы увидим, как он издает подробные инструкции по депортации в Освенцим. Мы проследим за его пособниками, поставляющими газ для удушения евреев, за его переговорами с представителями правительств государств — сателлитов, которых он уговаривает, убеждает и прищипывает взяться как следует за дело. Всюду он — официальная инстанция, реализующая убийства и грабеж и перед которой надобно отчитываться. Напрасно мы будем искать его имя среди ораторов на больших конференциях. Возможно, что его шефы, Гиммлер и Гейдрих, внимательно и тщательно избравшие Эйхмана для руководства бойней, не были заинтересованы в его выступлениях перед всякого рода профессорами и докторами, участниками этих совещаний. Возможно, что он сам не был заинтересован в разглаговольствованиях, отдавшись со рвением и фанатичной преданностью практической

стороне дела. При исполнении своих обязанностей он часто вступал в конфликты и даже вводил в заблуждение людей, стоявших выше его на нацистской иерархической лестнице, но это ничуть не беспокоило его, т. к. он находился под опекой всемогущего Гимmlера. К министрам правительств завоеванных стран и к их подчиненным он относился с открытым пренебрежением. Уговорами, угрозами и принуждением он добивался того, что ему было нужно: антиеврейских законов, отменявших права человека и гражданина, выдачи и водворения евреев в гетто, депортации в лагеря смерти. Всюду он приспособлялся к местным условиям и стечению обстоятельств, и, в конце концов, его жестокое и постоянное давление приводило к нужным ему результатам.

Все, что касается уничтожения евреев, — его дело. Он инспектирует гетто в Варшаве и Лодзи. Мы последуем за ним, когда осенью 1941 года он навещает Глобочника, командира СС и полиции в Люблинской области, и лично передает ему тайный приказ о физическом уничтожении евреев. Он был в Трeблинке и Хелмно; где пользовались газом для истребления евреев. В Хелмно он видел голых людей, стоявших в очереди к удушению. Он видел, как вырывали у мертвых — его жертв — золотые зубы. Он проверял систему истребления в «душегубках» еще до того, как их стали применять для массового пользования. Он был послан наблюдать, как проводят расстрелы евреев «отряды особого назначения» (*Einsatzgruppen*), он видел в Минске, как стреляют в затылок жертвам, сбрасывая их затем в заранее приготовленные ямы. Он видел, как убивают женщин и детей. Он видел те же отряды в действии в окрестностях Львова, где кровь из могил была «гейзером», по его собственному выражению.

Убийство путем расстрела не удовлетворяло его. «Наши люди превратятся в садистов», — сказал он. В другой раз он выразился, что этот способ лишения жизни недостаточно элегантен. Надо найти иной метод.

Этот метод был найден в виде газовых камер и крематориев в лагерях смерти, где он несколько раз побы-

вал, осматривал аппаратуру, договаривался насчет транспортов, давал инструкции, наблюдал, как сжигают трупы в открытом поле.

После того как аппаратура истребления, по-видимому, удовлетворила его, он занялся поставкой жертв для нее.

Время от времени его секция издавала подробные руководства в связи с транспортами смертников. Инструкции относились ко всем евреям, кроме тех, которые были на особом счету его секции. Отдельно давались инструкции насчет еврейского имущества. Депортируемым запрещалось иметь при себе ценные вещи.

Мы представим Суду доказательства об обязанности посылать в секцию Эйхмана отчеты о депортациях. Командант Освенцима также был обязан докладывать ей об истреблениях. Эйхман, следовательно, был ежедневно в курсе дела, — кто послан в Освенцим, кто осужден на смерть, кто уже убит. Его секция давала подробные указания, когда посылать тех или иных людей или определенные транспорты в камеры смерти. Поистине, о нем можно сказать словами Писания: «Где мертвецы—там и он».

Мы докажем, что Эйхман и его секция стали авторитетным адресом, по которому обращались все учреждения, когда дело касалось евреев. Его запрашивали и с ним считались все. К Эйхману обращается германское мин. иностр. дел с просьбой оставить в живых 30 тысяч евреев, иностранных подданных, для обмена на немцев, находящихся за границей. Когда ему кажется, что Румыния разрешает эмиграцию евреев со средствами, он бьет тревогу в своем министерстве ин. дел: «Там скоро останутся одни лишь бедные евреи», — и прибавляет:

«В интересах бесперебойной реализации окончательного решения еврейского вопроса согласно плану, я прошу принять меры для предотвращения этого явления, а также сообщить мне, каково положение».

Ясно, что он имеет в виду. Грозит опасность, что в Румынии произойдет убийство без грабежа еврейского имущества, вопреки плану окончательного решения. И когда даже словацкое правительство, правившее мно-

стью нацистов, было потрясено слухами о том, как поступили с евреями Словакии, взятыми якобы на работу на Востоке, и просило разрешить своему представителю посетить эти «трудовые лагеря», — Эйхман оставил обращение без ответа и предложил своему министерству ин. дел объяснить словацкому правительству, что у высланных все благополучно, очевидным доказательством чего служат полученные от них почтовые карточки и газетные статьи, которые советник по еврейским делам в Братиславе, Вислицени, готов доставить. Но германского посла в Братиславе вторично попросили разрешить посещение; в дело вмешался и Тука, словацкий премьер-министр. Мин. ин. дел снова обратилось к Эйхману с прежней просьбой — и он снова отказал. Отказ понятен: евреев, которых хотели повидать, уже не было в живых.

Германское министерство ин. дел передало на рассмотрение Эйхмана предложение переправить 5000 еврейских детей из Венгрии в Палестину. Им была получена информация о пароходе с еврейскими эмигрантами, который должен был отплыть из Испании. Обращение испанского правительства в связи с конфискованным имуществом евреев — испанских подданных — в Салониках также было ему передано. Германское министерство ин. дел извинилось перед ним за то, что оно осмелилось дать инструкции, касающиеся евреев, французской администрации в Виши после вступления туда германских войск, — и объяснило, что поступило так ввиду срочности дела и отсутствия Эйхмана в данный момент в Берлине.

Особенное внимание посвятил Эйхман борьбе с эмиграцией в Палестину. В этом деле — утверждал он — было у него обязательство перед Хадж-Эмином эль Гуссейни, б. иерусалимским муфтием, с которым он встречался и строил общие планы. Взаимное впечатление было так сильно, что Хадж-Эмин попросил Гимmlера дать ему после войны, когда он войдет во главе войск «оси» в Иерусалим, специального советника из секции Эйхмана для того, чтобы и там разрешить еврейский вопрос по нацистскому образцу. Эйхман предложил своему помощнику Вислицени взять на себя эту миссию.

Когда правительство Аргентины заступилось за своего подданного Гершона Вильнера, проживавшего во Львове, германское министерство ин. дел попросило самого Гимmlера уважить взаимные отношения и не посылать этого человека в концентрационный лагерь. Эйхман цинично ответил, что еврей этот скончался от ослабления сердечной мышцы, несмотря на все усилия врачей. — В 1942 году Эйхман решил рассматривать венгерских евреев, живших в Рейхе, наравне с немецкими. Мин. ин. дел, находившееся тогда в разгаре политической дискуссии со своим сателлитом — Венгрией, не соглашалось с ним. Эйхман поступил по своему усмотрению.

Мы увидим, как он подгонял и торопил своих припешников и подчиненных закончить скорей работу. Он не терпел проволочек и запаздываний. Когда случилось раз, что транспорт с евреями не вышел в срок из Франции, он заявил, что для него такая вещь не допустима, и пригрозил, что если повторится нечто подобное, ему придется серьезно подумать, стоит ли вообще заботиться об очищении Франции от евреев. Эта угроза привела в понятное смятение его подчиненного Ретке, — как бы ему не оказаться в ответе за то, что во Франции уцелеют евреи! Он извинился и обещал, что впредь все будет в порядке.

Когда Кнохен, начальник Полиции безопасности, наткнулся на противодействие армии при попытке ввести желтое клеймо для евреев в Бельгии, — он обратился к Эйхману, чтобы тот повлиял на главу военной администрации в оккупированной Бельгии ген. Редера.

Когда из секретного источника Эйхман узнал, что еврей Голубь в лагере Дранси, во Франции, должен получить гражданство одной из южноамериканских республик, чтобы освободиться из лагеря и эмигрировать, он телеграфировал коменданту гестапо в Париже о немедленной отправке Голубя в Освенцим.

Когда германское мин. ин. дел ходатайствовало перед ним о пощаде некоторых евреев, в которых, по тем или иным соображениям, были заинтересованы оккупационные власти (как, например, Роже Масс, высший фран-

цузский офицер, взятый в плен и задержанный как еврей, или греческая гражданка Жанна Куэнка, или многие другие), — ответ его всегда одинаков: «по принципиальным соображениям просьбу удовлетворить нельзя».

Иногда он и его секция находят еще один повод, чтобы отклонить просьбу министерства ин. дел. Еврейкам Виалика и Бельзика, несмотря на их швейцарское гражданство, не может быть разрешено выехать из Генерал-губернаторства, так как они слишком много знают о методах депортаций. Также и еврей-корреспондент венгерского пресс-агентства в Варшаве не может вернуться в Венгрию, так как он слишком много видел в Варшаве и его информация может оказаться невыгодной для Германии. Поэтому следует его отправить в концентрационный лагерь.

К командующему оккупационными войсками во Франции поступает просьба разрешить въезд немецким евреям, у которых имеются родственники во Франции. Он запросил инструкцию. Эйхман ответил, что это даст евреям возможность улизнуть от депортации на Восток; просьбу следует отклонить.

Бенцлер, немецкий посол при сербском марионеточном правительстве, просил указаний, как поступить с сербскими евреями. Держать их в лагерях — рискованно, ввиду активности партизан; вывезти на Восток — в Польшу или Россию, — нет вагонов. На полях письма, которое мы вам представим, есть приписка Радемахера, директора соответствующего отдела в мин. ин. дел, со словами: «Эйхман предлагает расстрелять».

Желая проверить эту директиву, Радемахер вторично запросил обвиняемого по телефону. Эйхман ответил: "Erschiessen — расстрелять!" — и бросил трубку. Так, одно его слово решило судьбу приблизительно десяти тысяч евреев.

Таков был человек — и такова была его сила.

В одном случае германское мин. ин. дел не удовлетворилось отрицательным ответом заместителя Эйхмана — Гюнтера — и обратилось к нему лично по делу Андре Михаэлиса, женатого на швейцарской гражданке. Мин.

ин. дел сообщило, что очень веские политические соображения диктуют исполнение просьбы о спасении этого еврея, так как отец его жены занимает в Швейцарии важное положение и корректно относится к Германии. Личный ответ Эйхмана:

«После вторичного рассмотрения дела я, к сожалению, не могу по принципиальным соображениям разрешить бесподданному еврею Михаэлю выезд в Швейцарию».

Мы предъявим Суду много подобных документов. Докажем, что Эйхман вникал в дела большие и малые, занимался каждой значительной еврейской общиной и каждым отдельным евреем, попавшим в его руки, — всегда имея в виду одну цель: смерть.

В ходе процесса мы покажем, сколько труда и усилий посвятил этот человек на то, чтобы закрыть малейшую лазейку, через которую хотя бы одиночный еврей мог спастись из расставленной сети. Характерно срочное обращение к нему из мин. ин. дел от 26 мая 1943 г. по делу Марио Сассона из Загреба, мужа немки-христианки, трое братьев которой служили в германской армии на восточном фронте. Сассон сам был вывезен в Освенцим. Принимая во внимание отчаянное положение жены-немки, Эйхмана просили вернуть ее мужа семье в Германии. Эйхман долгое время тянул с ответом, пока его бюро, наконец, могло сообщить, что Сассона нет более в живых.

Когда немцы вели переговоры о назначении французского комиссара по еврейским делам при правительстве Лаваля, Эйхмана запросили о кандидатуре некоего дю Пати де Клам. Бюро Эйхмана ответило, что этот человек как нельзя лучше подходит для должности, так как его отец был тем французским офицером, который арестовал в свое время Дрейфуса.

Шведское министерство иностранных дел старалось спасти 30 норвежских евреев, родившихся в Швеции, посредством перевода их в шведское гражданство. «Ведь и они люди, эти несчастные!» — пытался объяснить представитель шведского посольства офицеру гестапо в Осло. Ответ Эйхмана:

«Надо положить конец подобным попыткам, и я намерен, как можно скорее, и не считаясь ни с чем, включить этих евреев в рамки общих еврейских мероприятий».

Когда ему стало известно, что некий швейцарский священник опубликовал книгу о судьбе евреев во французских пересыльных лагерях, он распорядился удалить служителей культа из лагерей.

Когда Даннекер, его представитель во Франции, натолкнулся на трудности в связи с получением эшелонов для транспортов в Освенцим, личного обращения Эйхмана было достаточно, чтобы уладить дело.

Уже в 1944 году было известно в Европе, что происходит с евреями в странах под немецкой властью. Нескольким евреям, заключенным в голландском лагере Вестерборк, удалось с помощью родных и друзей в Швейцарии получить паспорта некоторых государств, как Гондурас, Перу, Сан-Сальвадор и др., дававшие право на выезд из Европы. По приказу Эйхмана эти паспорта были задержаны. Но возник вопрос, как объяснить швейцарским властям, что заказные письма, в которых они были ими посланы, не дошли по назначению. Швейцарская почта даже потребовала возмещения убытков. Бюро Эйхмана распорядилось: немецкая почта сообщит швейцарской, что письма пропали в пути в результате «действий врага». Не следует посылать писем обратно и не следует возмещать никаких убытков. Иногда кажется, что обвиняемый и его секция вообще считали излишней тщательную маскировку и говорили откровенно об истреблении, по крайней мере, в междуведомственной переписке с членами нацистской администрации. Заместителю генерального директора германского мин. ин. дел Лютеру, обратившему внимание Эйхмана на жалобы, поступающие по поводу антиеврейских мер, бюро Эйхмана отвечает:

«Где лес рубят — щепки летят. Враг всегда будет пытаться преувеличивать в своем описании принятые против него меры, чтобы возбудить жалость и в надежде прекратить их. С тех пор,

как мы начали интенсивную кампанию против еврейского врага, он пытается с помощью анонимных писем по адресу всех почти учреждений Рейха избежать заслуженной участи».

Надо ли добавить, что «еврейским врагом» было беззащитное гражданское население: младенцы, дети, женщины и старики? «Заслуженной участью» — было убийство.

Мы увидим, как Эйхман боролся с немецкими же дипломатами, с властями оккупированных стран, которые не оказывали достаточного содействия или не исполняли его желаний. Увидим его гнев на итальянских чиновников, часто саботировавших его планы; ярость на Данию, с большим и благородным риском тайно переправившую своих евреев в Швецию; борьбу со всеми правительствами захваченных стран, чтобы лучше впрячь их в свою работу. Когда сам папа выступил в защиту римских евреев, арестованных, по выражению германского мин. ин. дел, «прямо под окнами Ватикана», и когда обратились к Эйхману с просьбой, чтобы их, по крайней мере, оставили в рабочих лагерях в Италии и не депортировали, — все старания были напрасны. Евреев сослали в Освенцим.

Во всей истории кровавых деяний Эйхмана нет главы более потрясающей и ужасающей, чем судьба свыше миллиона еврейских детей, кровь которых была пролита как вода по всей Европе. Рассказы о том, как их силой вырывали из объятий матерей, старавшихся укрыть их; как их убивали, сбрасывая с грузовиков в лагерях; как разбивали головы младенцев о стены; как их бросали в воздух и ловили на острия штыков, — составляют самую кошмарную главу всей этой кровавой эпопеи. Вы услышите показания свидетелей о злодеяниях, недоступных восприятию человеческого воображения.

Вы услышите, как выбрасывали малышей из окон верхних этажей больниц, если они не спешили вниз на поверку. Мы представим вам инструкции Эйхмана и его бюро относительно транспорта детей. Там сказано, что их следует распределять среди взрослых в транспортах, направляемых в Освенцим. Но в 14 лет дети уже счита-

лись «самостоятельными» — для отправки прямо в лагерь смерти.

И трудно решить, чья судьба была горше: мертвых или тех, кто забивался в каждую нору и щель, жил по милости соседей-христиан, согласившихся укрывать его, в состоянии вечного страха перед разоблачением.

Возвращаясь домой из школы или приюта, организованных для них общиной, дети зачастую не находили родителей, которых во время «операции» вывезли на смерть; квартиры были захвачены чужими.

Вы услышите показания о младенцах, которых матери прижимали к груди в газовых камерах и спасали таким образом от удушения, — но палачи находили их и бросали заживо в пылающие печи или в открытые могилы.

Эти несчастные дети, которые годами жили в страхе стука прикладом в дверь; которых родители посылали в лес, чтобы спасти их от смерти; которых учили глотать слезы и молчать, потому что за плач убивали на месте; которых учили отречься от своего народа и веры; которые смотрели, как плетью хлестали их отцов; которые присутствовали при споре палачей, кого раньше убить — отца или ребенка; которые шли к открытой могиле со словами «Слушай, Израиль»; малыши и подростки, которые, после отчаянных усилий, ухищрений и маскировки все-таки попадали в руки кровожадных преследователей, — они суть и душа этого обвинительного акта. Анна Франк, Юстина Дренгер и миллион других детей — заветный клад светлой молодости и стремлений к творческой жизни, — они несли в себе будущность еврейского народа. Тот кто их убил, — хотел уничтожить весь еврейский народ.

Мы предъявим Суду фотографии нескольких таких детей, опухших от голода, забитых и запуганных, с застывшим ужасом в глазах. Мы покажем снимки их худеньких трупов, брошенных на навозные телеги, снимки беспомощных младенцев у порога бойни. Может быть, нам удастся дать хоть бледное представление о горе, безбрежном как океан, постигшем Дом Израиля.

Не удивительно, что германское мин. ин. дел довело до сведения Эйхмана предостережение, переданное по лондонскому радио, что виновные в убийствах в Освенциме будут преданы суду. Даже накануне развала Германии, в апреле 1945 года, в атмосфере «сумерек богов», когда союзники надвигались с трех сторон, с востока, запада и юга, Эйхман в беседе с представителем Красного Креста еще заявил, что он не одобряет более гуманные методы обращения с евреями, которые в то время взвешивал Гиммлер.

Надо ли удивляться, что в те дни Эйхман сказал одному из своих ближайших сотрудников, что он готов покончить самоубийством и «с радостью прыгнет в могилу после того, как ему удалось уничтожить пять миллионов евреев»? И в этом он уподобился своему учителю Гитлеру, который также сказал, что умрет с радостью, зная, как велики достижения Германии и вклад, внесенный ею в историю.

Во время войны погибли также десятки миллионов неевреев. Здесь, на этом процессе, мы не будем разбирать, какие военные действия были «законными» и какие «незаконными», согласно международному праву. Но должно быть сказано и подчеркнуто со всей силой: истребление еврейского народа не было связано с военными действиями, и нельзя его сравнить ни с бомбардировкой городов, ни с подводной войной, ни с чем-либо подобным. То были военные действия, и, будь они легальны или недопустимы, здесь не место судить об этом — они были предприняты на войне и ради войны. Истребление же евреев не находилось ни в какой связи с военными действиями Германии и ее союзников. Оно происходило во время войны, когда дым сражений покрывал и скрывал то страшное, что творилось за линией фронта, — но не на самой войне и вне связи с нуждами войны. Это была отдельная и самостоятельная операция, которую оказалось легче и удобнее провести в условиях войны, при минимальном вмешательстве сил изнутри и извне, и которую можно было замаскировать и прикрыть завесой военной необходимости.



В самом деле: в гитлеровских документах, связанных с истреблением евреев, и в обосновании решения о нем нет и следа аргументации, что это истребление необходимо якобы для успешного ведения войны. Наоборот: если среди лидеров нацистов и их приспешников находились такие, которые советовали отложить «окончательное решение» на определенный срок, то они ссылались именно на необходимость использовать рабочую силу евреев во время войны. Мы предъявим ряд доказательств этого утверждения, а сейчас я приведу лишь одно. Когда немцы ворвались в СССР, отрядам особого назначения было приказано уничтожать евреев немедленно. Мы еще увидим, как этот приказ проводили в жизнь. Но в рапорте № 81 мы читаем следующее:

«Надо упомянуть, как исключительное явление, существование еврейских колхозов.

Между Кривым Рогом и Днепропетровском находятся еврейские колхозы, где не только правление, но и вся рабочая сила — евреи. Мы выяснили, что это — люди малоинтеллигентные, и потому были поставлены политическим руководством на обработку земли. Отряд № 6 решил в данном случае воздержаться от расстрела этих евреев, чтобы они могли продолжать работать, и ограничился ликвидацией еврейского руководства и заменой его украинским».

В интересах военных усилий отряд особого назначения нарушил приказ и оставил некоторое число евреев в живых.

Более того: транспортные средства имели тогда решающее значение, в особенности, когда линия фронта растянулась далеко на восток, юг и запад. Однако в то время, когда и ощущался острый недостаток в средствах передвижения — все же находились составы для транспортов смерти. И когда фронт требовал людей, находились отряды для палаческой работы.

Дело истребления должно было по ряду причин сохраняться в секрете.

Во-первых, чтобы сбить с толку самих обреченных и убедить их, что они направляются только в рабочие лагеря. Мы еще увидим, какую «изобретательность» проявили гитлеровцы, чтобы замаскировать «душегубки» под жилье, как они соорудили ложную железнодорожную станцию в Треблинке, чтобы она выглядела, как пересылочный пункт для дальнейшего следования. Даже в самом Освенциме, лагере смерти, над воротами соорудили надпись: "Arbeit macht frei" — «Труд приносит свободу». Для вящей маскировки, заключенных заставляли писать открытки родным с сообщением, что у них все благополучно; открытки прибывали после того, как их отправители давно уже были сожжены в крематориях. Но это было полезно для временного успокоения умов, создавало иллюзию, что высланные живы, подавляло желание восстать, давало возможность верить, что ужасающие рассказы об уничтожении, может быть, выдуманы.

Во-вторых, — нужна была маскировка, чтобы скрыть происходящее от внешнего мира. Фюрер велел соблюдать строжайшую тайну в связи со всем, касающимся истребления. Никому не следовало знать больше, чем ему было положено для выполнения задания.

Указания о проведении «операций» передавались только накануне самого их начала. Командование германской армии отдало распоряжение, запрещающее выражения «вывоз на Восток» и «депортация»; вместо них следовало употреблять оборот речи — «отправка на принудительные работы». В самом гестапо царил атмосфера секретности и камуфляжа.

Но секрет, разумеется, не мог долго сохраняться, тем более, что круг посвященных в заговор, составителей планов, исполнителей и причастных к делу, разрастался по мере расширения масштабов бойни. Не только тысячи членов отрядов «особого назначения» знали об этом, но и почтальоны, приносившие обратно письма «за ненахождением адресатов», служащие регистратуры, вычеркивавшие из списков жителей имена высланных, десятки

тысяч фронтовых солдат в отпуску, — так что, в конце концов, миллионы немцев таким или иным путем узнавали правду.

Мы услышим из уст самого Эйхмана, что вначале были инструкции о маскировке (*Tarnung*): уничтожение евреев было строжайшей государственной тайной. «Но я знаю, — сказал он, — что под конец, в 1943, 1944 и 1945 гг., если можно так выразиться, об этом чирикали воробьи на всех крышах».

В большой речи, похвальной и ободряющей, которую произнес Гиммлер в Познани 4 октября 1943 г. перед командирами СС, восторгаясь мужеством, силой характера и прочими ценными качествами своих соратников, он сказал:

«Здесь я буду говорить с вами совершенно откровенно об особенно трудной главе... Между собой мы будем говорить открыто, хотя никогда не сделаем этого публично... Я имею в виду изгнание евреев, уничтожение еврейского народа...

Лишь немногие из присутствующих знают, что это значит, когда лежит груда трупов, — сто, пятьсот, тысяча трупов... Выдержать все это и сохранить порядочность, — вот что закалило наш характер. Это славная страница нашей истории, которая никогда не была написана и никогда не будет написана».

Немецкий вождь видел в этом величие своего народа; но все же оно должно было скрытым и держаться в секрете. Между тем тайна была обнаружена. И то, чем эти изверги гордились, — стало ныне клеймом вечного позора. То, что они делали скрытно и в надежде, что величайшее преступление мировой истории останется навеки тайной, — здесь будет обнаружено, поведано всем и заклеено всем миром.

А теперь — пойдем по следам кровавой работы Эйхмана из страны в страну, где свирепствовал бич нацизма.

ГЛАВА V

ИСТРЕБЛЕНИЕ В ПОЛЬШЕ

Польша была первым государством, которому пришлось испытать на себе кошмар германского «блиц-крига», когда полтора миллиона солдат, вооруженных по последнему слову техники разрушения, под защитой колоссального зонта боевой авиации и снабженных всеми средствами современной коммуникации, обрушились на него в начале второй мировой войны.

Польша давно была ненавистна нацистам; она была порождением Версальского договора, в котором они видели позорное унижение немецкого народа; она вклинилась между Западной и Восточной Пруссией и господствовала над Данцигом. Эти факты служили удобной мишенью кампании травли, которую нацисты вели в их борьбе за власть и против примирения Германии с последствиями поражения в первой мировой войне.

После захвата власти в Германии Гитлеру удалось ввести в заблуждение руководителей польской политики, легко попавшихся на его приманку. Еще в 1934 году ему удалось вбить клин между Польшей и Францией, убедив поляков, подписать договор о ненападении. Пока он захватывал без войны другие страны, он позволял полякам думать, что хочет жить с ними в мире. Но этот период не длился долго, и тевтонское неистовство разразилось над Польшей молниеносным нападением 1 сентября 1939 года.

Расовое учение нацистов рассматривало славянские народы как низшие и предназначенные историей к тому, чтобы служить высшим народам. Декларированной целью их политики было подавление польского народа и лишение его возможности подняться на ноги. Вот что сказал Гитлер после захвата Польши назначенному им правителю этой страны Франку:

«Генерал-губернаторство будет служить нам только резервуаром неквалифицированной ра-

бочей силы... У поляков будет только один господин — Германия... Вся польская интеллигенция должна быть уничтожена... Мы позаботимся о том, чтобы они не умирали с голоду, но не допустим высокого жизненного уровня... Если поляки когда-нибудь подымутся на высшую ступень развития, — они перестанут быть источником нужной нам рабочей силы. Самый последний немецкий рабочий или крестьянин должен всегда по крайней мере на десять процентов стоять выше любого поляка».

Если таково было отношение немцев к полякам, то судьба евреев в Польше была неизмеримо хуже. Они просто были выброшены на свалку. Поскольку были разногласия между Генерал-губернаторством и РЗГА относительно судьбы польских евреев, они касались только выбора подходящего срока их гибели. В то время как Франк старался исполнить свою миссию в «преддверии Рейха» и доставить рабочую силу, наладить производство военного снаряжения, продовольствия и других нужных материалов, а евреев уничтожить не прежде, чем они отдадут все свои силы германской промышленности, — из Берлина приходили приказы о немедленном истреблении, и аппарат гестапо, вдобавок, действовал самостоятельно, нисколько не считаясь с администрацией Франка и не согласовывая своей деятельности с ней.

Это приводило Франка в неопишемую ярость. В наших руках его дневник, содержащий протоколы совещаний на заседаниях и записи его речей. Из этого документа я процитирую несколько выдержек. 9 декабря 1942 года Франк жаловался, что его лишили еврейских рабочих. — «Ясно, что нарушается нормальный процесс производства, — писал он, — если вдруг приходит приказ истребить евреев. Но ответственность за это не лежит на нас. Приказ идет сверху. Устранение евреев причиняет огромные трудности в работе. А теперь еще велено изъять их из военных заводов».

Не будем предаваться иллюзии, будто Франк хотел

спасти евреев от их участи. Годом раньше он сказал на заседании своего правительства:

«Что касается евреев,—то я должен сказать открыто: с ними так или иначе надо покончить... Находятся люди, критикующие методы Рейха по отношению к евреям... Говорят об ужасах, жестокостях и т. п. Я должен прежде всего просить вас согласиться со мной в одном: сострадание мы будем испытывать только к немецкому народу и больше ни к кому на свете. Как старый национал-социалист, я должен сказать, что если европейские евреи останутся в живых после этой войны, в то время как мы принесем в жертву лучшие наши силы для овладения Европой,—наша победа не будет полной. И потому от евреев я жду, по существу, только одного: чтобы они исчезли».

Однако насчет способа «исчезновения» мнения, как было упомянуто, расходились. Франк домогался время от времени, чтобы ему оставили хотя бы квалифицированных рабочих, но гестапо, по большей части, не считалось с его желаниями, а обвиняемый и его сообщники торопились завершить уничтожение евреев в Восточной Европе.

Франк горько сетовал на то, что гестапо распоряжалось по-своему в сфере его власти и образовало государство в государстве. «Мы создали в Рейхе массу учреждений, усердно ведущих борьбу друг с другом»,—писал он. Конфликт дошел до того, что в мае 1943 года Франк подал в отставку, но Гитлер не принял ее. К тому времени большинство евреев Польши уже было уничтожено, и внутреннее соперничество нацистов в борьбе за власть не принесло с собой никакого облегчения участи оставшихся в живых евреев. Когда прах последних евреев Польши был рассеян на песчаных холмах Освенцима, Франк сказал: «Мы начали здесь с трех с половиной миллионов евреев, немногие остались еще в рабочих лагерях. Остальные — скажем так: «эмигрировали». Про-

токол отмечает в этом месте всеобщее оживление среди слушателей его отчета об уничтожении. Истребление евреев не было делом Франка. Мы знаем уже, что Бюлер, глава его администрации, констатировал на конференции в Ваннзее, что задача эта была поручена РЗГА, — т. е. Адольфу Эйхману. Лагеря смерти также не находились в его компетенции, и об этом было ясно сказано на этих заседаниях: — «Лагеря были непосредственно основаны организацией СС в Берлине и управлялись оттуда; за все, происходившее в них, ответствен берлинский центр». Так оно и было на деле; подтверждение этого мы услышим также из уст других свидетелей.



В Польше страдания евреев начались со вступлением немецкой армии. Погромы, глумление, унижение, сожжение синагог, грабеж имущества, коллективные штрафы — такова была участь евреев в оккупированной Польше сразу после вступления немецкой армии. Уже в первые недели пали тысячи жертв, замученных всякими способами. Евреев Ярослава привели к берегу реки Сан и топили сотнями. В Быдгоще (Бромберге) произвели поголовную резню. В Лодзи устроили погром в честь посещения Геббельса. Глумление над евреями было обычным явлением; срезали бороды «с мясом» — вместе с кожей лица; сжигали синагоги; иногда, как во Влоцлавке, арестовывали почтенных еврейских общественных деятелей и заставляли их подписать заявление, что они сами были поджигателями, и налагали за это штраф в 100 тысяч злотых на евреев города. В течение нескольких недель сотни синагог были сожжены или взорваны, превращены в конюшни, в отхожие места и в тюрьмы. Евреев заставляли подметать улицы в молитвенных одеяниях (талесах), сжигать священные книги и плясать вокруг костров. Все эти сцены фотографировались для «Штюрмера» и других гитлеровских газет. Одновременно шел грабеж имущества в разных формах: контрибуции, отчуждение квартир со всем, что в них находилось, а временами и совершенно беззастенчивый грабеж под пред-

логом поисков оружия, причем утаскивались ценные вещи и все, что попадало под руку.

Потом начали хватать евреев на принудительные работы. Ловили прохожих на улицах. Человек, выходя утром, не знал, вернется ли он вечером домой. Некоторые возвращались с «рабочей карточкой», а другие — вообще не возвращались. Немцы объясняли, что они «посланы на работу за город», но их уже никогда больше не видели в живых. Эсэсовцы врывались в еврейские кварталы и в гетто, выгоняли, осыпая ударами, людей на работу, придуманную лишь для унижения: копать и вновь засыпать ямы, таскать камни туда и обратно и т. п. Евреи были терроризированы, унижены, оскорблены и лишены человеческих прав. Закрылись молитвенные дома, прекратилась общественная деятельность, иссякли источники существования... Но все это было пока лишь прелюдией, периодом «малого террора». Трагедия польского еврейства и его истребление еще предстояли.

Подготовительная стадия: водворение в гетто

Инструкция Гейдриха относительно евреев от 21 сентября 1939 г., уже упомянутая много раз в связи с планированием истребления, установила, что первой стадией является введение особого знака для опознания евреев и их концентрация, как промежуточный этап на пути к «окончательному решению».

Адольф Эйхман принял участие в осуществлении этих мер. Концентрация не представляла трудности в Польше, где подавляющее большинство евреев и так проживало в городах и местечках. Немедленно было отдано приказание, что каждый еврей обязан носить желтую заплату. Ослушание каралось смертью.

Гитлер, Геринг и Кейтель издали 7 октября 1939 г. приказ выделить на «Востоке» земли для поселения немцев и удалить оттуда другие этнические группы. Гиммлер получил почти неограниченные полномочия. Приведение приказа в исполнение было поручено Полиции безопасности, и шеф ее, Гейдрих, распорядился 12 декабря 1939 г.:

«Веские основания приводят к необходимости централизовать в одних руках все действия Полиции безопасности, связанные с эвакуацией населения из восточных областей.

Поэтому я возлагаю ответственность за проведение этих операций со стороны РЗГА, отдел четвертый, на гаупштурмфюрера Эйхмана (заместитель — гаупштурмфюрер Гюнтер).

Цели этих операций были определены в подробном документе, где описывалось задание немецкой политики в польских областях, присоединенных к Рейху. Они включали депортацию всего населения, которое не могло быть возвращено на лоно немецкого народа в процессе «германизации», и заселение заново всей территории немцами. Евреи должны были быть изгнаны как можно скорее и лишены всех прав.

Подробная разработка плана депортаций и их проведение перешли в руки Эйхмана. На него было возложено, между прочим, выполнение директивы Гимmlера об изгнании евреев из восточных областей (*Ostraum*). Эйхман мог теперь действовать на Востоке от имени и по уполномочию самого рейхсфюрера СС.

В сентябре 1939 г. были выполнены также инструкции об экспроприации — организованном грабеже еврейской собственности, конфискации фабрик и товарных складов, а затем грабеже всего, что попадало под руку. Кроме того, начали налагать на еврейские общины контрибуции — по произволу местных властей. Для заведования награбленным имуществом в октябре 1939 г. было создано учреждение «Восточное опекунство» — *Treuhandstelle Ost* — с центром в Берлине и отделениями в нескольких больших городах Польши. Гимmlер установил тесную связь с этим учреждением, которому было дано неограниченное право конфискации польского и еврейского достояния.

В январе 1940 г., на заседании под председательством Эйхмана, где обсуждался вопрос о депортациях, мы уже встретим представителя этого «опекунства». На заседании шла речь о методе, по которому производились депор-

тации на территорию Генерал-губернаторства; о том, что в одном транспорте замерзло на смерть несколько сот человек; о том, что в ближайшем времени 350 тысяч евреев будут изгнаны из области «Вартегау» (куда входили Познань и Лодзь) и вывезены в Генерал-губернаторство по соглашению с Франком. Все, что разрешалось еврею взять с собой, было сто польских злотых. О каждом транспорте посылались донесения: одно Главному полицейскому управлению в Кракове, другое — Адольфу Эйхману.

На заседании администрации Генерал-губернаторства это перемещение было названо «современным переселением народов». Спустя два года Франк описывал его так:

«...Тогда появился фантастический план переброски сотен тысяч евреев и поляков на территорию Генерал-губернаторства. Вы вспомните эти жуткие месяцы, когда в нашу зону прибывали ежедневно товарные поезда, нагруженные людьми; были вагоны, битком набитые трупами. Это было страшное время для районных и городских властей, вынужденных возиться с утра до вечера с этими людьми, от которых хотели избавиться в Рейхе. Их вдруг подбросили нам... И все это мы должны были терпеть».

О том, что должны были перенести жертвы этого страшного исхода, об их страданиях и муках, о том, как они падали на распутии с малыми детьми, как валялись в снегу и грязи, — обо всем этом Франку, разумеется, нечего было сказать. Депортации подверглось около полу-миллиона людей, и она была проведена особой секцией РЗГА, IVБ4, во главе с Адольфом Эйхманом. Заодно вывезли также евреев Восточной Пруссии.

Под конец, после протестов Франка, что транспорты ложатся на него и на его аппарат слишком тяжелым бременем, Геринг распорядился, 23 марта 1940 года, высылать людей на территорию Генерал-губернаторства только с предварительного согласия Франка.

Тем временем в Польше продолжалась, в соответствии с генеральным планом 1939 года, концентрация евреев

и экспроприация их имущества. Под гетто отводились самые худшие кварталы в городах, где не было возможности соблюдать элементарные требования гигиены. Не-человеческая теснота и грязь вскоре породили эпидемии. Самовольный уход из гетто карался публичной смертной казнью. Гетто само стало средством уничтожения.

И вот описание гетто:

Варшава

«В Судный день 1940 года радио передало приказ немцев о создании еврейского квартала в Варшаве. В течение нескольких дней евреи должны были покинуть свои дома за пределами указанной черты, без того, чтобы им были приделены иные жилища в гетто. Таким образом около ста тысяч человек прибыло в еврейский квартал, уже и без того перенаселенный, и превратились в беженцев. Они тащили свои пожитки, — кто в ручной тележке, кто на себе, бродили по улицам, толпились растерянно у каждого дома, не зная куда деваться.

Тогда гетто было еще открыто, и была связь с внешним миром. Можно было выходить на работу за пределами еврейского квартала. Прошло немного времени, и — без предупреждения — еврейский квартал был загорожен и изолирован; у всех ворот и выходов поставили немецкую стражу. Вдруг гетто было отрезано от источников заработка, от мест работы и возможности раздобыть продукты. Все почувствовали себя заключенными в тюрьме. В то время принимали в Варшавское гетто еще десятки тысяч евреев из окрестных городов и местечек. Им было дано на сборы два часа, разрешено взять с собой лишь то, что смогут унести в руках или на спине, и они были приведены в Варшавское гетто. Каждого, кто падал или спотыкался, стонал или останавливался, расстреливали на месте. И снова влился в гетто поток

беженцев, снова видны были люди, стоявшие и сидевшие на улицах, без пищи и без крова над головой, в ожидании помощи.

Жизнь в гетто превратилась в кромешный ад. Царила страшная теснота; десятки людей грудились в каждой комнате; санитарные условия были плачевны, начались болезни и эпидемии. Отсутствие работы, за исключением рабского труда в немецких предприятиях, и невозможность добыть продовольствие вскоре вызвали голод. Евреи целыми семьями, с женами и детьми, опухшие от голода, сидели на тротуарах. В ночные часы, когда запрещалось всякое движение и тишина господствовала на улицах, со всех концов доносился плач маленьких детей, просивших кусочек хлеба («а штикеле бройт»), — и единственное, что они могли получить, были крошки, которые давали им жалостливые евреи.

По утрам у подворотен домов валялись на тротуаре трупы взрослых и детей,—они лежали прикрытые бумагой, так как ночью с них снимали даже одежду. Хуже всех приходилось беженцам, прибывшим из окрестностей; для них просто не было места в гетто. Их скучивали в беженских бараках, в которых нельзя было протолкнуться, негде было ногу поставить. Их еда состояла из тарелки супа и куска хлеба раз в день. Ежедневно хоронили сотни людей.

Каждое утро евреи, прикрепленные к немецким фабрикам и мастерским, спешили на работу, в надежде, что она спасет им жизнь. Многие не успевали даже дойти, т. к. немцы входили в гетто, и, стоя посреди улицы, открывали огонь. Евреи, не зная откуда грозит опасность, сбегались в одно место. Тогда эсэсовцы окружали их, собирали и отводили на «умшлагплац» (сборный пункт для депортации), под обычным предлогом проверки «тру-

довых карточек». Некоторых иногда освобождали, якобы «из-за их работы». Происходили душераздирающие сцены. Вот поймали еврея, — он имеет «трудовую карточку», но у него забирают детей. Он умоляет, чтобы ему позволили пойти с детьми, но ему отказывают. Стариков и больных сажают на подводы, и они отправляются со своими жалкими пожитками в последний путь. Депортации шли своим чередом, и одновременно не прекращался террор в стенах гетто. Под предлогом «сопротивления» убивали десятки евреев — в назидание другим. Эсэсовцы тешились тем, что хватали малюток, чтобы разmozжить их головки о камни мостовой. Часто казалось, что немцы не просто делают то, что им приказано, а издеваются над евреями потехи ради.

Когда голод усилился, эсэсовцы изобрели «новый метод»; они обещали выдать каждому, кто добровольно согласится на депортацию, три кило хлеба на дорогу и кило повидла. И, действительно, находились многие, терзаемые нестерпимым голодом, которые сами являлись на этапный пункт. И снова потянулись караваны евреев, с их пожитками и детьми на руках, по дороге на «умшлаг».

Лодзь

Одно из первых гетто немцы устроили в Лодзи (Лицманштадте). Там, на площади в 4 кв. километра, сгрудилось 160 тысяч человек. Спустя год с четвертью из них умерло 15 тысяч. Ужасные условия, господствовавшие там, не помешали Эйхману вселить туда еще 20 тысяч евреев и 5 тысяч цыган из Рейха. Местная администрация пожаловалась самому Гимmlеру, что Эйхман, как видно, имеет неправильное представление о возможностях вместимости в гетто, где свирепствуют эпидемии. Методы Эйхмана районный комиссар характеризовал как манеру цыгана-лошадника. Он не знал, посылая

это письмо, 9 октября 1941 года, что уже принято решение истребить всех евреев и не имеет значения, каким способом это будет сделано.

В роковое лето 1941 года планы и проекты истребления носились в воздухе Германии. Представитель Эйхмана в Познани, штурмбаннфюрер Геппнер, написал обвиняемому личное письмо, в котором предложил, среди прочего, собрать 300 тысяч евреев в области ВАРТЕГАУ и использовать их для работы в угольных шахтах. Таким образом, он думал, можно ликвидировать опасность эпидемий в Лодзи и других местах и заодно разрешить основную проблему — а именно: он предлагал стерилизовать всех еврейских женщин, чтобы покончить с еврейским вопросом в этом поколении. Он прибавил:

«Есть опасение, что в эту зиму мы вообще не сможем кормить евреев. Стоит серьезно взвесить, не будет ли более гуманно истребить евреев с помощью какого-нибудь быстродействующего средства. Так, во всяком случае, будет приятнее, чем оставить их умирать голодной смертью».

В сопроводительном письме Геппнер пишет, что его предложения могут показаться фантастическими, но они вполне осуществимы. И он тоже не знал, насколько его слова тогда уже были близки к осуществлению поголовного истребления в рамках принятого «окончательного решения».

Летом 1943 года Эйхман приехал в Лодзь, и там, после совещания с местными деятелями, было единогласно установлено, что гетто больше не рентабельно. Поэтому было решено преобразовать гетто в концентрационный лагерь, где останутся только трудоспособные. Остальных «депортируют».



Второе средство, которым пользовалось гестапо при уничтожении евреев Польши, были рабочие лагеря. Уже во втором месяце оккупации все евреи в возрасте от 14 до 60 лет были взяты на работу. Их заставляли ис-

полнять самые тяжелые работы, ввели режим побоев и жестоких телесных наказаний. В этих лагерях люди падали в изнеможении, ибо то, что от них требовалось, превышало их силы.

Согласно официальному отчету польской правительственной комиссии для расследования преступлений нацистов в Польше, там существовало более 300 таких «рабочих лагерей». заключенные строили дороги, возводили укрепления, регулировали течение рек, работали на фабриках, в каменоломнях и т. п. Также и в гетто работа была общеобязательной.

Краков

Об условиях жизни в таких лагерях будут приведены показания свидетелей. В Плашове около Кракова рабочий день начинался в 4 часа утра и кончался поздно вечером. Жили в бараках, по несколько сот человек в каждом, с трехъярусными нарами. Работы производились бегом. Кто отставал, получал 25 ударов по голому телу. Пища — немного хлеба, дважды в день жидкость, называвшаяся «кофе», жидкий суп в полдень, иногда немного жиров. Люди всегда были голодны, но получать пищу извне запрещалось, а нарушителей расстреливали или вешали на месте. Иногда наказывали за это целые группы. Часто происходили массовые порки на лагерном плацу. Устраивались штрафные переклички, во время которых людей заставляли часами стоять неподвижно в рядах. Невыдержавших испытания тут же расстреливали. Провинившихся вешали в присутствии всего состава лагеря. Так выглядело это жуткое зрелище: 20 тысяч человек построены на плацу, кругом проволочные ограждения, по которым пропущен ток высокого напряжения; на вышках часовые с пулеметами. На их глазах вешают 15-летнего мальчика. Веревка обрывается, и мальчик умоляет сжалиться над ним, но его вешают вторично. Другой приговоренный к повешению, ожидая своей очереди, перерезает себе жилы, и его вешают истекающего кровью.

Вы услышите показания свидетелей о том, как эсэсов-

цы травили людей собаками; как псы разрывали человеческие тела на куски; как по людям стреляли без всякого повода, для забавы; как происходили «селекции» слабосильных, стариков и детей для отправки в лагеря смерти под аккомпанемент колыбельных песен, передаваемых громкоговорителями. Стоявшим в рядах было запрещено шевельнуться. Каждое движение приводило в действие пулеметы.

Понятно, что смертность в лагерях была огромна; они сами по себе были одним из инструментов уничтожения.

Львов

Вот рассказ очевидца о том, что происходило во Львове.

«Второго июля 1941 года я был арестован в числе 5000 других евреев. После трех дней истязаний некоторые из нас бежали. Остальные были все перебиты. Через два дня меня взяли на работу с сотней других евреев. Вечером вернулось 12 человек. Остальные были убиты. В феврале 1942 года меня отправили в концентрационный лагерь «Яновска», где я заболел тифом и воспалением легких. 8 июня меня повели на расстрел. Нам дали лопаты, чтобы самим выкопать себе могилы. Когда мы кончили, каждого вызвали по фамилии; по двое спускались в яму и ложились рядом, лицом вниз. Их расстреливали. Двое следующих присыпали трупы песком, сходили и ложились сверху... И их расстреливали... В последнюю минуту я бежал.

В июне 1943 года меня взяли в «бригаду смерти», в особый отряд — «Командо 1005». Задаaniem бригады было замести и стереть следы преступлений немцев. Работа заключалась в том, что мы разрывали могильные ямы, сжигали трупы, вытащив заранее золотые зубы и сняв золотые кольца, — а потом рассеивали пепел. Собирали ежедневно по 8 килограммов

золота. Когда прибывали новые жертвы, их расстреливали на месте и тут же сжигали. В иной день число их доходило до 2000. Там я оставался до 19 ноября, пока сбежал».

Сохранилась картина катастрофы в Восточной Польше в немецком отображении. Уцелел для назидания будущих поколений рапорт палача евреев Восточной Галиции, группенфюрера СС Кацмана. Он описывает введение «еврейского знака», водворение в гетто и, попутно, «специальную обработку», которой подвергались «ленивые и асоциальные элементы еврейского сброда».

«Вскоре выяснилось, — пишет Кацман, — что евреи видят в получении рабочей карточки и принудительной работе средство избежать более крутые меры. Поэтому были предприняты новые «операции», в результате которых еще несколько тысяч евреев было отправлено на «специальную обработку». Пришлось выселить (*aus-siedeln*) еще десятки тысяч, так как выяснилось, что они получают рабочие карточки, давая взятки немцам».

В ходе депортаций Кацман обнаружил «необычайные трудности»: евреи пытались скрываться в погребах, бункерах, подземных ходах и в самых неправдоподобных местах. Но отважные эсэсовцы, конечно, справились с этими трудностями и научились газом и огнем выживать евреев из их убежищ. Нашлись евреи, которые обзавелись оружием. Были даже попытки бежать за границу. «В конце концов, — пишет Кацман, — я был вынужден прибегнуть к жестоким мерам и истребить остаток евреев во Львове путем сожжения или взрыва домов, в которых они прятались. Около 300 евреев покончило там самоубийством».

Этот рапорт содержит информацию о том, что Кацман истребил 434.329 евреев и в его районе осталось в лагерях 21.156, но и это число уменьшается.

К рапорту приложен длинный список награбленного имущества; приложены также фотоснимки. Кацман приводит список своих потерь при ликвидации евреев в Галиции: 18 человек умерло от тифа, заразившись от евреев, 8 было убито евреями, 2 погибло от несчастных

случаев во время «операции». И Кацман заканчивает свой отчет об истреблении евреев в Галиции так:

«Несмотря на исключительно тяжелое бремя, возложенное на каждого члена СС и полиции, дух наших людей остался силен и достоин похвалы от первого до последнего дня. Только благодаря преданности долгу, проявленной каждым командиром и рядовым, было возможно в столь краткий срок покончить с этой нечистью».

Когда Кацман и другие руководящие нацисты говорят о «депортациях», -- они имеют в виду вывоз евреев в лагеря смерти, о которых я еще буду говорить. С 1941 по 1944 год в этих лагерях были истреблены миллионы евреев.



Адольф Эйхман, будучи главой еврейской секции гестапо и особоуполномоченным по выполнению истребления евреев, несет прямую ответственность, как зачинатель и реализатор этого кровавого преступления. Мы докажем, что ему принадлежала инициатива и власть в гетто, докажем его ответственность и роль в создании и функционировании лагерей, его ответственность за уничтожение польского еврейства. Также и здесь он занимался общими вопросами и входил во все подробности. Он проводил в жизнь программу Гейдриха от 21 сентября 1939 г., он обращался в германское мин. иностр. дел с просьбой дать согласие на применение к обладателям иностранных паспортов в Варшавском гетто тех же полицейских мер, какие применялись ко всему населению гетто. Он лично ездил в Варшаву для разбора местных дел. Он организовал — в огромных размерах — выдворение польских евреев в лагеря смерти. Но вместе с тем он не пренебрегал и мелкими делами, вроде приказа привести в исполнение смертный приговор в Цеханове над 4 евреями, или приказа публично повесить в близлежащем гетто еще семерых в присутствии всех обитателей гетто, или донесения мин. ин. дел, что румынский гражданин еврей Герш Райфер из Львова исчез и, очевидно, находится в Румынии.

Не забыта была и материальная сторона. Мы представим Суду подробные инструкции насчет грабежа. Приказ, изданный главным управлением СС по делам хозяйства и администрации (*Wirtschafts- und Verwaltungshauptamt*) относительно польских евреев, высланных в район Люблина и в Освенцим, определяет еврейскую собственность как «конфискованную», так как она-де была украдена или приобретена контрабандой. За этим последовал ряд инструкций: наличные деньги — будут посланы в Центральный банк Рейха; часы, автоматические ручки, карманные фонари, кошельки и другие вещи личного пользования следует починить, почистить и продать по минимальной цене немецким солдатам на фронте; мужскую и женскую одежду следует продать «фольксдейчам», — жителям немецкого происхождения в восточных областях. Следует продать им также кровати, одеяла, зонтики, детские коляски и ряд других предметов. Белье и скатерти — поставить армии. Очки — в министерство здравоохранения. Шубы — главному управлению СС... И в заключение две инструкции к постоянному сведению:

«Особое внимание должно быть обращено на то, чтобы «еврейский знак» был спорот с платья и верхней одежды».

«Все носильные вещи должны быть тщательно просмотрены, не скрыты ли там драгоценности».

Еще одно дьявольское измышление СС заключалось в том, что самих евреев заставляли чистить и чинить одежду убитых.

Особое соединение СС занималось операцией, известной под именем «Операции Рейнгард», в честь Рейнгарда Гейдриха, убитого в июне 1942 года ручной гранатой, брошенной самоотверженным чешским партизаном. Глобоцник, комендант полиции в районе Люблина, был назначен руководителем операции, целью которой было — окончательная экспроприация всего еврейского имущества в Польше и убийство тех, кому оно принадлежало.

Глобоцник подал рапорт со списком изъятой иностранной валюты и награбленных ценных и личных вещей. По его словам, номинальная стоимость всего захвачен-

ного имущества была не менее 200 миллионов марок. Позволительно думать, что львиная доля еврейского достояния была украдена исполнителями задания в свою пользу и вообще не была включена в отчет. На заседании администрации Генерал-губернаторства Франка собственность, награбленная у одних только польских евреев, была оценена в много миллиардов.

В целях эксплуатации рабочей силы евреев в гетто и лагерях смерти эсэсовцы создали общество **Ostindustrie** в сокращении ОСТИ, — для основания промышленных предприятий и использования в них евреев, для захвата всего технического оборудования и сырья, принадлежавшего евреям, а также самих предприятий, находившихся в еврейских руках. Возникли многочисленные частные немецкие предприятия, в распоряжение которых была предоставлена еврейская рабочая — вернее: рабская — сила. Глобозник подал рапорт об успехе своих стараний о мобилизации десятков тысяч еврейских рабов для бесплатной работы на фабриках и заводах ОСТИ. «Всюду я имел успех, — писал он, — за одним только исключением: в Варшаве операция не была проведена как следует, — там не пользовались правильными методами».

Варшавское гетто

Варшавское гетто было самым большим в Европе не только вследствие многочисленности коренного еврейского населения самой Варшавы, но и потому, что туда бежали и были высланы евреи из окрестных и более дальних местностей. По-видимому, одно время там находилось около полумиллиона людей. Гиммлер отметил, что предприятия Теббенса заработали миллионы на еврейском рабском труде, но все же он приказал постепенно устранять евреев из производства: «Надо стараться заменить евреев поляками, а евреев послать в другое место. Понятно, что и оттуда им придется в свое время исчезнуть, ибо такова воля фюрера».

Гиммлер отвергал довод, что стоит оставить евреев в живых, поскольку они работают для армии. «Армия передаст нам свои заказы и получит нужное ей обмунди-

рование. Я приказал принять меры, ни с чем не считаясь, против тех, кто думает, что сможет стать нам поперек дороги, ссылаясь якобы на нужды военного снаряжения, а в действительности имея в виду помощь евреям и защиту их интересов».

В середине 1942 года уже не было никаких иллюзий в Варшаве насчет цели депортаций. Раньше надеялись, обманывали себя, не хотели слышать настоятельные требования подпольных организаций, призывавших оказать активное сопротивление немцам. Адам Черняков, председатель Совета в гетто, покончил с собой, приняв яд, в июле 1942 года, когда немцы вновь потребовали от него выдачи новых жертв для «выселения».

Но транспорты шли своим чередом — тысячи, десятки тысяч душ. В сентябре более ста тысяч евреев было собрано в так называемом «котле». Из них «освободили» на работу 30 тысяч, а остальных отправили в лагеря смерти. На этот раз вывезли и еврейскую полицию гетто.

Выслушайте внимательно описание:

«Немцы переводят оставшихся в живых евреев в «котел» между улицами Заменгофа, Ставки, Смоча и Генся. Деревянные ворота перегородили всю ширину мостовой на перекрестке улиц Мила и Генся. Через эти ворота жизни и смерти медленно ползет бесконечная вереница. Каждый подвергается тщательному обыску. Шеренга молодых, бдительных эсэсовцев стоит на страже... Револьверы свисают с мундиров... «Живей, живей», — кричат они, и удары нагаек смешиваются с воплями ужаса. Толпа движется мучительно медленно через ворота жизни и смерти. Проходят люди — бледные, перепуганные, с красными от ужаса глазами. Мужья поддерживают своих жен, матери прижимают к себе детей. Девушки бережно ведут своих старых матерей; члены каждой семьи стараются держаться вместе. У каждого в руке «рабочая карточка», дающая право на жизнь. Они цеп-

ляются за нее, как за якорь спасения, — это единственная гарантия спасти жизнь, и не только собственную, но и — что, может быть, еще более важно, — жизнь своих близких.

Сегодня — решающий день. Погода хороша. Солнце светит ярко. Унтерштурмфюрер Хантке утирает пот со своей жирной красной физиономии. Он вытирает шею и берется за дело. Его бич снова свистит и хлещет куда попало — по головам, по лицам, по телам терроризованных жертв. Энергичный и властный офицер указывает запуганным людям, куда идти.

Налево — к выходу на Ставки — ворота смерти. Оттуда их поведут к поезду, который повезет их в Малкиню и Треблинку.

Там приготовлено место для женщин, стариков и калек.

Мановение руки направо — дорога на Лешно, Кармелитскую, Новолипки — дорога жизни. Направо пойдут те, из непосильного труда и кровавого пота которых еще можно выжать некоторую прибыль».

Так выглядела «селекция» в гетто.

Молодежные организации стремились к сопротивлению, — но не было оружия. Польские подпольные организации доставили девять револьверов и пять ручных гранат. С этим пришлось начать борьбу.

Наконец был избран комитет по координации боевых действий подполья. Во главе его стал Мордехай Анилевич с помощником — Ицхаком Цукерманом. Отдельные попытки отчаянного сопротивления были и раньше. Теперь деятельность была объединена и согласована.

В январе 1943 года еврейская боевая организация впервые приступила к делу. Пали первые убитые среди немцев. Анилевич, когда у него кончились патроны, бросился голыми руками на гитлеровского солдата, выхватил у него ружье и убежал. Он участвовал и командовал еще во многих боях.

Павшие духом ободрились. Они увидели, что немцы уязвимы, что можно нанести им потери. Ицхак Каценельсон, поэт народного бедствия, сам в нем погибший, пел:

Они не верили, не знали:

«Евреи стреляют!!» И прежде чем нечистый дух
Испустил свое нечистое дыхание, я слышал:

Не голос человеческий, а уstraшенный вопль —
«Не может быть!»

Началась борьба, отчаянная, без тени надежды и малейшего шанса, борьба только за то, чтобы не идти как бараны на бойню и дать отпор презренным убийцам. Подпольная организация перестроилась заново, гетто было разделено на районы, начались лихорадочные поиски оружия в другой, христианской, стороне города. Револьвер стоил тысячи злотых. Оружие притекало всеми путями: через канализационные трубы, через подкупленных стражников, в грузовиках, в которых доставляли в гетто немецкие продовольственные пайки. «Если бы мы могли получить нужное нам оружие и боеприпасы, — писал Анилевич накануне восстания, — овладение гетто могло бы стоить врагу океана крови. Но и без этого мы покажем, каким источником силы являются вера и сознание собственных сил».

Готовили бункеры, подземные убежища и проходы, склады оружия и линии сообщения для будущей битвы.

Нацисты были поражены. Уничтожив первые гнезда сопротивления, они прибегли к обычной хитрости: «Все, чего мы хотим, это послать пополнение в рабочие лагеря. Из-за чего весь этот шум?»

Эсэсовцы снова попытались пригрозить членам юденрата, но те на этот раз им ответили, что не имеют больше никакой власти над евреями.

Гиммлер приказал уничтожить гетто. «Местопребывание полумиллиона подчеловеческих созданий, которые и так не пригодятся нам, немцам, должно исчезнуть», — писал он.

19 апреля 1943 года, в канун еврейской Пасхи, начали двигаться по направлению к гетто вооруженные силы СС

под командой Юргена Штроопа, недавно назначенного комендантом полиции в Варшаве. Силы атакующих насчитывали около 2100 человек, поддержанных танками. Бойцы гетто открыли огонь. Немцы понесли потери, и «бутылки Молотова» заставили танки отступить.

Анилевич писал Цукерману, который был послан на «арийскую» сторону Варшавы, чтобы позаботиться о снабжении оружием и помощи польских организаций Сопротивления:

«Произошло событие, превывсившее наши самые смелые ожидания. Немцы дважды бежали из гетто... С сегодняшнего вечера мы переходим к партизанской тактике. Ночью выйдут три наших отряда, у них два задания: найти продовольствие и добыть оружие. Я не могу тебе описать, в каких условиях здесь живут евреи. Только немногие смогут выдержать. Остальные — раньше или позже погибнут. Жребий брошен. В блиндажах, где скрываются наши товарищи, невозможно даже зажечь свечу ночью — до того сперт воздух... Будь здоров, дорогой мой. Может, еще свидимся. Главное: осуществилась мечта моей жизни. Я дожил до того, чтобы увидеть еврейскую оборону гетто во всем ее величии и великолепии».

Вспыхнул бой — отчаянный и героический. Немцы окружили гетто и начали жестокую бомбардировку. Затем вступили части СС, захватывая пленных и разрушая дома и бункеры. Десятки тысяч пленных были частью уничтожены на месте, частью посланы в Трешлинку. В последнем донесении от 16 мая 1943 года усмиритель восстания Штрооп сообщил, что при его подавлении было уничтожено 56.065 евреев. Этот убийца и палач посмел назвать свои жертвы «бандитами». Мы предъявим Суду отчет Штроопа, начинающийся словами: «Еврейский квартал в Варшаве больше не существует». Мы представим фотоснимки, которые он приложил к своему отчету — известную фигуру ребенка, стоящего с поднятыми руками, — тоже враг германского Рейха! — и фотографию

девушек-участниц восстания, в глазах которых отражается безмерная боль близкой смерти.

На этом процессе против Эйхмана я не разверну перед вами всей картины Варшавского восстания. Оно останется в еврейской истории навеки как проявление высочайшего героизма, когда эти люди стояли в неравном бою против нацистской военной машины почти целый месяц. Но и после того, как прекратилось организованное сопротивление, еще продолжались месяцами стычки среди развалин, в канализационных трубах, в потайных убежищах, против которых немцы пустили в ход все свои средства разрушения. Еще в сентябре 1943 г. продолжались отдельные акты сопротивления, — пока не затихла борьба и пали последние бойцы.

Варшава не была единственным местом, где евреи встали против своих палачей. До того и после того были вооруженные выступления в Ченстохове, Вильне, Кракове, Бендзине, Белостоке и многих других местах. Позже были бунты в самых центрах уничтожения, среди газовых камер Трешлинка, Собибора, Освенцима. Были также сотни единичных героических актов сопротивления и бунта. Всюду и везде пытались евреи противостоять своим мучителям, не теряя образа и подобия Божьего и человеческого достоинства. Им запрещали молиться — они собирались на потайные богослужения в каждом возможном и невозможном месте, даже в лагерях смерти и на пороге газовых камер. Нацисты запретили все виды общественной деятельности и взаимопомощи — евреи создавали сотни организаций помощи. Запретили обучение еврейских детей — евреи находили способ воспитывать своих детей втайне. Оккупанты назначили смертную казнь за слушание заграничных радиостанций — евреи издавали подпольные бюллетени, где печатались сообщения союзников. Десятки тысяч евреев присоединились к партизанам и боролись против немцев в боевых отрядах. И надо считать великим чудом, что после стольких лет гнета, унижений, беззакония и голода евреи все же нашли в себе душевную силу для проявлений бунта, борьбы и сопротивления мощному аппарату ге-

стапо с его смертоносными средствами разрушения, с одной стороны, — и всем соблазнам, обманам и попыткам маскировки губительных замыслов, — с другой стороны.

Уже после подавления мятежа уцелевшие в другой части Варшавы сформировали национальную организацию и призвали евреев в июле 1944 года объединиться в борьбе против врага. — «Еврейский народ жив», — писали они и пророчески предсказали, что, как единственно возможное возмещение еврейскому народу его потерь, насчитывающих, по их словам, пять миллионов жертв, ему будет дано свободное демократическое государство, где многострадальный народ сможет вновь развиваться и творить. Воззвание кончалось словами:

«Если суждено нам умереть — умрем в бою. Каждый из нас видел уже смерть перед глазами так часто, что она не страшна больше... Каждый уцелевший еврей должен считать себя солдатом еврейской армии взаимной помощи и борьбы — борцом за демократию и свободу».

Восстание в Варшавском гетто стало символом героической борьбы, подобной которой не было в еврейской истории со времени Бар-Кохбы. Они боролись без тени надежды, но с ясным сознанием, что их смерть придаст смысл жизни других. Они и их товарищи по бунту, стойкости и сопротивлению угнетателям, не могли спасти еврейских жизней, но они спасли честь народа.

О смерти их будет Израиль скорбеть, и на завете их доблести будут воспитаны грядущие поколения.

Горькая участь постигла польских евреев в лагерях смерти, куда их вывозили миллионами по инструкциям Эйхмана и его преступных сообщников. Конец наступил в Освенциме, Белжце, Трешлинке, Собиборе, Майданеке и Хелмно. К тому же, что там происходило, мы еще вернемся.

ГЛАВА VI

ИСТРЕБЛЕНИЕ ЕВРЕЕВ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ И ПРИСОЕДИНЕННЫХ К НЕМУ СТРАНАХ

А теперь обратимся к Востоку и посмотрим, что стало с евреями Советского Союза в областях, захваченных Германией.

Я упомянул, что в каждой стране метод истребления евреев был связан в известной степени с поведением нацистов по отношению к населению данной страны. Евреи везде были обречены на гибель, но уничтожение их осуществлялось по-разному. В Дании и Норвегии, например, немцы еще в некоторой мере считались с чувствами местного населения. Иначе обстояло дело в Польше, которую нацисты рассматривали только как резервуар рабского труда, или в Советском Союзе — этом ненавистном сопернике Гитлера, лишь на короткое время подавившего свою лютую вражду, стараясь избежать войны на два фронта. Когда были завершены завоевания на Западе и когда Гитлер убедился, что покорение Англии наступит не скоро, он решил осуществить свой давний план нападения на Советский Союз, включивший уже к тому времени Прибалтику, Западную Украину, Западную Белоруссию и часть Бессарабии. Операция «Барбаросса» была подготовлена весной 1941 года. Нацистская Германия хотела посредством беспощадной «молниеносной войны» разгромить противника в кратчайший срок. Была проведена весьма тщательная подготовка для того, чтобы обеспечить самыми безжалостными средствами действенность намеченных ударов, так же как и тылы армии. С этой целью были созданы новые «отряды особого назначения» СС — **Einsatzgruppen** — в мае и июне 1941 г. Гейдрих и Штрекенбах из РЗГА лично занимались этим. Эйхман был привлечен к участию во всем, что касалось евреев. Он участвовал в тайной встрече в Принц-Альберт Пале в Берлине, где Гейдрих объяснил командиру «отрядов особого назначения» их задание при истреблении евреев. Пришли

к соглашению с армией, что евреями займется Полиция безопасности и СД, которые будут пользоваться поддержкой армии, но, по существу, будут работать самостоятельно. Фон Браухич, главнокомандующий захватнической армией, согласился предоставить Полиции безопасности самые широкие полномочия. Инструкции РЗГА, отрядам особого назначения были просты: убивать евреев поголовно, не щадя женщин и детей, заодно со всеми нееврейскими коммунистическими главарями. Следующая инструкция была дана в 4-м отделении РЗГА 17 июля 1941 г.:

«В первую очередь должны быть взяты на учет все «профессиональные революционеры», служащие Коминтерна, все политруки Красной Армии, вся советская интеллигенция и все евреи». В инструкции сказано еще, что людей этих надо задержать и ежедневно рапортовать РЗГА о предпринятых шагах. «Специальную обработку» следует производить на бывшей советской территории; в лагерях приводить в исполнение смертные приговоры внутри лагерной зоны. О применении «специальной обработки» следует представлять подробные отчеты».

Мы представим Суду рапорты об истреблении, — документы, повествующие сухим чиновничьим языком о массовых убийствах десятков и сотен тысяч людей.

Командир «отряда особого назначения Д» Отто Олендорф описал позже в своем показании, как был исполнен приказ об убийстве 90 тысяч евреев.

«Мужчин, женщин и детей доставляли к месту казни, — большей частью это были противотанковые рвы. Затем их расстреливали, поставив на колени или в стоячем положении, а трупы сбрасывали во рвы. Я никогда не разрешал стрелять отдельным бойцам; всегда расстреливала целая группа залпами, чтобы избежать личной непосредственной ответственности, но командующий офицер был обязан пристрелить всех, кто еще остался в живых... В начале 1942 года шеф Полиции безопасности и СД прислал нам «душегубки»... и когда набиралось доста-

точное количество жертв, эти машины пускались в ход. Мы держали их вблизи транзитных пунктов, куда собирались жертвы. Им говорили, что их перевозят в другое место, грузили их в кузов и, закрыв дверцы, впускали через отводные трубы газ. Через 10-15 минут все были мертвы. Машины отъезжали к месту погребения; там вытаскивали и закапывали трупы».

Шталекер, командир **Einsatzgruppe A**, действовавший в Прибалтике и на Севере, доложил, что, к его удивлению, не удалось побудить местное население в Литве к более значительным погромам. Также и в Латвии погром повлек за собой только 400 жертв.

«Можно было предвидеть, — писал Шталекер, — что погромы не разрешат проблемы на восточных территориях... Поэтому в Литве при помощи специальных отрядов, а в Латвии совместно со вспомогательной латышской полицией были проведены экзекуции в большом масштабе, в особенности в городах и полях».

Эти особые отряды и вспомогательная полиция, как и другие подобные группы, составленные из местного населения в оккупированных странах, действовали по приказу захватнических властей и, главным образом, по принуждению отрядов СС всех родов и видов.

Шталекер докладывал о сопротивлении в Ковно. В Латвии он успел, согласно его отчету от 15-го октября 1941 года, перебить к этому сроку 30 тысяч евреев. Женщин, — так он писал, — он поставил пока на работу. Тем временем он устроил гетто в Ковно и Риге, в самых захудалых кварталах этих городов, и велел евреям носить позорное клеймо. Всего, доложил он, убито 135.567 человек.

Мы представим Суду находящиеся в наших руках отчеты отрядов особого назначения — документы, от которых стынет кровь в жилах и волосы становятся дыбом. Читаешь десятки таких отчетов, показания свидетелей, уцелевших одиночек, — все как будто понятно, но снова и снова спрашиваешь себя: как это могло произойти?

И кажется совершенно невероятным, что в течение многих месяцев тысячи людей занимались тем, что изо дня в день они хладнокровно, сознательно и планомерно собственноручно убивали массы человеческих существ, число которых дошло постепенно до трех четвертей миллиона. Трудно свыкнуться с мыслью, что такие звероподобные изверги могли осквернять лицо земли.

Убийство стало обыденным занятием. После каждой кровавой бойни убийцы плотно ели, курили, беседовали о том и о сем и вновь были готовы к расправе со следующей группой жертв стоявших уже в очереди. Среди них были иногда личные знакомые палачей, как в случае с евреем из Мемеля, очутившимся перед ружейными дулами своих земляков. Он крикнул одному из убийц: «Густав, стреляй хорошо!»

Это было его последним желанием: чтобы ему оказали услугу, покончив с ним сразу и не заставляя ждать, пока вторая пуля положит конец его мучениям.

Жертвы прибывали длинными колоннами, — равнины в атласных кафтанах, дети нежного возраста, младенцы, люди преклонных лет и дряхлые старики. Их всех приводили к краю открытой могилы, расстреливали, закапывали и бросали на них последующий слой трупов. Так мы находим в обычном канцелярском донесении, среди общей информации о происходящем в оккупированных областях, о настроениях местного населения и пр., — справку о том, что в Белоруссии убито 55 тысяч евреев, в Симферопольской области 54.596, в Днепропетровске 10 тысяч, в Чернигове почти столько же, 45.467 на центральном фронте, 16.964 в Минском районе и в окрестностях Москвы, 5000 в Николаеве... и много, много в других городах. В итоге получается картина поголовного истребления сотен тысяч людей на протяжении всей территории, оккупированной нацистской Германией в Советском Союзе и в присоединенных к нему областях.



Вначале людей убивали одетыми. Потом, — как показал Пауль Блобель, подчиненный Эйхмана, — метод был из-

менен. Людям приказывали раздеться, сложить одежду в сторону, и их расстреливали голыми. Вот описание:

«Людей — мужчин, женщин, детей всех возрастов — высаживали из грузовиков. Эсэсовец с хлыстом или с арапником в руке заставлял их раздеться и сложить свои вещи в определенном порядке: обувь отдельно, верхнее платье отдельно, нижнее белье отдельно. Я видел кучу обуви из 800 или 1000 пар, груды платьев и белья. Эти люди раздевались без крика, без плача. Семьи стояли вместе, родные, прощаясь, обнимали друг друга и ждали знака другого эсэсовца, стоявшего у рва, тоже с плетью в руке.

Никто не жаловался, не просил пощады. Вот прошла семья — восемь душ: муж и жена, оба лет пятидесяти, и с ними дети в возрасте одного года, восьми и десяти лет, две взрослые — двадцатилетние — дочери. Старая женщина с белыми как снег волосами держала на руках годовалого младенца, напевала ему и щекотала его. Младенец блаженствовал. Родители смотрели на него, глаза их были полны слез. Отец держал за руку десятилетнего мальчика и что-то ласково говорил ему. Мальчик с трудом сдерживал слезы. Отец показал пальцем на небо, погладил голову сына и, казалось, объяснял ему что-то. В эту минуту эсэсовец у рва окрикнул своего товарища. Тот отсчитал 20 человек и велел им стать по ту сторону ямы. Среди них была и эта семья.

Стройная черноволосая девушка прошла мимо меня, указала на себя пальцем и сказала: «Двадцать три!..» Люди лежали так тесно, что только их головы были видны. Все были залиты кровью. Некоторые из расстрелянных еще шевелились; они поднимали руки и поворачивали головы, чтобы показать, что они еще живы. Там было около тысячи человек. Палач-эсэсовец сидел

на краю рва, свесив в него ноги, с пулеметом на коленях и сигаретой во рту. Люди, совершенно нагие, спускались по нескольким ступенькам, высеченным в глинистой стенке рва, ложились головами на головы тех, кто уже лежал там, как им приказал эсэсовец. Так они лежали над мертвыми или ранеными, — некоторые гладили тех, кто еще был в живых, и что-то тихо говорили им. Потом было пущено несколько автоматных очередей, и во рву стали корчиться тела поверх тех, которые лежали без движения. Кровь хлестала из их затылков. Между тем уже приближалась следующая партия. Они сошли в ров, легли рядом с теми, кто пришел до них, и эсэсовец снова взялся за автомат».

Сперва отнимали товары и грабили драгоценности, а затем — гнали в открытый могильный ров. В Киеве в течение только двух дней было убито 33.770 евреев. В отчете сказано просто и ясно: «Они казнены и уничтожены».



Отчеты посылались в Берлин, и Эйхман мог точно следить за тем, как происходила кровавая расправа на Востоке, как росло число убитых, от десятков до сотен тысяч. Я уже упомянул его посещение Минска и Львова, где он наблюдал за работой палачей. Мы уже слышали, почему он забраковал прием расстрелов в упор. Сами эсэсовцы стали роптать. Эйхман утверждал, что этот метод превращает людей в садистов; другие говорили, что он «не элегантен». Тогда начали пользоваться «душегубками», что давало возможность разными способами камуфлировать убийство. За восемь месяцев 1941-2 гг. было, по подсчетам, расстреляно 720 тысяч евреев, — страшный итог... Но и на этом дело не кончилось.

Мы слышали уже о «коричневом портфеле» Розенберга и о поправках, внесенных Эйхманом в инструкции министерства оккупированных областей. Еврейский вопрос на Востоке, — установил Эйхман, — будет решен не после

войны, а во время войны, и притом немедленно. Он дал Розенбергу директивы, как поступать с теми, кто пережил операции «эйнзацgruppen»: заключить в гетто, изолировать от остального населения, ограбить.

Согласно этим инструкциям был основан ряд гетто — в Риге, Минске, Ковно, Вильне, Белостоке, Шавлях и других городах. Эти гетто также были лишь этапом на пути к быстрому уничтожению и — временно — средством эксплуатации еврейской рабочей силы. Здесь не тянули долго с приготовлениями и уже в первые недели оккупации приступили к частичным и массовым расстрелам. Жестокое издевательство и страдания были уделом обитателей гетто. Тысячи бежали в леса и присоединились к партизанам, взяли за оружие, боролись и вписали в историю народного бедствия блестящую главу о еврейском партизане. Но дано это было только немногим. Большинство осталось в гетто и погибло там.

Гетто Риги и Минска, где содержались и работали не покладая рук в ожидании мученического конца евреи, присланные из Рейха, находились под особым присмотром Эйхмана. Он еще в октябре 1941 г. рассказал об этом своем плане д-ру Ветцелю из министерства Розенберга. В декабре 1941 г. полиция г. Дюссельдорфа сообщила Эйхману о посылаемом транспорте. Был приложен точный список 1067 депортируемых, соответственно возрасту, полу и профессии. На нем вы найдете отметки сопровождающего чиновника, который обозначал каждую группу из пяти человек четырьмя перпендикулярными линиями и одной диагональной.

Рига

О судьбе этого транспорта мы узнаем из рапорта № 154 эйнзацгруппе А. По прибытии в Ригу и Минск они были помещены в гетто. Немецким евреям было сказано, что их направляют на сельскохозяйственное поселение, подобное нашим поселениям здесь, в Израиле. Рапорт продолжает:

«...Эти евреи, видимо, создали себе совершенно ложное представление о том, что их ждет. Они

воображают, что им предназначили роль пионеров колонизации Востока... Тем временем старший офицер СС и начальник полиции в Риге, группенфюрер Иекельн, назначил день экзекуции на воскресенье 30 ноября 1941 года. Расстреляны будут около 4000 евреев из гетто Риги и часть прибывших из Рейха».

Так были ликвидированы возникшие гетто—частично в результате голодной смерти и болезней, частично прямым убийством их обитателей. В небольших городах людям велели явиться в определенный день с заступами, выводили их за городскую черту, приказывали вырыть себе могилы, стреляли в затылок и ударом ноги сталкивали тело в яму. Отчаяние охватило еврейские массы, не было надежды на спасение, и многие предпочитали наложить на себя руки, чем терпеть мучения и истязания. Одно и то же повторялось в каждом городе и местечке: бредут целые еврейские общины на мученическую смерть, отцы и матери славят имя Божие, родители просят своих детей произнести «Слушай, Израиль», и с этими словами умирают все вместе. Немцы ликвидировали рабочие лагеря в Латвии и Эстонии, перебив обитателей. Виленские евреи были истреблены в лесу Понары за городом и в самом гетто.

Вильна

Когда на улицах Вильны появилась раненая женщина, растрепанная, босая, с дико блуждающим взглядом, и рассказала шепотом и озираясь в страхе принявшему ее врачу, что она только что бежала из долины смерти, из Понар, где убивают всех евреев, — ей не поверили. Сочли ее помешанной, думали, что она бредит. Потом она сидела, ошеломленная и запуганная, в пошивочной мастерской, где ей дали работу, боясь проронить слово, чтобы гестапо не послало ее снова в Понарский лес.

Также и тут повторились страшные сцены «селекций», рабочих карточек, соблазна, обмана и убийства, известные нам уже по Польше. Человек, бывало, стоял перед

альтернативой: приписать к своей рабочей карточке жену или мать, и, возвращаясь, проклинал день своей женитьбы, а матери признавался, что у него нет больше для нее рабочей карточки. Это значило, что ее ждет немедленная смерть. И мать благословляла выбор сына, передавала свой старый молитвенник в руки невестки, целовала ее на прощание и желала ей дожить до конца страшной поры.

Ковно

Те же события произошли и в Ковно. Местом экзекуций был «Седьмой Форт». Казни начались еще в июне 1941 года. Им предшествовали мучения, затем шла череда кошмарных издевательств и убийств. Женщин раздевали публично догола, и головорезы СС подвергали их постыдному обыску. Беременность и роды были запрещены. Во время массовых «селекций» тысячи высылались немедленно на казнь. И здесь мы также услышим, как вырывали детей из объятий родителей и посылали на смерть, как матери теряли рассудок от ужаса и горя. Еврейские матери тайком переправляли своих детей за ограду гетто, в руки крестьян, которые соглашались их укрыть. Не многим детям удалось спастись. В отсутствие родителей, когда взрослые находились на работе, убийцы из СС приходили за детьми и утаскивали их — на смерть.

Настала очередь взрослых. Ликвидация гетто в Ковно была проведена, как и в других местах, с беспощадной последовательностью. Гетто было окончательно ликвидировано в 1944 году, и последних оставшихся в живых перевели в страшный концентрационный лагерь Штуттгоф. Тот, кто хочет хоть в малой степени получить представление о страданиях евреев Ковно, пусть заглянет в книгу раввинских респонсов «Вопросы и ответы из бездны», составленную в то время. Там говорится о том, как поступать еврею, когда палачи велят ему разорвать и осквернить священные свитки Торы; можно ли пользоваться одеждой убитых; должны ли пережившие «операцию», в которой погибло более десяти тысяч ев-

реев, благодарить Бога за свое спасение; разрешается ли религиозным законом произвести аборт, чтобы спасти жизнь женщины, которой угрожает смерть, если обнаружится ее беременность... и о других вопросах, характеризующих «быт» тех дней.

Евреи, народ упрямый, держались заветов отцов и даже на пороге ада еще пытались хранить веру Израиля. Но вскоре палачи положили конец им всем, — вместе с их раввинами и с их судьями.



Также и здесь мы найдем Эйхмана вершителем больших дел и — в то же время — вникающим во все подробности. Он послал своего представителя Зура на заседание, где решался вопрос, кого считать в восточных областях евреем и на кого распространяется указ об уничтожении. Зур принимал активное участие в разработке инструкций. Эйхман занимался вопросом об иностранных подданных на восточных территориях; его секция отдала распоряжение командирам эйнзацгруппен во всех зонах оккупации временно изъять подданных государств, перечисленных в инструкции, из-под действия общих еврейских мероприятий (*Allgemeine Judenmassnahmen*), ограничиваясь их арестом. Подданных враждебных стран он велел держать в отдельном заключении.

Эйхман продолжал заниматься и отдельными случаями. Еврейская женщина, по имени Коцци, была замужем за итальянцем-христианином, и ей удалось обратить внимание итальянских властей на свою судьбу. Итальянцы настоятельно просили освободить ее из Риги. Эйхман ответил, что он просит итальянские власти перестать интересоваться ею. Германское министерство иностранных дел вторично известило Эйхмана, что итальянские власти настаивают на своем и потребовало от Эйхмана сделать все возможное, чтобы удовлетворить их просьбу, хотя бы путем временного перевода этой женщины в Берген-Бельзен. Итальянская фашистская партия обратилось официально по этому поводу к национал-социалистской партии, однако Эйхман остался непрекло-

нен, и вот его окончательный ответ своему министерству иностранных дел:

«Я распорядился, чтобы вплоть до дальнейшего распоряжения еврейка Коцци оставалась в концентрационном лагере в Риге».

Да простит мне Суд, если я сокращу эту главу и представлю документам и свидетелям описать зверства, которые пришлось пережить евреям в Советском Союзе и на присоединенных к нему территориях во время нацистской оккупации. Я боюсь, что не сумею найти подходящих слов, чтобы изобразить во всей полноте их ужасные испытания. Разрешите мне предоставить слово поэту-партизану Шмерке Кочергинскому и процитировать его стихотворение.

Колыбельная песня детям Вильны

Тише, сын мой, тише, милый,
Здесь страна гробов.
Враг рассеял их повсюду
И посеет вновь.
Все пути ведут в Понары,
И возврата нет.
Наш отец ушел в Понары,
С ним погас наш свет.
Тише, тише, сын мой, тише,—
Утиши свой плач.
Все равно,— слезы сиротской
Не поймет палач.
Берега имеет море,—
Только наша скорбь
Безгранична и безбрежна—
Нет ей берегов.

ГЛАВА VII

ИСТРЕБЛЕНИЕ ЕВРЕЕВ В СЕВЕРНОЙ, ЗАПАДНОЙ И ЮЖНОЙ ЕВРОПЕ

Голландия

Горькую чашу испили также остальные еврейские общины в оккупированной Европе. В этой вступительной речи я останавлиюсь подробно на катастрофе голландских евреев и — в общих чертах — на трагических событиях в других странах.

Когда германская армия обратилась на запад, ее добычей стала также и Голландия. Туда был назначен «рейхскомиссар», облеченный всей полнотой законодательной и исполнительной власти.

В управлении Полиции безопасности в Голландии мы найдем особую секцию по еврейским делам, которая позже стала известна как секция Адольфа Эйхмана в Берлине — «IV Б4». Во главе голландской секции стояли делегированные Эйхманом Цепф, Раякович и др. В Амстердаме было учреждено «Центральное бюро эмиграции», действительной целью которого было — выявить имена и адреса евреев и наметить жертвы для «окончательного решения».

Сразу после оккупации началась антиеврейская кампания, этапы которой нам уже известны по программе 21 сентября 1939 года — этому общему плану повсеместного уничтожения: антиеврейское законодательство, включавшее лишение прав человека и гражданина, регистрация евреев, введение для них желтого знака, грабеж имущества и, под конец, — депортации и уничтожение.

Началось это опубликованием в 1940 году серии законов, подобных введенным в оккупированной Франции и выполняемых в сотрудничестве с Эйхманом и его секцией. Мы предъявим вам официальный отчет голландского правительства об этих преследованиях, начавшихся с устранения евреев из хозяйственной жизни страны

и за которыми последовало увольнение еврейских служащих с занимаемых постов и введение нюрнбергских расовых законов; затем — запрещение передвижения и перемены местожительства; запрещение посещения театров и мест развлечения; ограничение прав труженников свободных профессий; введение особых удостоверений личности; исключение детей из школ; приказ о ношении «позорного» знака. Затем последовало—запрещение пользоваться общественным транспортом и телефоном; запрет заходить в «арийские» магазины, выходить на улицу по вечерам и посещать неевреев на дому. Даже право ездит на велосипедах, столь популярных в Голландии, было у них отнято, и евреям пришлось сдать все находящиеся в их распоряжении велосипеды.

И здесь проблема смешанных браков беспокоила оккупационные власти. В самой Германии этот вопрос был поднят военными властями, имевшими дело с десятками тысяч солдат частично еврейского происхождения, которые должны были воевать за фюрера и отечество, сознавая свою расовую «неполноценность» и зная, что в их жилах — четвертая или даже восьмая доля еврейской крови. Они возвращались с фронта в отпуск домой — к отцу или матери полуевреям, — после того как на их глазах, или даже ими лично, производилась резня евреев на Востоке, — евреев, чей единственный грех, за который их убивали, состоял в том, что они принадлежали к той же расе, что и отец или мать немецкого солдата. Сам Гитлер настаивал на осторожном обращении с этими людьми во время войны, и мы увидим позже, какие особые инструкции были даны по этому поводу.

Один из чиновников, которым было поручено антиеврейское законодательство в Голландии, составил рапорт о своих переговорах в Берлине в связи с этой проблемой. Он отметил, что Эйхман занимал на этих совещаниях крайнюю позицию, идя дальше, чем сам Гитлер, и требовал применения антиеврейского законодательства также к детям от смешанных браков.

Наконец нашлось и тут решение. Обвиняемый и его подчиненные постановили, что потомков смешанных бра-

ков следует стерилизовать во избежание способности к деторождению.

Однако в Голландии нацисты впервые столкнулись с реакцией местного нееврейского населения, возмущенного их мерзкой кампанией против евреев. После облавы на евреев в феврале 1941 года в Амстердаме вспыхнула всеобщая забастовка, распространившаяся также на Утрехт, Гильверсум и др. местности. Забастовали рабочие электростанций и газовых заводов, пассажиры были сняты с поездов. Вспыхнул бунт. Немцы спешно вызвали из Германии части СС и отряды «мертвой головы». Полицейским подкреплениям был дан приказ стрелять в толпу боевыми патронами. Вождей сопротивления арестовали. Некоторые были казнены, другие брошены в тюрьму или взяты заложниками. Еврейских детей от смешанных браков отправили в концентрационные лагеря, где их замучили на смерть. Забастовка была сокрушена беспощадными мерами, и процесс истребления шел своим чередом.

Цепф, представитель и подручный Эйхмана в Голландии, мог доложить 8 июня 1942 года, что последние из серии антиеврейских законов уже готовы и скоро будут опубликованы. Но введение «желтого знака» не прошло гладко. Тысячи неевреев начали, в знак солидарности с гонимыми соотечественниками, демонстративно носить желтую шестиконечную еврейскую звезду, — т. н. «щит Давида». «Приняты энергичные меры, чтобы положить этому конец», — рапортовал Цепф. Сначала, к его удивлению, евреи с гордостью носили желтый знак, но вскоре дал себя знать страх перед будущим, — так он писал. Тем временем, как бы попутно, было организовано сожжение синагог в нескольких городах страны.

С завершением первого этапа — регистрации и изоляции евреев от прочего населения — были предприняты следующие шаги: их концентрация в лагерях и в отдельных кварталах и грабеж имущества. Машина работала бесперебойно.

В январе 1942 года началось выселение евреев в рабочие лагеря. Сперва в лагерь Эллерком, прославивший-

ся вскоре зверскими жестокостями, которые там совершались. Потом — в другие лагеря: Бут, Вестерборк и т. д. Началось «очищение» Голландии от евреев и вывоз их в лагеря. Это относилось ко всем евреям, — мужчинам и женщинам, детям и младенцам, хронически больным в психиатрических лечебницах, обитателям учреждений для призрения престарелых и слепых, к госпитализированным тяжело больным. Немецкая «доскональность» проявила себя в своем полном размахе. В начале нацисты не знали, как обращаться с сефардскими евреями в Голландии — принадлежат ли они к обреченному народу, или нет? — Бюро Эйхмана рассеяло сомнения, разъяснив, что это они такие же евреи, как и все остальные, и поэтому должны разделить судьбу своих собратьев.

Голландия стала ареной охоты за евреями, которых то и дело ловили и вывозили в концентрационные лагеря. Евреи стали скрываться, — известна история семьи Анны Франк. В ноябре 1943 года Эйхман распорядился увеличить премию, выдававшуюся доносчикам за указание места, где скрывались евреи. Он установил месячную норму евреев, которых следовало выдавать — на депортацию и истребление.

Одновременно проводился параллельный процесс «окончательного решения»: грабеж имущества. Этим также занимались Цепф и Раякович. В мае 1941 года евреям было приказано зарегистрироваться для продажи всего их движимого имущества, а затем — зарегистрировать и депонировать в немецкой фирме все их состояние. Отчет голландского правительства приводит следующие факты: в сентябре — октябре 1941 года были закрыты все общественные учреждения еврейских общин, а их собственность депонирована в определенном банке. В мае 1942 года евреям было приказано сдать все свои деньги, золото, ценные вещи и художественные произведения.

В целях вымогательства и разграбления имущества нацисты были даже готовы позволить отдельным евреям спастись. Секция Эйхмана распорядилась, что за 100

тысяч швейцарских франков можно разрешить эмиграцию старых евреев. Желających эмигрировать было много, но только весьма незначительное количество людей могло удовлетворить требование вымогателей. В общем, не более 28 человек смогло воспользоваться этой «привилегией». Цепф сообщил, что в виде исключения он разрешил выезд 8 евреям — в обмен за передачу в собственность Рейха их промышленного предприятия, особенно ценного в экономическом отношении.

В то же время специальный отдел занимался сбором еврейской движимости, включая мебель, домашнюю утварь и произведения искусства. Мы представим Суду официальный отчет штаба Розенберга об этой операции (т. наз. «операции М»), с подробным перечислением всего награбленного. Имеются точные описи сотен ящиков с кухонной посудой, одеждой, зеркалами, занавесками, лампами, роялями и книгами, — помимо неоценимых художественных произведений. Имеется также перечень мест, куда была послана эта добыча: Берлин, Гамбург, Росток, Бонн, Линц, Киль, Ганновер, Грац, Бремен, Любек, Дюссельдорф, Штутгарт, Людвигсгафен, Кёнигсберг, Мюнхен и много других городов. Вору позаботились о том, чтобы весь немецкий народ, во всех частях Рейха, мог пользоваться этим награбленным добром. Всего было отправлено 29.426 товарных вагонов в 735 специальных поездах, нагруженных имуществом западноевропейских евреев.

А лагеря битком набивались евреями, лишенными крова, бездомными и обездоленными, — в ожидании горестной участи. Адольф Эйхман узнал, как он пишет, «из особо секретного источника», что некоторым евреям — речь шла всего о 20 несчастных людях — были посланы паспорта и визы иностранных государств. Он сразу же велел произвести тщательное расследование и сообщил, что самолично примет решение насчет их судьбы; и чтобы впредь не повторялись «подобные нежелательные явления», он приказал еще больше затруднить общение заключенных в лагерях с внешним миром. Евреям будет разрешено посылать только одну почтовую карточку в

месяц; она должна быть написана по-немецки и ограничиваться приветствием родным и сведениями личного характера; всю корреспонденцию следует пересылать в Берлин, в его ведомство, откуда она будет переправлена адресатам.



Надо было решить, что делать с имуществом иностранных подданных. Эйхман обратился к германскому мин. ин. дел с запросом относительно имущества евреев, не являющихся голландскими подданными, и также насчет имущества иностранных евреев, проживающих в Германии. Он предложил созвать совещание с участием представителей причастных к делу министерств.

На этом совещании был установлен принцип, который с тех пор применялся ко всем странам-сателлитам, а именно, что Германия «отказывается» от своего права получить от иностранных государств имущество немецких евреев, проживавших в этих странах, после их вывоза в лагеря смерти; с другой стороны, Германия решает не возвращать иностранным государствам имущество их еврейских подданных, проживавших в Германии и изгнанных оттуда. Это правило было формулировано для всех стран-сателлитов в следующих словах:

«В целях ускорения начатой операции и чтобы не подвергать опасности реализацию решения еврейской проблемы в Европе, настоящим постановляем, что переговоры с иностранными государствами по этому вопросу будут вестись на базе территориального принципа».

Иначе говоря: имущество евреев, вывозимых на смерть, останется в той стране, откуда их вывозят,— независимо от их гражданства.

Вот еще один пример того, как тесно были связаны между собой убийство и ограбление, — два аспекта одной и той же операции.

Этот «территориальный принцип» отныне станет руководящим в политике нацистской Германии. Для стран-

сателлитов он будет великим соблазном отделаться от своих евреев, в особенности иностранных, чтобы завладеть их имуществом. В нескольких странах, как мы увидим, началось с депортации бесподанных или иностранных евреев, а когда «привыкли» к тому, что можно вывозить и грабить евреев, наступила очередь и местных евреев — своих собственных граждан.



Вернемся, однако, к Голландии. После того как был улажен вопрос об имуществе, все было готово для «заключительного аккорда». Евреи были изолированы, заклеены, собраны в одно место, ограблены. Все, что можно было из них выжать, — было выжато. Теперь наступал последний этап: отправить их в лагеря на восток. Там еще выжмут из их тел последнюю каплю пота, последние силы в каторжном труде, остригут им волосы, которые тоже пригодятся для разных целей, и тела их будут отправлены в газовые камеры. После смерти у них вырвут золотые зубы изо рта, сдерут обручальные кольца с пальцев: все это имеет ценность. По окончании этой работы трупы сожгут в кремационных печах, и от людей останется груда пепла.

Порядок соблюдался отменный, и работали на славу. Процедура отправки «на восток» была разработана Эйхманом и его секцией. Мы представим документы о со вещаниях в бюро Эйхмана, протоколы заседаний, которые он вел, инструкции, которые он издавал. В официальной терминологии и даже в переписке с немецким мин. ин. дел речь шла еще о «поставке рабочих», о том, что «направляется на работу в Освенцим» из оккупированной Франции 40 тысяч евреев, из Голландии 40 тысяч и из Бельгии 10 тысяч. Эйхман подчеркивал в переписке со своим мин. ин. дел, что ему нужны только «трудоспособные» люди.

О том, что значило «отправить в Освенцим», я еще буду говорить. Но тут же следует отметить, что Эйхман обманывал свое мин. ин. дел. В инструкциях своим людям, закимавшимся отправкой, он указывал, что в каждый

транспорт из Франции, Бельгии и Голландии надо включить 10% нетрудоспособных евреев. Дело ясно: трудоспособные еще отдадут последние силы в рабском труде, а нетрудоспособные будут сразу уничтожены.

В середине 1942 года начались депортации из Голландии. Когда накопился шестинедельный опыт, Эйхман пригласил своих представителей на совещание в Берлин, и каждый из участников рапортовал о своей деятельности. Эйхман требовал закончить депортацию до конца года и крайним сроком наметил июль 1943 года. Он потребовал напряжения всех сил в ближайшие месяцы и предупредил, что в декабре и январе управление железных дорог не сможет обеспечить транспорт, — но все же обещал наладить хотя бы один эшелон в сутки.

Депортации продолжались. В конце апреля 1943 года Цепф доложил Эйхману, что он еще не успел закончить работу и пока что выслал всего 63.800 евреев, а осталось еще 71.700. Решено было интенсивнее взяться за дело, и Эйхман назначил последним сроком конец 1943 года. Он потребовал довести число депортируемых до 8000 в мае и до 15 000 в июне. Были даны также подробные инструкции о принудительной стерилизации детей от смешанных браков. Эйхман решил усилить поощрение доносов голландцев на прячущихся евреев и обещал, что тот, кто донесет о большом количестве укрывающихся евреев, будет освобожден от повторного интернирования в лагерях для военнопленных — кары, наложенной на часть голландского населения в связи с ростом активности подполья.

Чтобы избежать осложнений со стороны Швеции, протектора Голландии, было решено, что у голландских евреев, как и у немецких, особым законом будет отобрано их гражданство в момент перехода ими границы на трагическом пути в лагеря смерти.

Цепфу было приказано точно придерживаться правил депортации. И действительно, вторая половина 1943 года отличалась интенсивной деятельностью. Поезда шли на восток, переполненные живым грузом.

Под конец в Голландии остались только отдельные груп-

пы евреев, как-то рабочих-специалистов по шлифованию брильянтов, которые были нужны Германии. Их оставили впредь до особого распоряжения самого Гиммлера. Осталось несколько евреев, занимавшихся сбором металла для нужд немецкой военной промышленности, и небольшое число служивших в немецкой армии во время первой мировой войны, всего 870 человек. Но они также были арестованы и отправлены в Терезиенштадт.

Больше тысячи евреев было еще занято в лагере Вут на немецких военных заводах. В конце концов их тоже депортировали. На улицах продолжалась охота за скрывавшимися. Около 110 тысяч евреев было выслано из Голландии в лагеря смерти в Польше; незначительное число было отправлено в другие места, и из всех них осталось в живых 5000 человек.

Вот вкратце повествование об истреблении в одной из стран, где действовал Эйхман. Эта же история повторится во всех других странах с небольшими изменениями, в зависимости от местных условий: вариации на одну и ту же тему — свирепости, убийства и уничтожение.

Норвегия

Начнем с Севера.

В Норвегии проживала горсточка евреев — 1750 человек. Половина их бежала в Швецию, остальная половина была вывезена в Польшу — на уничтожение. Норвежская подпольная организация Сопротивления сделала все возможное, чтобы провезти евреев украдкой через границу. Норвежцы восстали против кампании истребления и за это подверглись кровавому террору. Но и там, в конце концов, евреи были лишены прав и ограблены; на их удостоверениях личности была поставлена печать — «е в р е й». Пришли облавы, аресты и, в заключение, летом 1942 года — депортация.

Еврейские дела находились в ведении коменданта Полиции безопасности (Б.Д.С.), о которой Эйхман сказал: «Это — мое учреждение». Он предпринял все что мог, чтобы сделать тщетными усилия шведского правительства спасти норвежских евреев. Его бюро обратилось к гер-

манскому мин. ин. дел: «Шведское правительство применяет в отношении этих евреев довольно прозрачный трюк с натурализацией... с этим нельзя согласиться». В другом документе Эйхман жаловался, что «шведское правительство пытается сорвать меры, принимаемые нами против евреев».

Из 800 депортированных норвежских евреев осталось в живых 21.

Дания

В Дании, когда она попала в руки немцев, жило 6500 евреев. Здесь, ввиду особых обстоятельств, немцы первое время не вмешивались в датскую администрацию. В Дании они хотели создать «образцовый протекторат». Король Христиан продолжал, формально, значиться главой государства. Датское правительство продолжало выполнять свои функции. Поэтому там не были введены антиеврейские законы, и не было «желтого знака». Король лично вступился за датских евреев.

Сами немцы колебались, и мин. ин. дел сомневалось в целесообразности попытки навязать Дании истребление евреев. Но не такой человек был Эйхман, чтобы пойти на какие-либо уступки, когда дело касалось евреев. Еще в апреле 1943 года он заявил фон Таддену в мин. ин. дел: «Скоро вас заставят изменить вашу позицию». И в самом деле — он добился своего. Удобный случай представился, когда в Дании вспыхнули забастовки и усилилась активность антинемецкого подполья. Оккупационные власти ввели осадное положение, и в сентябре 1943 года появился в Копенгагене «ангел смерти» СС, старший офицер Полиции безопасности (Б.Д.С.). Тотчас же стали готовить облаву на евреев.

Мы представим Суду официальный отчет датского правительства о деятельности коменданта Полиции безопасности д-ра Мильднера. Эйхман послал в Данию для вящей надежности еще и своего заместителя Вольфа Гюнтера с группой сотрудников секции. Германская оккупационная армия, исходя из своих собственных соображений, была в нерешительности, принимать ли ей участие

в охоте за евреями. Тогда мин. ин. дел обратилось к Эйхману, как к высшему авторитету в еврейских делах, с просьбой убедить военное командование.

Облава на евреев была наконец проведена в первые два дня октября 1943 года. Солдатня врывалась в еврейские дома, останавливала людей на улицах и уводила их с собой. Но тут обнаружилось нечто ошеломившее убийц: почти все еврейские дома оказались пустыми, так как датчане, узнав своевременно о губительном замысле, организовали тайно, рискуя жизнью и с величайшей отвагой, прямо под носом оккупационных властей, замечательную спасательную операцию, ставшую известной как «маленький Дюнкерк». В гаванях были втайне собраны рыбацьи суда, экскурсионные пароходы и все, что более или менее было пригодно для морского судоходства. Бойскауты, студенты и другие добровольцы сопровождали евреев к берегу, погружали их на суда и отвозили в Швецию. Таким образом было спасено около 6000 датских евреев, и только несколько сот попали в руки соучастников Эйхмана.

Ярость Эйхмана не знала границ, когда выяснилось, что эти немногие намеченные им жертвы ускользнули из его рук. Он подал жалобу на оккупационные власти и вскоре после этого сам поехал в Копенгаген, чтобы установить обстоятельства и причину неудачи. Но уже было поздно. Благодаря мужеству и благородству датского народа большинство евреев Дании было спасено.

Бельгия

В Бельгии картина была совсем иная. Здесь мы встретим испытанный метод: антиеврейские законы, начиная с конца 1940 года; принудительная регистрация; введение «желтого знака»; запрещение выходить из дому после определенного часа; концентрация евреев в Антверпене, Брюсселе, Льеже и Шарлеруа; заключение в лагере Брендонк. В этом лагере евреев заставляли каждый раз, когда одного из них казнили, дефилировать перед трупом и петь лагерный гимн — "Wir werden nie Breen-donck vergessen, das Paradies der Juden".

(Мы никогда не забудем Брендонк, еврейский рай.)

В официальном отчете бельгийского правительства этот этап истребления называется "la phase préparatoire" — «подготовительная фаза». Потом наступила, говоря языком отчета, "la phase d'extermination" — «фаза истребления». Здесь мы снова видим: грабеж имущества и депортация — сначала в сборные лагеря, а оттуда на восток. Вот отрывок из официального отчета о вывозе в бельгийский лагерь Малин:

«Когда они прибыли в Малин и были отворены дверцы, представилось страшное зрелище. Из каждого злосчастного грузовика вырывались густые клубы дыма с отвратительным запахом. И из дверей, открывшихся под давлением изнутри, высыпалась — как рыба, которую выгружают из рыбацкой лодки, опустив одну из стенок — жуткая масса распухших багровых и синеватых тел, с глазами, выступившими из орбит, и одеждой, пропитанной потом и испражнениями. Девять трупов было снято с грузовых машин; восемьдесят полумертвых человек были посланы в лазарет».

Массовые аресты начались в июле 1942 года. В августе стали вывозить в Освенцим.

Рядом документов, которые мы представим Суду, мы докажем прямую ответственность Эйхмана за истребление десятков тысяч бельгийских евреев. Только часть их могла уцелеть благодаря помощи подпольной организации, которая раз атаковала транспорт с высылаемыми, а в других случаях способствовала бегству осужденных на смерть, — а также благодаря содействию христианского населения, укрывавшего некоторое число евреев. Часть их бежала в другие страны и могла, таким образом, спастись.

Эйхман послал в Бельгию своего помощника Бургера, который, согласно его инструкциям, занялся прежде всего депортацией бесподанных евреев; потом депортация распространилась и на бельгийских граждан. И снова мы

видим Эйхмана в его роли зачинателя, планировщика и неутомимого, преодолевающего все преграды руководителя истребления.

Франция

Также и в оккупированной Франции мы найдем его секцию IVB4, работающую по известному «рецепту». Здесь действовали и сам Эйхман, и его помощники, стоявшие во главе Еврейского отдела при комендатуре Полиции безопасности, — вначале Даннекер, потом Ретке, а под конец Алоиз Бруннер. Французы Пьер Лаваль и Дарнан сотрудничали с ними.

Во Франции — тот же страдный путь: лишение человеческих прав в ряде законов от 27 сентября 1940 года; затем принудительная регистрация и взятие на учет еврейских предприятий; запрещение выхода на улицу в ночные часы; ношение «еврейского знака» на одежде...

Одновременно шла экспроприация имущества, и начались охота за евреями и их заключение в лагеря. В самом Париже были устроены многочисленные облавы. Евреи были сконцентрированы в сборных лагерях, как Дранси, Компьень, Питивье, Бон-ла-Роланд и др. Оттуда их посылали дальше — на восток, на гибель.

Администрация Виши выдала евреев на произвол немцев: сначала бесподанных, потом граждан чужих государств и, наконец, — несмотря на сопротивление маршала Петэна, — французских граждан. Также и здесь мы встретим участников французского движения Сопротивления, «маки», старающихся придти на помощь, — облегчить побег, укрыть, спасти. Но немецкая «эффективность» взяла верх. Эйхман лично занимался депортациями из Франции, и его представители ходили к Лавалю торговаться о вывозе евреев. Его подручники силой забирали детей из еврейских семей, у матерей, которые цеплялись за своих малюток и умоляли палачей позволить им остаться с ними.

Вы услышите описание этих ужасных сцен из уст свидетелей. Под конец, когда осталось еще 4000 детей в возрасте от 2 до 14 лет, Даннекер изложил 21 июня

1942 года суть предписаний Эйхмана относительно этих детей в следующих словах:

«Он (Эйхман) решил, что как только возобновятся транспорты в Генерал-губернаторство, можно будет посылать туда и детей».

И действительно, уже 14 августа 1942 года Ретке рапортовал обвиняемому и поставил в известность коменданта лагеря в Освенциме, что депортация детей началась. Вот рассказ о том, как эти дети прибывали в Дранси:

«Дети прибывали в Дранси в переполненных автобусах под охраной полиции. Их выгружали во двор, окруженный проволочными ограждениями, где французские жандармы несли охрану. Полицейские и жандармы, люди твердые и не сентиментальные, не могли скрыть своих чувств и своего отвращения к возложенному на них заданию. Как только прибывали автобусы, с них начинали снимать детей и группами отводить в помещения. Старшие дети вели младших за руку или несли их на руках. Они не плакали, эти дети, они шли запуганные, послушные, жалкие, и подчинялись, как овечки, каждому указанию, помогая друг другу...»

А вот описание самой депортации:

«В день депортации их будили в 5 часов утра. Нервные, полусонные, они по большей части не хотели вставать и выходить во двор. Женщинам, которые добровольно взяли на себя уход за ними, надо было долго и ласково — и так трагично! — уговаривать их, убеждать старших, что надо исполнить приказ и выйти из помещения. Бывало, что слова не помогали; дети плакали и отказывались сойти со своих тюфяков. Тогда входили в помещение жандармы и хватали детей, кричащих в страхе, отбивавшихся и цеплявшихся друг за дружку. Казалось, что это дом умалишенных; зрелище становилось невыносимым даже для самых жестокосердных людей.»

Во дворе детей вызывали по имени, одного за другим, и отмечали по списку. Потом их сажали в автобусы. Когда автобус заполнялся, он выезжал из лагеря со своим грузом. Так как нельзя было установить имен многих детей, а другие не откликались на свои настоящие или вымышленные имена, то их просто присоединяли к партии, чтобы дополнить число: в каждой партии было по 500 детей и по 500 взрослых из заключенных лагеря. В течение трех недель, во второй половине августа и в начале сентября, выехали таким образом, (вперемешку со взрослыми) 4000 детей, которых уже раньше превратили в сирот.

Гаунштурмфюрер Ретке присутствовал при отправке транспортов, лично посещал детские помещения, был на переключках и наблюдал за погрузкой в автобусы».

По мнению Эйхмана, Франция отставала в проведении депортаций, и по этому поводу велась обширная переписка. В апреле 1944 года секция IVB4 отдала распоряжение арестовать всех евреев, независимо от их гражданства. Эйхман приказал выплачивать вознаграждение доносчикам за указание мест, где прятались евреи, — из денег, конфискованных у этих же евреев.

Италия

Южная часть Франции попала в руки итальянцев. Муссолини был готов сотрудничать с немцами в деле истребления, но часть его администрации не была увлечена этой идеей и саботировала планы немцев. Что касается разрешения еврейского вопроса в самой Италии, то немцы решили поручить лично Гимmlеру вести на этот счет переговоры с «дуче». По поводу стран, находившихся под контролем Италии, поступили горькие жалобы со стороны Эйхмана и его сообщников на итальянские власти, «саботировавшие» мероприятия в Южной Франции, Греции и Югославии. Резюме этих жалоб мы находим, между прочим, в письме, составлен-

ном Эйхманом 25 февраля 1943 года, адресованном в мин. ин. дел. и подписанном шефом гестапо Мюллером. В этом письме содержится жалоба — с ссылкой на Эйхмана — на поведение итальянских властей, постоянно принимающих сторону евреев. Это-де обстоятельство в высшей степени затрудняет реализацию «окончательного решения» вопроса и, частично, даже содействует его срыву, так как, по словам Мюллера, другие государства ссылаются на такое отношение одной из держав Оси в оправдание своих собственных колебаний предпринять меры против евреев. На правительство Италии было оказано сильное давление министром иностранных дел Риббентропом. Все эти шаги были предприняты Эйхманом, который не мог примириться с тем, что несколько десятков тысяч евреев ускользнет из сети, опутавшей всю Европу. Итальянцы прибегали, главным образом, к тактике оттягивания; им удалось спасти тысячи евреев от верной смерти.

После эвакуации итальянцами Монако Эйхман утверждал, что на территории княжества находится 15 тысяч евреев, и требовал их включения в рамки общей «акции». Германское консульство в Монако сообщило, что там лишь 1000 евреев. Но Эйхман настаивал на своем и уверял, что он убежден, лично побывав в Монако, в точности своих сведений. В конце концов ему пришлось признать, что там не более 1000-1500 евреев, и его отдел потребовал принять соответствующие меры. «Меры», как видно, были проведены с успехом, потому что в июле 1944 года немецкий консул в Монако мог сообщить, что там осталось не более 40-50 евреев.

В части Италии, захваченной немцами после падения Муссолини и капитуляции Бадوليو, действовали пособники Эйхмана Босгаммер и Даннекер. 16 октября 1943 года в Риме была проведена большая облава на евреев, и волна арестов распространилась оттуда на север Италии. Облавы не имели большого успеха благодаря итальянцам, помогавшим евреям и укрывавшим их, рискуя собственной жизнью. Также и католическое духовенство спасало евреев и укрывало их в монастырях. Как я уже

упомянул, сам папа римский вступился за арестованных евреев.

Это отношение итальянцев все больше и больше злило немцев. После того как фашистская республика была восстановлена на севере Италии, Муссолини продолжал сохранять свое посольство в Берлине. Это посольство запросило германское мин. ин. дел. о судьбе еврея Бернардо Тауберта, итальянского подданного, проживавшего во Львове. На этот запрос Гюнтер, заместитель Эйхмана, дал следующий ответ:

«Мы воздерживаемся от исполнения просьбы итальянского посольства относительно наведения справок о местонахождении вышеупомянутого еврея. Было бы желательно рекомендовать итальянскому посольству воздержаться в будущем от подобных излишних запросов, тем самым облегчая сосредоточение сил, необходимых для нашей интенсивной и всеобъемлющей операции. На пятом году войны немецкие власти имеют другие, более важные, задания, чем расследование судьбы какого-то еврея. Следует сожалеть, что посольство Итальянской Фашистской Республики продолжает по-прежнему наводить справки о евреях».

Такую же неутомимую деятельность и старание пресечь малейшую возможность спасения мы встретим и в других странах. В Люксембурге оперировали отряды особого назначения; они позаботились об антиеврейских законах, грабеже имущества, желтом знаке, концентрации в Фюнфбруннене и о депортации евреев.

Югославия

Также и в Югославии, в разных ее частях, деятельность Эйхмана и его соратников развивалась по уже известному нам образцу.

Здесь мы найдем дополнительные явления: сожжение синагог и наложение непосильных коллективных штрафов. Сербские и кроатские евреи были сконцентрированы в лагерях, в том числе в Ясеноваце, где было казнено

20 тысяч человек. В лагерях Стара Градиска и Дьяково содержались женщины и дети; часть их вымерла от эпидемий, а остальные были непосредственно истреблены. Евреи из Германии, Чехии и Австрии, направившие путь в Палестину, были схвачены в Югославии на Дунае. Немцы переправили их — 1107 человек — в лагерь Сабац — и перебили их там. Большинство сербских евреев было уничтожено в самой стране, по личному внушению Эйхмана, которое я уже упомянул: «Эйхман предлагает их расстрелять».

Оставшиеся в живых были спасены благодаря действиям партизан, в которых приняли участие и евреи.

В Хорватии ставленником Эйхмана был Абромейт. Хорватские евреи были депортированы в лагерь смерти между мартом и июлем 1943 года — после того, как их изолировали и антиеврейские законы были введены хорватским правительством и его министром внутренних дел Артуковичем. Год спустя, в апреле, секция IVB4 жаловалась, что операция все еще не закончена, и мин. ин. дел оправдывалось наличием большого числа смешанных браков.

В Словении — части Югославии — у Адольфа Эйхмана было еще одно задание: выселение нееврейского словенского населения в Сербию и Хорватию, чтобы очистить территорию и «разрешить национальный вопрос согласно решению фюрера». Мы предоставим Суду инструкцию по выселению и тридцать отчетов об этой операции, жертвой которой стали 14 тысяч словенцев, выселенных из своих домов, прогнанных злодейской рукой с земли их отцов и вывезенных в Сербию и Хорватию. И здесь исполнение приказа было поручено «специалисту по части выселений» Адольфу Эйхману. План был рассчитан на четверть миллиона человек.

Словакия

Истребление в Словакии, которая была объявлена самостоятельной политической единицей, осуществлялось по обычному образцу. Здесь также соблюдался «территориальный принцип» при грабеже имущества. Депор-

тируемых заставляли подписать заявление о добровольном отказе от своей собственности, оцениваемой на общую сумму в 7 миллиардов крон.

Представителем Эйхмана в этом секторе был Дитер Вислицени, и Эйхман лично также приезжал улаживать дела. Они нашли себе союзников в Словакии в лице премьер-мин. Туки и мин. внутр. дел Маха, которые были среди лидеров стран-сателлитов одними из первых сообщников в деле депортации евреев. Когда 55 тысяч евреев было уже вывезено из Словакии, была предпринята попытка выкупить жизнь оставшихся за наличные. Около 20 тыс. долларов было вручено Вислицени, по его собственным словам (а по другим источникам — 40-50 тыс.). Словацкие чиновники тоже получили деньги. Было оказано давление через церковные круги, и в результате этого словацкое правительство заколебалось — продолжать ли депортацию? Людин, немецкий посол, сообщил, что благодаря давлению церковных кругов и продажности словацкого чиновничества 35 тысячам евреев, оставшимся в Словакии, выдали документы, освобождающие их от депортации. Тем временем Вислицени успел выселить еще 3000 евреев.

Эйхман немедленно перешел в наступление. Он заказал у местного немецкого журналиста Фиала репортаж, который появился в словацкой прессе; этот писака рассказывал в нем о своем посещении рабочих лагерей на востоке, где он «своими глазами» видел, как хорошо живется евреям. Было оказано давление также со стороны немецкого мин. ин. дел, и под конец в Братиславу снова прибыл Вислицени, а за ним Алоиз Бруннер из штаба Эйхмана. В сентябре 1944 г. начались облавы, и снова было выселено 12 тысяч человек. Тысячи других были перебиты на месте, в самой Словакии.

Эйхман решил попытаться выжать из словацких евреев еще больше денег. Он потребовал от словацкого правительства уплаты 500 марок за каждого изгонявшегося еврея: стоимость «перевоза» в рабочий лагерь. И здесь мы увидим руку Эйхмана во всем. По важным делам он сам обращается к премьер-министру Туке или к министру внутренних дел Маху. По его адресу прихо-

дят обычные повторяющиеся просьбы мин. ин. дел — разрешить делегатам правительства Словакии посещение разных лагерей, куда якобы были сосланы евреи. Он отказывается так резко, что мин. ин. дел обращает его внимание на то, что такого рода ответ подвергает опасности возможность дальнейших депортаций евреев из Словакии. Мин. ин. дел объяснило, что словацкий министр Мах, «несмотря на всю свою благожелательность, не сможет в этих условиях побороть сопротивление других членов правительства дальнейшей отправке евреев на восток». Эйхман отпарировал, что посещение польских лагерей словацкими представителями просто неосуществимо. Но он просил успокоить словацких политиков и объяснить им, что их опасения за судьбу евреев лишены обоснования. — Это он писал 7 февраля 1944 г., когда депортированных в 1942 г. из Словакии давно уже не было в живых.

Душой словацкого Комитета спасения была Гизи Флейшман, видная общественная деятельница, благородная женщина, сотни раз рисковавшая своей жизнью ради спасения других. По особому распоряжению Алоиза Бруннера, кровожадного соучастника Эйхмана, она также была выслана в Освенцим. Кастнер просил в Будапеште Бехера вступить за нее, и по настоянию Бехера Эйхман телеграфировал Бруннеру не высылать ее, но тотчас же вслед за этим он послал вторую телеграмму, отменившую первую. Так решилась судьба этой великодушной еврейской женщины.

Раввин Вейсмандель, один из замечательных лидеров словацкого еврейства, был также послан на смерть, но бежал по пути в Освенцим.

Румыния

В Румынии распоряжался от имени Эйхмана гауптштурмфюрер Рихтер. В результате его подстрекательства и нажима там были приняты антиеврейские законы, и началась экспроприация еврейского имущества. Германия отказалась от права на собственность евреев, немецких подданных, в Румынии, и Румыния наследовала достояние проживавших на ее территории немецких евреев.

Уже в 1941 году румыны начали выселять евреев в пределы Генерал-губернаторства по ту сторону Буга. Но немцы тогда еще не были готовы их «абсорбировать». 28 тысяч евреев, отправленных в Генерал-губернаторство, были истреблены согласно высказанной обвиняемым угрозе, которую мы найдем в одном из его официальных писем. Но в отношении остальных обе стороны пришли к соглашению, что они будут содержаться в концентрационных лагерях в Румынии до тех пор, пока станет возможным отправить их на восток. Я не сомневаюсь, что Эйхман впоследствии глубоко сожалел об этом договоре: когда он, наконец, организовал прием румынских евреев в лагеря смерти, — этим евреям удалось тем временем повлиять на правительство и добиться прекращения депортации.

Депортация должна была начаться 10 сентября 1942 года. В бюро Эйхмана все планы были готовы: Немецкое управление железных дорог, со своей стороны, закончило все необходимые приготовления. Обвиняемый снесся непосредственно с румынским правительством и вынудил от заместителя премьер-министра согласие на огульную депортацию. 26 июля 1942 года Эйхман рапортовал Гимmlеру, что румынских евреев отправят в Люблин. Трудоспособных поставят на работу, а нетрудоспособных, как он писал, подвергнут «специальной обработке». В тот же день обвиняемый сообщил мин. ин. дел, что — только трудоспособные будут вывезены из Румынии. Когда выяснилось, что Эйхман вводит в заблуждение даже свои собственные, немецкие, власти и обходит немецкое посольство в Бухаресте, стремясь к уничтожению румынского еврейства, германский посол фон Киллингер доложил:

«...Я должен отметить, что все наши письма оберштурмбаннфюреру СС Эйхману прошли через Мин. ин. дел, так что оно знает, что происходит. Меня, разумеется, несколько не удивляет, что господин Эйхман не счел нужным наладить контакт с мин. ин. дел: способы действия господ из СС мне достаточно известны».

Но тем временем румыны одумались. Рихтер пытался воздействовать всеми возможными путями: он заручился поддержкой со стороны комиссара по еврейским делам Лекка, оплачивал поджигательные статьи в печати о «рабах евреев в Бухаресте», нажимал на власти и угрожал, — но безуспешно. Румыны сконцентрировали своих евреев в лагерях Трансдniestрии, где были убиты и погибли десятки тысяч. Тем временем началось контрнаступление советской армии, и давление со стороны немцев уже не оказывало такого действия, как прежде. Все же румынское еврейство потеряло десятки тысяч своих сыновей. Мы покажем, как упорны были старания обвиняемого довести румынское еврейство до окончательной гибели и расстроить попытки спасти хотя бы часть его посредством эмиграции в Палестину. Эйхман подозревал французского торгового атташе в Бухаресте в том, что он помогает евреям, — и пожаловался на него министерству ин. дел. Его рассердил некролог, посвященный в румынской газете памяти скончавшегося журналиста-еврея, и представитель Эйхмана Рихтер писал румынам, что появление похвального слова о еврее в 1942 году «свидетельствует об отсутствии надлежащего понимания современной действительности».

Сын д-ра Фильдермана, одного из лидеров румынского еврейства, находился во Франции и поддерживал контакт с отцом и людьми, помогавшими евреям бежать в другие страны. Фильдерман-сын был арестован людьми Эйхмана и привезен в Берлин на допрос. Румынское правительство вмешалось и просило освободить его. Секция Эйхмана ответила по поводу этого обращения, что она не намерена сообщить, где он находится, и предложила провести румын, заявив, что он якобы уже освобожден и находится во Франции.

Болгария

В Болгарии аппарат действовал по готовому шаблону: введение антиеврейских законов болгарским союзником, грабеж имущества, желтый знак и т. п. Здесь Эйхмана замещал Даннекер, уже приобретший опыт по истребле-

нию евреев во Франции. В разных слоях болгарской общности антиеврейская кампания вызвала сопротивление, в том числе и самого царя Бориса. Поэтому можно считать немалым успехом Даннекера то, что ему удалось склонить болгарского комиссара по еврейским делам Александра Белева подписать с ним договор об отправке 20 тысяч евреев в оккупированные Германией области на востоке. Этот договор — болгарский «вклад» в еврейский мартиролог. По договоренности должны были быть подвергнуты депортации 20 тысяч евреев, без различия пола и возраста; транспорт должен был быть предоставлен германскими властями — за счет Болгарии. Были установлены даты и места, откуда будет производится депортация, число эшелонов и депортируемых в каждом из них. Болгарское правительство обязалось не требовать возвращения вывозимых евреев.

В договоре первоначально значилось, что он распространяется только на области Фракии и Македонии, — прирезанные Болгарией к своим владениям части Греции и Югославии. Но, как вы сами убедитесь на основании самого документа, строка с этим предложением была вычеркнута, хотя прежний текст все еще совсем ясно виден. Значение подчистки выяснится из рапорта Даннекера Эйхману. Болгария не хотела выдать своих евреев. Легче было получить у болгар «чужих», из недавно аннексированных областей. Поэтому в первоначальной редакции было сказано, что депортация, согласно официальному решению, каснется только новоприсоединенных территорий. Однако, как доложил Даннекер, обе стороны знали, что в этих областях не найдется двадцати тысяч евреев и что не хватит около шести тысяч для заполнения квоты. Вот эти-то недостающие шесть тысяч комиссар Белев обещал доставить из коренного еврейского населения Болгарии. Половина, по крайней мере, придет из Софии, — писал Даннекер, — «причем будут взяты влиятельные евреи, т. е. такие, материальное положение которых хорошо или имеющие связи с официальными болгарскими кругами».

На вопрос Белева, можно ли ему готовить дальнейшие транспорты, Даннекер ответил утвердительно. Была

предпринята попытка выселить евреев из т. наз. «Старой Болгарии», но в последнюю минуту она была предотвращена вмешательством из Софии. Депортации подверглись поэтому, согласно официальному отчету, только 11.343 еврей, которые и были высланы на истребление в Польшу.

После того как евреев Фракии и Македонии выдали на истребление, были приложены старания, чтобы спасти остальных от депортации. Евреев перевели в десятки лагерей принудительного труда, но болгарские власти воспротивились их высылке в Германию. Конечно — с точки зрения гестапо сам факт территориальной концентрации являлся обычным этапом, предшествующим окончательной ликвидации. Поэтому в официальном рапорте отмечено: «После того как нам удалось устранить евреев из Софии, мы, наверное, судя по положению, наткнемся на новые трудности, пока нам удастся отправить их на восток, но пока что — разрешение еврейского вопроса решительно продвинулось вперед в направлении их депортации на восток. Дело тронулось, и мы не намереваемся повернуть вспять». Однако болгары все-таки отказались выслать других евреев. Тогда Эйхман заявил, что концентрация евреев в рабочих лагерях — «маневр, чтобы не дать их вывезти на восток, как это желательно Германии». Несмотря на оказанное давление, евреи остались в лагерях принудительного труда, где условия, правда, были весьма тяжелы и суровы; многие не выдержали напряжения, — но немцам они не были выданы. Тем временем наступил перелом на военном фронте, и Болгария старалась выпутаться из связи с государствами Оси. Оставшиеся в живых евреи были спасены.

Греция

Еврейство оккупированной Греции также не минула горькая чаша, особенно в Салониках, где жило большинство греческих евреев. Бесчинства, аресты, разорение и грабеж сопровождали приход немецкого оккупанта, наряду с антиеврейскими законами, желтым знаком и учреждением гетто. Здесь Эйхман действовал через своих помощников: Вислицени, Алоиза Бруннера и Бургера, работавших ру-

ка об руку с военным губернатором д-ром Мертеном. Результатом их деятельности здесь, как и в других местах, были: охота за людьми для принудительных работ и союзник, которого они ввели в еврейские кварталы — сыпной тиф.

Наконец, в марте 1943 года, началась высылка на смерть в товарных и скотских вагонах. В короткий срок, в быстром, энергичном темпе, вывезли 54 тысячи салоницких евреев. Эйхман дал ясное и точное распоряжение вывозить также больных и тифозных. Суд услышит описание того, как они шли на смерть, транспорт за транспортом, и как была разгромлена одна из самых благоустроенных еврейских общин в мире. В начале июня 1943 года из Салоник был отправлен «транспорт интеллигенции», и в августе того же года вся операция была закончена. После этого Эйхман еще занялся евреями — иностранными подданными в Салониках и позаботился, чтобы они не избежали общей участи.

Он хотел также наложить руку и на ту горсть евреев, которая находилась в зоне итальянской оккупации, главным образом — в Афинах. Но итальянцы не пошли ему навстречу. Вислицени в погоне за евреями приехал в Афины, и ему удалось арестовать семью Сауль, глава которой был юрисконсультom итальянского посольства в Греции. Итальянцы пригрозили арестовать Вислицени в своей зоне. Вне себя от ярости, Эйхман угрожал, что он донесет Гимmlеру о намерении итальянцев арестовать германского полицейского офицера при исполнении им служебных обязанностей. Кончилось тем, что немецкое мин. ин. дел оправдало перед итальянцами приезд Вислицени «особыми обстоятельствами, не связанными с полицейскими заданиями». Эйхман, конечно, получил отчет об этом объяснении, но продолжал возмущаться отсутствием готовности итальянцев к сотрудничеству и писал: «Мы будем удовлетворены лишь тогда, когда итальянцы в своей зоне примут те же меры, что и мы в нашей зоне оккупации, а именно — депортируют евреев на восток».

Катастрофа постигла и другие общины в Греции: евреев на острове Родос, которых частью вывезли в Ос-

венцим, частью утопили в море, евреев Корфу, Фессалии, Эпира, Пелопоннеса и Греческого Архипелага.

Нацистская мистификация: Терезиенштадт

А теперь обратимся к тем областям, которые немцы рассматривали как часть своего «Великого Рейха». В чешском Протекторате «работа» проводилась обычным порядком: антиеврейские законы, ограбление, заключение в гетто. Но тут мы встретим еще одно своеобразное изобретение нацизма: Терезиенштадт.

На заседании командиров СС 10 октября 1941 года — с участием Эйхмана и Гейдриха — обсуждалось решение еврейского вопроса в Протекторате. Говорили об известных облегчениях, которые придется сделать, считаясь со странным умонастроением чехов, столь отличным от отношения к евреям в польском Генерал-губернаторстве.

Эйхман предложил — и это внесено в протокол — выслать 5000 пражских евреев «в лагеря для военнопленных — коммунистов под командой Небе и Раша». Эти двое были тогда начальниками отрядов специального назначения, которым поручалось прямое убийство евреев, и смысл предложения Эйхмана был ясен: перебить 5000 пражских евреев немедленно. Он настоял на своем, и мы уже слышали о судьбе этих евреев в гетто Риги и Минска, где их ждала неминуемая жестокая смерть.

Значительная часть оставшихся евреев была переведена в гетто-лагерь Терезиенштадт, организованное Эйхманом и непосредственно ему подчиненное. В этом лагере были собраны десятки тысяч евреев; он должен был служить нескольким целям: во-первых, как средство успокоения самих евреев, поскольку обитателям этого лагеря преступный режим даровал будто бы жизнь; другими словами: евреям, желавшим утешить себя, разрешалось считать, что здесь их пощадят. Во-вторых, это был своего рода «показной» лагерь, витрина для тех, кто думал, что нацисты способны только убивать евреев. Туда можно было пригласить делегатов Красного Креста и журналистов, правителей государств, откуда вывезли евреев и которые опасались за их судьбу, — и показать

им, как евреи живут вместе, и даже имеют самоуправление, заняты трудом, а главное — живы.

Но все это было лишь частью системы обмана и камуфляжа, ибо с самого начала лагерь был предназначен для отвода глаз. Во внутреннем, не подлежащем опубликованию, постановлении об его основании было сказано: «Лагерь Терезиенштадт будет подведомствен Центру еврейской эмиграции. После депортации евреев из этого временного сборного пункта (в котором, во всяком случае, число их резко уменьшится) их можно будет всех отправить на восток и превратить это место в образцовое немецкое поселение».

Тут же на месте было постановлено, что в гетто Терезиенштадт не будет кладбища, а только крематорий для сжигания трупов. Было также сказано, что если там не хватит места для жилья евреям, — они должны будут сами выкопать себе землянки и ямы.

И это стало частью официальной политики в плане истребления. С одной стороны — истребление миллионов, а с другой — Терезиенштадт, для вида — с еврейским самоуправлением. Разумеется, правление гетто целиком зависело от произвола банды Эйхмана. На головы евреев в Терезиенштадте все время падали удары: то смертная казнь за нарушение правил о переписке, то запрет женщинам рожать и принудительные аборт, то запрет курения и т. д. Детей в гетто поселили отдельно и разрешали видеться с родителями раз в неделю. Нарушение приказов администрации гетто каралось телесным наказанием.

Из очередных приказов администрации гетто видно, в каком состоянии страха Эйхман держал свои жертвы. Но для того, чтобы выслать их оттуда в Освенцим или дальше на восток, на смерть, требовалось согласие самого Гимmlера. Надо ли добавить, что получить это согласие было нетрудно?

Смертность в Терезиенштадте была ужасающей из-за условий, в каких содержались люди. Когс не убивал лагерь — приканчивал Освенцим. В сущности, это был

еще один сборный пересыльный пункт на пути к уничтожению евреев Протектората, а также десятков тысяч иностранных евреев: немецких, австрийских и других.

Дети Лидице

К преступлениям Эйхмана в Протекторате надо причислить и убийство христианских детей деревни Лидице. Немцы отомстили за покушение на жизнь Гейдриха тем, что снесли с лица земли эту чешскую деревню. Около ста несчастных детей, после расстрела родителей, были отправлены в гетто Лодзь (Лицманштадт), где они разделили судьбу евреев. Крумей, один из помощников Эйхмана, затребовал у него инструкций относительно «специальной обработки» этих детей. Ибо убийство невинных — всегда и всюду дело Эйхмана.

Австрия

В Австрии мы увидим все то, что нам уже известно о других странах. Сперва — нажим и принуждение эмигрировать. Даже останки Теодора Герцля Эйхман согласился разрешить вывезти из Вены при условии, чтобы не менее 8000 евреев вместе с ними покинули страну. Позже, с переменой курса, возникли знакомые явления: антиеврейские законы, ограбление и депортации в зону смерти, т. е. в зону действия отрядов специального назначения и в Польшу. Еврейская собственность после конфискации была передана немцам, а евреям было сказано, что, так как им не удалось добровольно эмигрировать из Германии, то придется немцам начать их эвакуировать в Польшу «на работу». Общинам было приказано доставить списки подлежащих депортации. Несколько позже говорилось уже просто о «перемещении» в Генерал-губернаторство.

Транспорты венских евреев шли на смерть через Терезиенштадт, Лодзь, Минск, Ригу и др. города. Из иных мест посылали прямо в лагерь смерти. Все эти «операции» осуществлялись Эйхманом и под его непосредственным надзором. Все, касавшееся евреев в Австрии, решалось по его усмотрению.

Рейх

В самой Германии депортации в Польшу начались уже в начале 1940 года. Евреи из Штеттина и Шнейдемяля были вывезены, «чтобы освободить квартиры для немцев». Эйхман занимался этим в рамках своих общих полномочий по выселению. В конце 1940 года он выселил евреев из Бадена во Францию Виши. Еще позже депортации немецких евреев стали частью «окончательного решения». Этим евреев высылали на немедленную смерть в Минск или Ригу, или через Лодзинское гетто — для последующего уничтожения.

Мы представим Суду детальные инструкции для депортаций в зону уничтожения в Люблине, данные Эйхманом в начале 1942 года отделом полиции (Stapostellen) и командирам СД (Sicherheitsdienst).

30 мая 1942 года Эйхман известил представителей еврейских общин Вены, Праги и Берлина, что Рейх, Австрия и Протекторат должны быть «очищены» от евреев. В Берлине вызывали евреев на массовые явки (т. наз. **Eichmann-Appelle**), и среди собравшихся производили отбор на вывоз.

И здесь мы видим руку Эйхмана во всем — в планировании, подготовке и проведении больших и менее значительных мероприятий, связанных с «окончательным решением».

ГЛАВА VIII

ИСТРЕБЛЕНИЕ ЕВРЕЕВ ВЕНГРИИ

Наконец, в 1944 году, в сфере влияния Рейха осталось только одно государство со значительным еврейским населением: Венгрия. В этом государстве, после присоединения Южной Словакии, Закарпатской Руси и Северной Трансильвании, проживало около 800.000 евреев.

Нажим нацистов на венгерское правительство, с целью заставить его принять участие в «разрешении еврейского вопроса», начался в 1942 году, когда представитель германского мин. ин. дел потребовал от венгерского посла «исполнить желание фюрера и действовать с ним заодно в этом отношении». Было обещано, как обычно, что еврейская собственность достанется Венгрии. Мин. ин. дел предписало своему представителю в Будапеште помогать от венгров отстранения евреев от всякого влияния в культурной и экономической жизни, введения для них «желтого знака», искоренения и изгнания их на восток.

В первое время венгры ограничились тем, что ввели законы, лишившие евреев некоторых прав. Премьер-министр Каллай не скрывал своих антисемитских чувств, — но все же не соглашался бросить евреев нацистам на растерзание. В декабре 1942 года Каллай в ответ на парламентскую интерпелляцию члена партии «Скрещенных стрел» заявил, что «теперь не время заключать евреев в рабочие лагеря и гетто».

Эйхман, разумеется, получил рапорт германского мин. ин. дел о положении дел. Он уже тогда определенно стремился к истреблению венгерских евреев, и когда германское мин. ин. дел предложило принять меры против бежавших в Венгрию евреев, Эйхман сообщил, что он против частичных мер. 25 сентября 1942 года он писал:

«По моему мнению, пришлось бы для этой цели ввести в действие весь аппарат депортаций, не ускорив этим решения проблемы венгерских

евреев... Лучше выждать, пока Венгрия будет готова выдать всех своих евреев».

Так он подстерегал свою добычу, зная, что она не ускользнет.

Тем временем нарастал гнев немцев. В апреле 1943 года Хорти, регент Венгрии, был вызван на свидание с Гитлером и Риббентропом в замок Клессгейм. Существует отчет об этом свидании, на котором Риббентроп констатировал, что имеются только два пути: либо запереть евреев в концентрационные лагеря, либо истребить их. Гитлер сказал, что евреев «надо истребить, как туберкулезные бактерии», и проявил свои блестящие познания в истории, заявив:

«Народы, не остерегшиеся евреев, были обречены на гибель. Примером являются персы, бывшие когда-то великим и гордым народом и влачущие теперь жалкое существование в качестве армян».

Такова осведомленность фюрера в вопросах истории. Хорти не был убежден.

В конце 1943 года Везенмайер, ставший позже германским послом в Будапеште, послал тайное донесение министру ин. дел, заключавшее совет, чтобы Германия не удовлетворялась больше существующим положением, в котором самостоятельная Венгрия является ее союзником, а оккупировала бы ее фактически. Одной из явных целей этой оккупации было бы — запрячь Венгрию в дело уничтожения евреев.

Так оно и произошло. Когда Хорти 17 марта 1944 года был вторично приглашен к Гитлеру, ему был предъявлен ультиматум, и пока он колебался, как ему поступить, германская армия перешла границу и без сопротивления овладела всей страной. Вместе с армией в Венгрию перебрался и Эйхман со своей особой оперативной группой. Судьба венгерского еврейства была решена.

Эйхман привез в Венгрию всю свою сообщническую шайку, всех, кто занимался вместе с ним истреблением евреев в других оккупированных странах. Среди них были: Крумей, Вислицени, Даннекер, Абромейт, Хунше,

Новак, Бургер, Алоиз Бруннер, — уже пославшие на смерть миллионы евреев и знавшие по опыту технику совращения и натравливания местного населения во всех частях Европы. Все эти заплечных дел мастера, на практике доказавшие свои способности и умелость, обрушились на венгерское еврейство. Здесь нельзя было медлить. Советская армия уже отвоевала Украину и приближалась к Карпатам; существовало серьезное опасение, что случай истребить венгерское еврейство будет навсегда упущен, если убийцы не успеют сделать всего, что нужно, в короткий срок. Поэтому сюда и прибыл весь командный состав секции «IVБ4», к тому времени освободившийся от заданий в других странах, где дело истребления было уже закончено или как следует налажено. Здесь надо было действовать спешно, завершить работу как можно скорее и любой ценою. Надо было сократить все стадии процесса, а иногда даже перескочить через некоторые из них, — лишь бы без задержек прийти к намеченной цели.

В распоряжении этой банды находились все военные ресурсы нацистской Германии, а также весь аппарат венгерской администрации, после того как немецкий прислужник Салаши стал во главе правительства. Вряд ли немцы к тому времени еще верили, что выиграют войну, но одно, по крайней мере, они хотели довести до конца — уничтожить евреев. На этом фронте они хотели обеспечить себе победу — во что бы то ни стало.

Во главе команды был поставлен архизлодей, мастер уничтожения, лично взявший на себя руководство «мокрой работой». Здесь он появляется не только в роли закулисного интригана, направляющего и планирующего, подгоняющего и отвечающего за успех дела; здесь он также выступает как самостоятельный исполнитель всей «операции». По свидетельству Вайды Габора, венгерского министра внутренних дел, Гиммлер указал на него, как на своего уполномоченного. Верным его подручным был Эндре, венгерский статс-секретарь по еврейским делам. Урок восстания в Варшавском гетто был ими хорошо изучен. Эйхман твердо решил, что такой позорный

казус у него больше не повторится. Особое внимание было посвящено тому, чтобы евреям не взбрело на ум бунтовать или бежать, чтобы не пропало их имущество, чтобы можно было их убить и унаследовать одновременно. Весь уже знакомый нам механизм угнетения сразу был пущен в полный ход, а рядом с ним, как обычно, — посулы, возбуждение ложных надежд, грабеж имущества и — одновременно — рассказы о возможном спасении, готовность идти на руку в мелочах и внушение иллюзии, что евреям, которые будут работать, не сделают ничего дурного.



А тем временем уже производились все необходимые приготовления в лагерях смерти, фактически бездействовавших после выполнения своей программы. Рудольф Гёсс получил приказание возобновить работу в Освенциме и сделать все для ускорения темпа истребления. Он съездил к Эйхману в Будапешт для согласования действий. Эйхман требовал приема нескольких эшелонов в день, но Гёсс утверждал, что он не сможет справиться с такой нагрузкой: Сошлись на том, что один день будут прибывать два эшелона, а на следующий — три. И в самом деле: такого периода лихорадочной деятельности, как в то лето и осень 1944 года, еще не было в Освенциме. Газовые камеры и крематории работали днем и ночью. Под конец дошло до того, что сжигали трупы в открытом поле. Бывало, что в течение суток там убивали более 10.000 евреев.

В Венгрии процесс уничтожения начался на следующий день после вступления немцев. Уже 20 марта 1944 года Вислицени и Крумей, главные помощники Эйхмана, собрали еврейских общественных деятелей и объявили им об упразднении всех общинных и разных других организаций и об учреждении вместо них «центрального совета евреев», с которым они исключительно и будут иметь дело. На этом собрании, в присутствии сержанта, стоявшего с наведенным на 15 еврейских делегатов револьвером, было сказано, что отныне все еврейские дела в Венгрии переходят в ведение особого отдела СС, но

евреям нечего беспокоиться, — если только они будут себя хорошо вести.

Эйхман, именем которого была названа возглавляемая им особая оперативная группа — **Sondereinsatzkommando Eichmann**, — стал хозяином жизни и смерти, всемогущим властелином венгерского еврейства.

Хлынул поток известных законов и запретов: запрещение перемены местожительства, запрещение пользоваться средствами передвижения, выключение телефонов, замораживание банковских счетов, домашний арест, закрытие магазинов, регистрация всей собственности и т. п. На жалобы представителей общины Эйхман отвечал, что все приказы надо исполнить без промедления.

В начале апреля 1944 года всем венгерским евреям, начиная с шестилетнего возраста, было предписано носить желтый знак. Воздушная бомбардировка Будапешта послужила предлогом для приказа о передаче венграм 500 еврейских квартир со всей мебелью и утварью; когда представители евреев просили смягчить это постановление, — число подлежащих передаче квартир было увеличено до 2000.

Началась охота за евреями на улицах и в поездах. Пойманных отправляли в лагеря, среди которых самую печальную известность получил лагерь Киштарча. В провинции начали концентрировать евреев в заранее установленных зонах, в ряде городов возникли гетто в ужасных, не поддающихся описанию условиях.

В Будапеште, с его почти четвертьмиллионным еврейским населением, рассеянным по всему городу, было трудно сразу сконцентрировать всех в одно место, и поэтому действовали постепенно. Дома, отведенные евреям под жилье, были обозначены желтым знаком.

Здесь также венграм и евреям было сказано, что евреи нужны только для работы. Венгерское правительство согласилось в конце концов передать в распоряжение немцев 50 тысяч евреев, якобы «для работы в Германии». Но официальная немецкая переписка, которая велась от имени обвиняемого, — ясно указывает истинное назначение: в Освенцим

Сделка «кровь за товар»

Массовые депортации начались в середине мая 1944 года. Имеются отчеты о разных стадиях этой операции, детально разработанной Эйхманом. В среднем вывозили ежедневно около 12 тысяч человек. Одновременно велись переговоры, которые сопровождались вымогательствами и обещаниями спасения. Вислицени связался с одним из лидеров религиозной общины, Пинхасом Фрейдигером, чей дед был пожалован австрийским дворянством, и который именовался бароном Фрейдигером. Вислицени предложил спасти евреев за 2 миллиона долларов и получил в задаток значительную сумму. Параллельно происходил, сопровождаемый угрозами истребления и обещаниями спасения, торг другого рода между Эйхманом, с одной стороны, и Кастнером и Иоэлем Брандом, с другой. Кастнер представлял еврейский Комитет спасения, а Бранд был избран делегатом, которому было поручено передать Западному миру фантастическое предложение немцев: «К р о в ь з а т о в а р». Спасение евреев — в обмен за грузовики, кофе, чай и сахар. Евреям было сказано, что грузовики не будут использованы на западном фронте. Бранду было велено отправиться в нейтральную Турцию и передать предложение еврейским органам. По приказу Эйхмана его сопровождал Бонди Гросс.

Другой умысел немцев выясняется из официального отчета посла Везенмейера немецкому министру иностранных дел Риббентропу, который узнал о предложенной сделке из передачи лондонского радио и немедленно затребовал все подробности от своего посла. Посол сообщил, что ввиду недостатка определенных товаров Бранд был послан с предложением о доставке этих товаров в обмен за разрешение некоторому числу евреев выехать в Турцию. Как показал Риббентроп на Нюрнбергском процессе, он немедленно вмешался и запретил сделку, — так как это было бы ниже достоинства Германии — получать плату за прекращение истребления. Курт Бехер, старший офицер СС, был послан Гиммлером вести эти переговоры и выжать из евреев как можно больше.

Гиммлер сказал ему: «Можете обещать все, что угодно, а что мы выполним — это другое дело». Во всяком случае, для облегчения переговоров Бехер получил у Гиммлера разрешение отправить за границу поезд с 1684 евреями. Поезд этот был направлен в Берген-Бельзен, и оттуда, двумя отдельными транспортами, спасенным разрешили выехать в Швейцарию. За каждого из них нацисты взыскали выкуп в 1000 долларов.

Объясняя обстоятельства, при которых вторая партия спасенных была выпущена в Швейцарию, Шелленберг, один из высших чинов СС, отметил соображения особого рода, руководившие Гиммлером при освобождении этих людей. Гиммлер, по его словам, хотел расположить в свою пользу Западную печать, показать, что он прекращает убийства и предстать в роли ангела спасителя, с которым следует вступить в переговоры о прекращении военных действий и заключении перемирия. Известно, что у Гиммлера действительно был такой план, — когда он уже отчаялся в возможности победы на поле боя и считал, что с Гитлером Западные державы не захотят вести переговоры. Таким образом он готовил почву для самого себя. Ту же попытку он повторил несколько месяцев позже, уже на самом пороге крушения. Понятно, что преждевременная огласка сделки лондонским радио расстроила все начинание, которое, по существу, было предназначено для того, чтобы вбить клин между союзными державами Запада и Советским Союзом. Бехера интересовало вымогательство, Гиммлер был заинтересован в «добром имени».

Но был один человек, который определенно не одобрял весь план, — который с явным неудовольствием исполнил инструкцию Гиммлера о посылке Бранда в Стамбул и стремился всеми силами к одной цели: продолжать дело уничтожения евреев. Этим человеком был Адольф Эйхман.

Он начал массовые депортации почти в тот самый день, когда Иоэль Бранд выехал в Стамбул. Он объявил, что «мельницы Освенцима будут продолжать свою работу», если не получится немедленно положительный ответ от

Бранда. Он продолжал реализацию своей дьявольской программы уничтожения и в то же время делал вид, что он пощадит оставшихся в живых, если сделка увенчается успехом.



Продолжался грабеж еврейского имущества, продолжались аресты. Евреи, естественно, пытались бежать, главным образом — в Палестину. Эйхман это знал и требовал решительных мер, чтобы герметически закупорить все лазейки. «Надо объяснить венгерским властям ясно и вразумительно, что эмиграция в Палестину в рамках этой акции немцами не допускается». Он жаловался на шведское и швейцарское посольства, которые снабжают евреев документами, дающими возможность выехать из Венгрии. Особенно яростно он обрушился на молодого шведского дипломата Рауля Валленберга, архитектора по профессии, одного из праведников мира сего, всецело посвятившего себя делу спасения евреев. Для этой цели Валленберг мобилизовал целый штаб сотрудников, выдавал свидетельства о праве проживания в Швеции и, постоянно рискуя своим положением дипломата и даже своей жизнью, развил широкую спасательную деятельность. Он арендовал и покупал дома, в которых евреи могли жить под охраной шведского флага, и одно время под его защитой собралось 40.000 человек. Когда начался «марш смерти», который мы опишем позже, Валленберг сопровождал идущих, имея в своем распоряжении грузовики с продовольствием, лекарствами и одеждой. Он прилагал все усилия, чтобы освободить от марша каждого, кому можно было под каким-либо предлогом дать шведское охранное удостоверение. Он привлек к работе других дипломатов в Будапеште и Красный Крест. Так ему удалось спасти десятки тысяч людей.

Все это сделал один отважный человек, имевший мужество действовать так, как ему повелевали совесть и его вера. И снова, как в случае с Христианом, королем Дании, — приходит на ум печальная мысль: как много жизней можно было спасти и в других странах, если бы

нашлись подобные ему люди среди тех, кто мог помочь — явно или тайно.

Ничего удивительного, что Эйхман с такой яростной злобой нападал на этого доброжелателя. Шведское посольство в Берлине жаловалось, что Эйхман грозил в Организации Красного Креста в Будапеште «застрелить этого еврейского пса Валленберга». Министерство ин. дел извинилось перед шведским послом, объяснив, что это, несомненно, не было сказано всерьез. Но надо понять реакцию Эйхмана на фоне «незаконной» деятельности Валленберга: Эйхман хотел якобы только заставить его прекратить вмешательство в еврейские дела.

Депортации проводились секретно. О них ничего не сообщали в печати и по радио. Немцы приняли особые меры предосторожности, чтобы известия о них не распространялись и не вызвали паники среди евреев в Будапеште. По прибытии в Освенцим высланных заставляли писать родным успокоительные открытки. Палачи диктовали их содержание и приказывали указать адрес отправителей: «Вальдзее» (австрийский курорт). В открытках сообщалось, что посланные на работу находятся в полном благополучии. Обыкновенно эти открытки приходили по адресу тогда, когда от их отправителей оставался лишь пепел в печах Освенцима. Когда представители Красного Креста просили разрешить их делегату сопровождать транспорт, Эйхман согласился, чтобы он присутствовал при отправке, но только лишь после того, как эшелон будет приготовлен к следованию, а о сопровождении транспорта, сказал он, «не может быть и речи».

Подпольное движение пионерской молодежи организовалось и в Венгрии, и во многих местах были предприняты попытки к побегу и спасению. Многие из бежавших были пойманы при переходе границы и немедленно посланы на смерть.

Тем временем положение немцев на фронте ухудшилось. Наступление советской армии продолжалось. С разных сторон стали оказывать давление на Хорти, чтобы он положил конец депортациям. В начале июля, собрав-

шись с духом, он приказал прекратить их. До конца июня 1944 года немцы успели, согласно официальному отчету их мин. ин. дел, послать в лагеря смерти 437.402 евреев. Приказ Хорти сорвал план немцев, намеревавшихся к середине июля вывезти всех евреев Будапешта в один день. Для этой цели проектировали мобилизовать все запасы рабочей силы города, включая муниципальных служащих и почтальонов. Подробности плана были согласованы с Эйхманом. Немцы искали какого-нибудь предлога для этой молниеносной операции. Директор бюро печати при мин. ин. дел рекомендовал, чтобы полиция «нашла» взрывчатый материал в синагогах. Везенмейер отклонил это предложение, объяснив, что синагоги уже давно находятся под строжайшим контролем полиции, так что этот вымышленный повод не годится.

Несмотря на приказ Хорти, Эйхман пытался продолжать депортации. В начале июля он сделал попытку выслать на истребление транспорт из лагеря Киштарча. Когда это стало известно еврейским деятелям в Будапеште, они обратились к Хорти, который приказал задержать эшелон на границе и вернуть его. Тогда Эйхман созвал вторично представителей еврейской общины в Будапеште—якобы для совещания, продержал их весь день и занимал незначительными делами, пока в это время его люди вновь погрузили в лагере Киштарча 1200 евреев на поезд и отправили их в прежнем направлении. Еврейские деятели, находясь фактически под арестом у людей Эйхмана в Швабенберге, предчувствовали недоброе. По освобождении вечером, узнав, что транспорт из Киштарчы ушел, они снова бросились к Хорти, умолять о спасении,—но уже было слишком поздно: поезд пересек венгерскую границу. Как впоследствии выяснилось, представители общины были отпущены только тогда, когда отряд Эйхмана сообщил, что эшелон находится по ту сторону границы и на верном пути в лагерь смерти.

При ближайшем свидании с Фрейдигером Вислицени сказал ему: «Неужели вы действительно думали, что Эйхман позволит этому старому дураку Хорти становиться поперек его дороги?»

Также и этот случай доказывает дьявольскую инициативу Эйхмана. Никто не заставлял его действовать; Хорти не соглашался на продолжение депортаций; никто не мог бы иметь к нему претензий, если бы он воздержался от принятия мер и выждал результат дипломатического и военного нажима, которое в то время немцы оказывали на Венгрию, чтобы заставить ее возобновить высылку евреев. Но когда дело касалось истребления евреев, — Эйхман действовал независимо от каких-либо указаний и директив.

Сохранились два письма и почтовая открытка от Якова Рейха, находившегося в обоих транспортах из Киштарчы. Одно письмо он написал жене из лагеря Киштарча, а другое и почтовую открытку выбросил из поезда, в котором его везли в Освенцим. На полях второго письма и открытки было написано: «Да будет благословена рука, которая отошлет это письмо». Такая рука нашлась. Письмо и почтовая карточка прибыли к жене Рейха в Будапешт. Там было сказано:

«Сегодня среда после обеда... Нас погрузили, и мы едем. Да хранит Вас Бог. Обнимает Вас и целует — отец».

Рейху не суждено было больше увидеть свою семью. Его вдова представит Суду письмо и почтовую карточку.

Немцы не переставали домогаться возобновления депортаций. Вмешался сам Гитлер и велел своему мин. ин. дел предупредить Хорти, что Германия не потерпит отсрочки ее мероприятий против евреев и что позиция Хорти принесет несчастье венгерскому народу. Чтобы отрезать возможность бегства евреев в нейтральные страны, Эйхман принял меры, о которых Везенмейер доложил министру ин. дел 25 июля 1944 года:

«...Мы условились с Эйхманом, что как только станет возможным возобновление депортаций евреев из Будапешта, их надо будет провести с максимальной быстротой, так, чтобы не оставить времени имеющим право на эмиграцию даже на проведение формальностей».

В Австрии в то время ощущалась острая нужда в рабочей силе для фортификационных работ. Немецкие военные планы предусматривали на этом участке фронта тяжелые оборонительные бои. Венский бургомистр Бляшке обратился еще в начале 1944 года к своему другу, начальнику РЗГА Кальтенбруннеру, и просил его направить на работы по возведению укреплений несколько транспортов евреев. Кальтенбруннер ответил, что он дал приказ направить в Вену 12.000 евреев. Их надо будет держать в закрытых лагерях; женщин, детей и нетрудоспособных пошлют на «специальную обработку», т. е. — на смерть.

Но представителям венгерского еврейства Эйхман и его сообщники сказали, что за выкуп евреев можно спасти, переведя их в Австрию. Тот, кто уплатит требуемую сумму, поедет в Австрию и спасет свою жизнь. Эйхман был готов, как он выразился, «держать на льду» 30.000 трудоспособных евреев в Австрии; их семьи будут жить в лагерях за счет будапештских евреев. За это он потребовал выкуп в 5 миллионов швейцарских франков, т. е. по 200 долларов за душу.

15 тысяч евреев были таким образом направлены в Австрию. Осенью 1944 года Хорти сделал попытку вывести свою страну из войны на стороне Германии. Однако немцы, зная о его стараниях, овладели силой Будапештом (операция «Железный Кулак»), арестовали Хорти и 15 октября 1944 года передали власть Салаши, вождю «Скрещенных стрел». Евреи вновь очутились во власти нацистов; Эйхман, оставивший было Будапешт, когда депортации были прекращены по приказу Хорти, вернулся туда 18 октября; кампания против евреев возобновилась полным ходом.

Марш смерти

И тогда наступил финал смертоубийственной деятельности Эйхмана в организованном им походе, известном под названием «Марш Смерти». Поездов больше не было. Гиммлер приказал было прекратить истребление... Но Эйхман нашел способ обойти приказ Гиммлера. С по-

мощью своих союзников, венгерских фашистов, он организовал поход евреев к границе Австрии. Вели их якобы на работы — строить укрепления, но на самом деле — на бойню. Расчет был простой: слабые падут в пути, а сильных уничтожат после того, как они отработают свое на укреплениях. Двухсоткилометровый марш начался в ноябре, в дождь, снег и холод, с ночлегами в открытом поле или в свиных хлевах. Так гнали и женщин, и детей, и стариков. Отставших пристреливали жандармы, которые избивали жертвы и издевались над ними на каждом шагу. Люди падали от крайнего изнурения и умирали. Сотни покончили самоубийством или умерли от сыпного тифа, свирепствовавшего среди обреченных. Пищу выдавали раз в день: немного воды и кусок хлеба. Люди мерли как мухи. Вся дорога была усеяна трупами. Число павших в пути определяют в 6-10 тысяч. Зрелище было до того ужасно, что даже офицеры и солдаты венгерского конвоя начали бунтовать и требовать, чтобы их лучше отправили на фронт. Даже вмешательство Салаши, главы венгерского правительства, прекратить этот поход не возымело никакого действия.

И вот произошло нечто поразительное: сам Гиммлер выразил Эйхману порицание за его «операцию», и тогда только прекратился этот ужасный поход. Тем временем советская армия окружила Будапешт, и остаток еврейской общины в столице был спасен.

ГЛАВА IX

ЛАГЕРЯ СМЕРТИ

Я уже говорил о сущности нацистского концентрационного лагеря как средства укрепления диктатуры и устрашения противников, с целью их слобления или переубеждения. В Германии и оккупированных странах были сотни лагерей — концентрационных, сборных и пересыльных. По отношению к евреям все лагеря имели одну цель: полное их истребление. Даже если бы нацисты и не перешли к методам прямого истребления, — обитатели гетто и трудовых лагерей все равно вымерли бы спустя некоторое время от голодания, истощения и эпидемий. Но «окончательное решение» не терпело промедления. Поэтому и были созданы лагеря смерти. Также и в других лагерях, как Маутгаузен, Берген-Бельзен и Дахау, люди погибали тысячами и десятками тысяч в результате планомерно обдуманного режима, рассчитанного на их уничтожение. Мы представим доказательства, что, поскольку дело касалось евреев, власть Эйхмана распространялась и на эти лагеря. Но в моем вступительном слове я остановлюсь только на т. наз. лагерях смерти, устроенных с самого начала для реализации «окончательного решения» и в которых миллионы евреев нашли свою смерть.

Идея истребления евреев ядовитыми газами была высказана Гитлером уже в его книге «Моя борьба». Он писал, что если бы в первую мировую войну отравили 12 - 15 тысяч евреев газами, то, может быть, спасли бы жизнь миллиону немцев. После того как метод расстреливания, применявшийся отрядами особого назначения, был признан неудовлетворительным, возникла, как я уже упомянул, идея использовать против евреев газ. Первые опыты провел Глобоцник в Польше. Убедившись в эффективности этого метода, Эйхман усвоил его для осуществления «окончательного решения». Он подтвердил свое намерение в разговоре с д-ром Ветцелем из министерства оккупированных областей, который подал об

этом официальный рапорт. Эйхман лично съездил к Глобцинику и сообщил ему, что его эксперименты будут отныне использованы в широком масштабе в подвластной ему, Эйхману, области, а также и в других местах. Он послал к Глобцинику некоего Гюнтера вместе с экспертом по ядовитым газам. Вместе с Рудольфом Гёссом Эйхман выбрал подходящее место для постройки газовых установок в Освенциме и посетил также лагеря смерти в Трешлинке и Хелмно, чтобы проверить их работоспособность. Он был доволен новым методом и предпочитал его расстрелам. Он и его секция занялись заготовкой газа синильной кислоты (*Blausäure*), ставшего известным как «циклон Б» и состоящего из циановодорода. Этим газом пользовались в нескольких лагерях смерти. В начале 1945 года, незадолго до окончания войны, Эйхман еще проектировал истребление остатка евреев в газовых камерах Терезиенштадта, которые предполагалось устроить там по его инициативе, — хотя к тому времени в других местах они уже перестали действовать.

На Эйхмане лежит прямая ответственность за использование этих лагерей для реализации «окончательного решения». В некоторых из них еще была сделана попытка выжать из евреев последние силы, прежде чем умертвить их.

С разрешения Суда я вкратце изложу, что произошло в этих лагерях, которые все были основаны СС и где процессом истребления руководило «РЗГА».

Майданек

Лагерь Майданек, вблизи Люблина, был основан в 1941 году. Вначале в нем содержали военнопленных, а затем туда стали помещать евреев из Чехословакии, Франции и Греции. Лагерь постепенно расширялся. Отдельные части его назывались «полями». Весной 1942 года в нем построили газовые установки для истребления людей и две печи для сжигания трупов. Летом того же года туда стали поступать массами польские евреи.

Летом 1943 года прибыла волна депортированных евреев из Варшавы, и темп истребления сразу ускорился,

достигнув кульминационного пункта в ноябре, когда в один день расстреляли 18.000 евреев.

Условия жизни в лагерях, и без прямого убийства, были рассчитаны на то, чтобы заключенный погиб — от голода, болезней или простого истощения сил. Обычная пища содержала лишь третью часть необходимого для жизни минимума. Одежда не защищала тело заключенного от непогоды. Жилище — в конюшнях, по 500 человек и больше в каждой, по два человека на один тюфяк. Работа, на которую выводили, сама по себе служила средством уничтожения и обрекала на физическую гибель. Этой же цели способствовали жестокое обращение, побои и трата сил на совершенно бессмысленные работы.

Одежда и тюфяки заключенных кишели клопами, вшами и другими паразитами. Свириствовали туберкулез и тиф. Лечением тифа в Майданеке был — расстрел.

Больные подвергались отбору: тех, кто был в состоянии рысцой пробежать перед комиссией, оставляли временно в живых. Тех, кто спотыкался,— сразу отправляли на смерть.

В дождь и непогоду заключенных заставляли есть свой паек на дворе. Больных и угасающих принуждали во время проверок лежать в снегу и грязи.

Новоприбывших еврейских арестантов посылали десятками тысяч прямо в газовые камеры, даже без регистрации и отбора. У женщин остригали волосы догола; золотые зубы вырывали. Впоследствии были найдены квитанции за 9 ящиков золота и ценных вещей, посланных из Майданека в Рейх. Смертность в лагере была ужасной — человек 180 в день. Дети гибли как мухи.

Процедура отбора в Майданеке выглядела так: мужчин отправляли направо, женщин налево, детей и стариков в середину. Матерей, цеплявшихся за детей, отрывали ударами плети. Вы услышите показание о женщине, не желавшей выпустить своего ребенка из рук. Эсэсовец подошел к ней, разможил голову ребенка о камень и подал матери окровавленное тельце со словами: «Теперь возьми свое детище». Были случаи, когда разрывали детей на части руками — на глазах матерей, которые в ужасе теряли рассудок.

Только в одном месте в Майданеке обращались с детьми ласково: на пороге газовой камеры убийцы давали каждому ребенку по конфете.

Заключенные были отданы на произвол эсэсовцев, которые могли их убивать и истязать по своему усмотрению. По воскресеньям устраивались «бега». Каждый заключенный был обязан бежать, а того, кто терял деревянный башмак или спотыкался на бегу, — убивали на месте. По самому осторожному подсчету польской правительственной комиссии, в Майданеке было убито не менее 200 тысяч евреев.

Треблинка

Лагерь Треблинка был основан в районе Варшавы, в изолированном месте, вблизи маленькой польской деревни. Он существовал в 1942 и 1943 годах. После того как немцы разрушили его в ноябре 1943 года, там валялись еще годами всяческая утварь, рвань, чемоданы... По сей день еще попадают там кучи песку, перемешанные с человеческими костями и пеплом сожженных тел.

С самого порога лагеря начиналась маскировка происходящего. Была построена бутафорская железнодорожная станция, с надписями «Буфет», «Зал ожидания», с платформами и семафорами. Все было рассчитано на то, чтобы прибывшие оставались в неведении продолжительное время. На станции уже ждали эсэсовцы. Украинские полицейские нагайками принуждали прибывших покинуть вагоны. Замешкавшихся расстреливали на месте.

Маскировка еще продолжалась и в самом лагере. Больных, калек, стариков и детей вели в барак с эмблемой Красного Креста и надписью «Лазарет». Внутри была «приемная» с красными мягкими диванами, с выходом в другое место, где стоял эсэсовец. Когда человек входил, эсэсовец стрелял ему в затылок и сталкивал тело в яму. Это делалось для того, чтобы здоровые, которых отправляли в газовые камеры, не задерживались из-за детей, калек и прочих «медленных» жертв. В «лазарет» бросали также трупы умерших в вагонах в пути или убитых на станции.

На станции прибывшим приказывали сдать все свои деньги и ценные вещи. Отобранные вещи сортировали, чинили и отсылали в Германию. Известно, что одних только носильных вещей было отправлено 203 вагона.

Перед убийством женщинам остригали волосы и у обреченных забирали последние вещи. Волосы набивали в мешки и отсылали в Германию. Потом приказывали раздеться и загоняли в газовые камеры ударами прикладов. Обреченных заставляли входить туда с поднятыми руками, чтобы можно было втолкнуть побольше людей. Затем закрывали дверь на засов, включали мотор, и ядовитый газ проникал в помещение... Когда отворяли двери камеры и ядовитые пары рассеивались, вырывали золотые зубы у мертвецов и сбрасывали трупы в ямы. Позже были построены установки для сжигания трупов. Был случай, когда одного человека бросили в яму еще живым. Ему удалось бежать, но крестьяне, у которых он хотел укрыться, привели его обратно и передали властям лагеря. Эсэсовец Курт Франц зверски издевался над ним и в конце концов палкой забил на смерть. Этот же Франц имел большого, свирепого пса, который был обучен по команде «Юде!» бросаться на заключенных и кусать их.

Был случай с транспортом из Гродно, когда люди отказывались войти в газовую камеру. Один из них даже бросил гранату в украинских помощников убийц. Немедленно по ним открыли убийственный огонь и одетыми вогнали в камеру смерти.

Можно с достоверностью установить, что число вагонов, доставленных в Треблинку, было не менее 7550, а в них привезено на смерть не менее 750.000 евреев. Здесь были уничтожены сотни тысяч евреев Варшавы, Радома, Ченстохова, Кельца, Белостока, а также евреи из Германии, Австрии, Чехословакии, Болгарии и Греции. Стариков из Терезиенштадта тоже убивали здесь.

В Треблинке велась тайная подготовка к восстанию. Вдохновителем его был д-р Хоронжецкий. Немцы при обыске нашли у него сумму денег, предназначенную для нужд восстания. Доктор знал, что ему предстоит, и немедленно проглотил яд. Убийцы приложили отчаянные

усилия вернуть его к жизни, с тем, чтобы пытками замучить его на смерть. Франц ножом открыл ему рот, лил воду в горло, потом вскочил сапогами на живот и стал топтать... но д-р Хоронжецкий был уже мертв. Палачи могли излить свою ярость только на его бездыханный труп.

Подготовка к восстанию все же продолжалась. Несколько заключенных общими усилиями раздобыли себе кой-какое оружие, и 2 августа 1943 года они атаковали стражу из эсэсовцев и украинцев. Несмотря на убийственный огонь, некоторым удалось прорваться сквозь проволочные заграждения и бежать. Среди восставших был Рудольф Масарик, — по-видимому, племянник великого Томаса Масарика, который из любви к своей жене-еврейке последовал за ней в лагерь смерти. Восставшие подожгли часть лагерных установок и, уходя, еще задержались ненадолго, чтобы посмотреть на объятые пламенем здание великой бойни.

Этим было положено начало ликвидации лагеря, который окончательно перестал функционировать в ноябре 1943 года. Немцы перепахали всю его площадь и на прахе евреев поселили украинских крестьян.

Хелмно

Хелмно, или Кульмгоф, с самого начала было предназначено служить лагерем смерти. Там не искали для людей занятий и не давали им работы. Их убивали сразу. Комендант СС объявлял прибывшим, что их поведут на работу, но перед тем они должны помыться и сдать одежду в дезинфекцию. Их отводили в помещение, где они раздевались. На стенах красовались надписи: «К врачу», «В баню». Оттуда их голыми или в одной рубашке выводили к серым грузовикам — **Sonderwagen**.

В каждый закрытый кузов можно было втиснуть 80-100 человек, которых якобы отправляли в баню. Но когда запирали дверцы, начиналась другая баня. Включался мотор, и выхлопной газ душил жертвы. Когда крики изнутри замирали, машина трогалась в соседний лес, где «лесная команда», составленная из евреев, выгружала трупы.

После извлечения золотых зубов и снятия колец, они сваливали трупы в заготовленные ямы. Рабочие «лесной команды» были закованы в ножные кандалы. Время от времени их сменяли, убивали и заменяли людьми из свежего пополнения.

Истребление людей началось в Хелмно в конце 1941 года. Спустя несколько месяцев построили и здесь крематории для сжигания трупов. Пепел вывозили, а кости, перемолов на муку, закапывали в землю или выбрасывали в реку.

В январе 1943 года этот лагерь смерти закрыли и взорвали крематории. Но через год выяснилось, что работа еще не закончена. Лагерь восстановили и построили новые крематории. Вновь начали работать по прежнему образцу: душили газом и сжигали трупы.

Через несколько месяцев и это задание было закончено. Лагерь демонтировали окончательно, замели следы бойни и приступили к ликвидации бригад сжигателей трупов, которые на этот раз назывались — *Sondereinsatzkommando*. Некоторые оказали сопротивление, и двоим удалось бежать — двоим из четырех уцелевших, спасшихся из этого лагеря смерти, чтобы поведать миру о его ужасах.

В Хелмно было уничтожено, по скромному подсчету, около 340.000 евреев, главным образом из Лодзи, Познани и Варшавы, а также значительное число евреев из Германии, Австрии, Франции, Люксембурга, прошедших через гетто в Лодзи.

Также и здесь отнимали все ценности и одежду. 9 января 1943 года «Кампания зимней помощи немецкого народа» подала жалобу немецкой администрации Лодзинского гетто на то, что часть вещей, присланных из Хелмно, не была как следует очищена и — **внимайте небеса!** — с одного пальто забыли спороть желтый лоскут. Так как эти вещи предназначались для немецких поселенцев, — было сказано в заявлении, — то подобная небрежность недопустима, ибо она позорит «кампанию зимней помощи»: **"Das Winterhilfswerk damit in Misskredit kommt"**.

Собибор

Еще одним лагерем смерти был Собибор, основанный в начале 1942 года в районе Люблина. Также и здесь польская следственная комиссия нашла после освобождения горы пепла, костей и человеческого жира. Также и здесь были газовые камеры и установки для сжигания трупов. Вы услышите свидетельские показания о том, каким истязаниям подвергались там жертвы, прежде чем их убивали. Людей, умоляющих дать им глоток воды, отводили в отхожие места и вымазывали калом. Здесь также травили псами, разрывавшими людей на куски и проводили провинившихся сквозь строй между рядами эсэсовцев и украинцев, избивавших несчастных плетью.

Сюда прибывали большие транспорты. По подсчетам польских властей, в Собиборе было уничтожено около четверти миллиона евреев.

Также и здесь мужчин и женщин раздевали догола и вели в газовые камеры длинными вереницами. Как и в других местах, стариков и детей расстреливали отдельно, чтобы они не мешали шествию идущих в газовые камеры.

Собибор был могилой евреев Польши, Голландии, Чехословакии, Австрии и Франции. И здесь грабили имущество, вырывали зубы, отрезали волосы. Также в Собиборе произошло восстание угнетенных. В октябре 1943 года взбунтовались занятые в лагере еврейские рабочие. Им удалось захватить оружие, убить некоторое число эсэсовцев и дать возможность несколькимстам заключенных бежать в леса. После бунта нацисты ликвидировали лагерь и взорвали здания. На могилах своих жертв немцы посадили рощу.

Белжец

Лагерь смерти в Белжеце, по дороге между Люблином и Львовом, был основан зимой 1941 года. Жилые бараки и прочие постройки были готовы к концу февраля 1942 года. Сюда перевозили евреев Люблина и окрестностей, Восточной и Западной Польши. Здесь уничтожали евреев Галиции и многих других стран. Эшелоны, прибывавшие

в Белжец, как и в другие лагеря, были переполнены группами тех, кто не выдержал тягот пути и скончался от жажды и истощения. Каждый транспорт состоял из 10 до 60 вагонов. Опишем один из таких транспортов, привезший из Львова 6700 человек. При высадке на станции их уже поджидали эсэсовцы со своими украинскими помощниками.

Вот описание:

«Отворяют дверцы вагонов и нагайками выгоняют людей; через громкоговоритель даются приказания; всем надо сдать вещи и одежду — даже костыли и очки... Ценные вещи и деньги сдают в окошко с надписью: «Драгоценности». Женщин и девушек направляют к цирюльнику, который двумя взмахами ножниц срезает им волосы, набиваемые в мешки из-под картофеля... Потом начинается марш... Справа и слева проволочные заграждения, а сзади десятки украинцев с ружьями... Мужчины, женщины, девушки, дети, младенцы, безногие калеки, все голые, как мать родила, идут толпой. На повороте, у входа в здание, стоит, ухмыляясь, эсэсовец и объявляет ласково: «Ничего дурного вам не сделают... Вы только должны дышать поглубже. Это укрепляет легкие. Правильное вдыхание необходимо для дезинфекции». Его спрашивают, что будет с женщинами, и он отвечает, что мужчинам придется, конечно, работать на стройке дорог и домов... а женщины работать не будут, — они, если захотят, смогут помогать на кухне или по хозяйству... У некоторых в душе мелькает надежда, достаточная, чтобы без сопротивления продолжать брести к газовым камерам. Большинство знает хорошо, какая судьба им уготована. Ужасная, все проникающая вонь обнаруживает истину. Они поднимаются по нескольким ступенькам — и уже видят непреодолимое. Нагие матери, онемев, прижимают младенцев к груди. С ними масса детей

всех возрастов — все нагие. Они медленно... но все продолжают двигаться безмолвно по направлению к камере смерти. Идущие сзади напирают, эсэсовцы нагайками подгоняют толпу. Женщина лет сорока проклиняет главаря убийц и кричит, что кровь ее детей падет на его голову. Офицер СС Вирт собственноручно ударяет ее пять раз хлыстом по лицу, и она исчезает в газовой камере. Многие молятся... Эсэсовцы вталкивают людей внутрь. — «Наполнить до отказа!» — командует Вирт. Голые люди наступают друг другу на ноги. Семьсот-восемьсот человек... Двери замыкаются. Оставшиеся из транспорта ждут своей очереди. Ждут голыми и зимой... Но дизель не действует. Проходит 50 минут... 70 минут... А люди в камере стоят. Слышен их плач... Штурмбаннфюрер СС профессор доктор Пфанненштиль, лектор по гигиене в Марбургском университете, замечает: «Точно, как в синагоге!» Наконец, через 2 часа и 49 минут, дизель начинает работать. Проходит 25 минут. Многие уже мертвы, — это видно через глазок... Через 28 минут некоторые еще живы... Спустя 32 минуты мертвы все... С другой стороны еврейские рабочие отмыкают двери. Мертвецы стоят, как базальтовые столбы — им некуда упасть. И после смерти еще можно распознать семьи — они стоят, прижавшись друг к другу и держась крепко за руки. С трудом только удается отделить тела, чтобы очистить место для следующей партии. Выбрасывают трупы — посиневшие, покрытые смертным потом и мочей. Среди них младенцы, детские трупки, — но нет времени! Две дюжины еврейских рабочих заняты тем, что обследуют полость рта убитых, открывая ее с помощью железных крюков. Приказ: «с золотыми зубами — налево, без золота — направо». Другие проверяют интимные части тела в поисках укрытого золота

и бриллиантов... Вирт показывает полную консервную банку и восклицает: «Подыми-ка, посмотри, сколько золота!»

Так это происходило в Белжце и в других местах. На дверях в газовые камеры была надпись: «Умывальня и ингаляторий».

В 1943 году немцы прекратили свою работу в Белжце и приступили также и здесь к заметанию следов преступления. Еще раньше были вырыты трупы из массовых могил и сожжены на кострах. Еврейские рабочие команды, которые этим занимались, были высланы в Собибор и там ликвидированы. Эсэсовцев послали в Югославию на борьбу с партизанами.

Нацистский Молох пожрал в Белжце более 600 тысяч еврейских жизней.

Освенцим

А теперь перейдем к самому большому и страшному из лагерей смерти — Освенциму, — этой фабрике смерти для миллионов, которая в истории человеческого рода навеки останется символом ужаса и позора.

Освенцим — по-немецки Аушвиц — маленькое местечко западнее Кракова, обиженная природой глушь, район болот и песчаных холмов, туманов и сырости, лихорадки и гнилой воды. Там построили этот лагерь, заведомо зная, что он станет бойней. Эсэсовской охране было сказано, что некипяченой водой здесь нельзя даже рта пополоскать. Огромный концентрационный лагерь имел 39 отделений, в том числе: вспомогательные лагеря (*Nebenlager*), внешние лагеря (*Aussenlager*), рабочие лагеря (*Arbeitslager*) побочные лагеря (*Zweiglager*). В конце 1941 года Освенцим мог вместить 18.000 человек, в 1943 году — 30.000. Но истебили там, по первому признанию коменданта лагеря Рудольфа Гёсса, около двух с половиной миллионов, а от болезней, голода и истязаний умерло еще полмиллиона. Туда доставляли не одних только евреев. Было много других, которых преступный режим решил замучить на работе и уничтожить, — тысячи советских военнопленных, цыган, политических про-

тивников из других стран. Таких было десятки тысяч, но евреев везли сюда миллионами.

Лагерь и его отделение — Биркенау — были окружены проволочным ограждением высотой свыше 4 метров, по которому был пущен электрический ток высокого напряжения. Прикосновение к нему означало смерть. Вдоль ограды — сторожевые вышки, на них эсэсовцы с пулеметами. Ночью прожекторы освещали территорию лагеря.

Транспорты были разного рода. Иногда евреев вели прямо в огромные газовые камеры. Иногда происходил отбор: трудоспособных забирали в лагеря каторжного труда, остальных отправляли на смерть. Работали на предприятиях «И. Г. Фарбен», на оружейных фабриках Круппа, которые здесь назывались «Унион», на производстве частей ручных гранат и других работах, в шахтах, в поле и в лесу. Комендатура лагеря получала от дирекции данного предприятия за каждого рабочего, доставленного на производство, 6 марок в день. Содержание заключенного обходилось в 30 пфеннигов в день.

Таким образом перед убийством еще совершалась выгодная сделка на кровавом поте еврея. Но работа обещала жизнь. И люди старались выглядеть здоровыми, держаться прямо, выпячивали впалую грудь, подымали голову и делали вид, что они в хорошем состоянии. В противном случае — д-р Менгеле во время отбора показывал пальцем влево. Это движение пальца означало смерть. Такой отбор в течение четверти часа решал судьбу пятисот человек. Признанных нетрудоспособными отводили в отдельное место, там они ждали уничтожения. Если их ликвидация затягивалась на день или два, никто не трудился выдать этим несчастным пищу.



В регистрационной карточке арестанта отмечалось, кто его прислал сюда. Мы представим Суду эти карточки с пометкой: СЕКЦИЯ IV Б4 РЗГА. Мы представим доказательства того, что Эйхман был полным хозяином в этом лагере, когда дело касалось евреев. Несколько немецких заводов доставляло ядовитый газ. Уцелели не-

которые счета за газ, и мы их представим Суду. На вид — обычный счет за товар: место назначения — Аушвиц; наименование товара — 13 ящиков «циклона Б», содержащих 195 килограммов цианистого газа. Цена — 975 марок. 6 кг. этого вещества было достаточно, чтобы умертвить 1500 человек. Один такой счет означал верную смерть для 42.500 человек.

Эйхман был в Освенциме, он знал, что там происходило. Он распоряжался истреблением. Он давал указания, какие транспорты пойдут сразу на смерть и какие по-позже, главным образом — после того, как будут написаны «успокоительные» открытки в Терезиенштадт и другие места. Он также заведовал гигантским грабежом имущества жертв, который продолжался еще на пороге этого ада. Это был разбой фантастических размеров. Награбленные бриллианты продавались в Швейцарии и, по словам Эйхмана, влияли на цены местного рынка драгоценных камней. По словам одного свидетеля, одних только ценных вещей было награблено на сумму свыше миллиарда марок. Огромные склады вещей, отобранных у приговоренных к смерти, назывались здесь «Канада» — возможно, искажение немецких слов *“keiner da”* — «никого нет (больше в живых)». Там были заняты сотни людей. Мы представим Суду отчет о пересылке этих вещей в нацистскую Германию. В течение 47 дней, с 1 декабря 1944 года по январь 1945 года, из Освенцима выслали в Германию 99.922 комплекта детских вещей, 192.652 комплекта женской одежды, 22.269 мужских костюмов. Когда Освенцим был занят советской армией, там еще были найдены сотни тысяч носильных вещей, десятки тысяч пар обуви, груды кисточек для бритья, искусственных конечностей, очков... Мы предъявим Суду фотографии, и вы сможете увидеть это своими собственными глазами.

В Освенциме истребляли людей всеми возможными способами: расстреливали, вешали, забивали на смерть, но, главным образом, душили в огромных газовых камерах. Также и здесь мы встретим надписи: *“Wasch- und Desinfektionsraum”* — «Помещение для мытья и

дезинфекции». В такое помещение вгоняли по 2000 человек — «под душ». «Душ» состоял из струи ядовитого газа, собственноручно направляемой эсэсовцами.

Фабрика смерти действовала безостановочно. Истребление 2000 человек продолжалось 25 минут. После этого трупы поступали в один из 4 гигантских крематориев. И если там не хватало места, — трупы сжигались на открытом воздухе.

Тут также срезали волосы, вырывали зубы и срывали кольца. 40 человек было занято только извлечением зубов, и изо дня в день плавил килограммы золота, иногда до 12 кг. в сутки. Пепел жертв сначала закапывали в ямы, а позже выбрасывали в Вислу.

Здесь производились опыты над людьми, как над кроликами. У женщин вырезывали части половых органов, или их подвергали действию рентгеновских лучей, и несчастные существа корчились в судорогах, прежде чем наступала смерть. Мужчин кастрировали. Производили опыты с впрыскиванием керосина и бензина под кожу, проверяли влияние химических веществ на психическую сопротивляемость. С Освенцимом связана также коллекция скелетов в Страсбурге, обнаруженная войсками союзников, занявшими город в 1944 году. Мы докажем, что, по инструкции Эйхмана, 115 заключенных Освенцима были «доставлены» для умерщвления в лагерь Нацвейлер в Германии с тем, чтобы скелеты их были переданы для антропологического исследования в эсэсовский институт изучения расы (*Ahnenerbe*), затребовавший черепа «еврейских коммунистов-комиссаров». Переписка сохранилась, и мы представим ее Суду.

По прибытии в лагерь заключенные, не предназначенные к немедленному уничтожению, подвергались «карантину». Там происходил первый «отбор», когда их морили голодом и подвергали истязаниям. Иногда их держали в «карантине» неделями. Тысячи людей лежали в конюшнях; иногда не хватало места для всех, и многие оставались под открытым небом — зимой, в снегу и грязи. Во время «проверок» людей заставляли стоять неподвижно в строю

или заниматься ужасающими «физкультурными упражнениями», ползая, вставая и катаясь по земле.

Рабочий день в лагере начинался в 4.30 утра. Под аккомпанемент лагерного оркестра невольники выходили на работу и возвращались вечером изможденные, увечные, неся с собой трупы товарищей, убитых охранниками.

Система наказаний в Освенциме не посрамила бы самых жестоких варваров, известных истории. Порка по голому телу была сравнительно легким наказанием. Вливали воду в уши, вырывали ногти, доводили голодом до умопомешательства. В бункере для осужденных на голодную смерть нашли однажды мертвого заключенного, над которым склонялся другой — тоже мертвый, успевший вырвать из тела первого печень. Смерть застигла его в ту минуту, когда он пожирал человеческую печень. Мы услышим о подобных случаях и в других лагерях. Вкладом нацизма в европейскую культуру было — восстановление каннибализма в XX веке.

Голод царил в Освенциме беспредельно. Заключенным выдавали треть минимума, необходимого для поддержания жизни; даже после освобождения люди сотнями умирали от истощения и недоедания.

Немцы старались замести следы своих преступлений и изгладить память о созданном ими аде. Сжигание трупов в крематориях началось в 1942 году, в соответствии с инструкцией, которую Эйхман передал коменданту лагеря через штандартенфюрера Блобеля. Позже, в связи с упразднением лагеря, переименовали названия мест, превратили крематорий в бомбоубежище, разбросили печи для сжигания тел, устроили бутафорские амбулатории в бараках, служивших раньше местом казней, сожгли документы и отчетные ведомости. В ходе спешной ликвидации в 1945 году сожгли один барак вместе со всеми больными, которые там находились. Часть установок была взорвана. Оставшихся заключенных эвакуировали на запад по этапу.

Нацисты надеялись, что их преступления не будут обнаружены и останутся навесегда тайной. Но — вот — тайна их зверств раскрыта, — и ныне на нас возложена обязан-

ность исполнить завещание безымянной поэтессы, писавшей накануне ее казни в Освенциме:

**Нет больше надежды в белеющем черепе,
Никто не вернется в разрушенный дом.
Наш пепел бесследно рассеется в пепле
Из сломанных кадей кругом.**

**Но встанет поход наш из пепла, как буря,
Кость брякнет о кость, и сомкнутся ряды.
Вы слышите крик наш? Мы жертвы — мы судьи —
Зовем вас к ответу из наших могил.**

ГЛАВА X

МИР, КОТОРЫЙ ИСЧЕЗ

На кого обрушилась эта вакханалия кроважанных убийц?

Еврейский народ лишился многих миллионов своих сыновей; можно с уверенностью сказать — около шести миллионов. Но это означало больше, чем истребление его трети. Погибли те общины, которые по высоте своего национального сознания и творческого подъема, по созидательной силе и накопленным богатствам культуры и духа, по верности народу и его ценностям — не числом, а значением своим являлись преобладающим элементом в национальной жизни. Надежда нацистов, что если им удастся погубить эту часть еврейства, они выиграют войну против всего еврейского народа, не была лишена основания. Милостью Провидения, которое не хотело гибели нашего народа, остались в живых его большая часть за океаном и центр в Израиле, куда вернулось несколько сот тысяч спасшихся из пламени, чтобы заново отстроить жизнь. Замысел врага потерпел крушение.

Но в Европе был уничтожен народ, пребывавший в ней со второго столетия до н. э. и ставший частью ее быта. Историк А. Л. Фишер писал об этом народе в предисловии к своей «Истории Европы»:

«Когда солнце религиозной терпимости засияло над Центральной и Западной Европой, евреи получили гражданские права. Гостеприимство христианских государств было щедро вознаграждено их вкладом в искусство, науку и литературу».

Из 257 лауреатов Нобелевской премии в первой половине текущего столетия было 34 еврея, в т. ч. 12 изгнанных нацистами. Я не стану печислять всех выдающихся евреев, происходивших из стран, захваченных Гитлером. Достаточно вспомнить мировых гениев, как Альберт Эйнштейн и Зигмунд Фрейд; химиков, как Фриц

Габер; философов, как Анри Бергсон; биологов Пауля Эрлиха и Илью Мечникова, который также был еврейского происхождения; физика Нильса Бора; физиологов Отто Варбурга и Э. Б. Хена; мыслителя Мартина Бубера; юристов Лаутерпахта, Брандейса, Кёльсена; писателей Эмиля Людвига, Стефана Цвейга, Франца Кафку и Франца Верфеля, Якова Вассермана, Макса Брода и Лиона Фейхтвангера; скульптора Антокольского; художников Шагала, Модильяни и Макса Либермана; мастера сцены Рейнгардта; музыкантов Губермана и Рубинштейна, наряду со столь многими другими, — чтобы получить некоторое понятие о вкладе европейских евреев в сокровищницу мировой культуры нашей эпохи.

Отношения между евреями и Германией — одна из трагических глав в истории человечества. Тот, кто взглянет в «Книгу Слез» Симеона Бернфельда, летопись трагических испытаний еврейского народа, убедится, что Германия была страной, где евреи страдали больше, чем где бы то ни было. И все же — как глубока была привязанность еврейского народа именно к Германии! Язык масс, идиш, создан по немецкому образцу, и народ взял этот язык с собой во все страны рассеяния, в Польшу, Россию и за океан. На немецком языке Герцль писал свои классические труды о сионизме; это был язык сионистских конгрессов, на нем творили корифеи еврейской историографии и философии. Евреи обосновались также и в других странах Европы и заняли в них почетное место, но нигде в последних поколениях они не проявили энтузиазма и преданности в такой степени, как в Германии. Карл Маркс и Фердинанд Лассаль создали немецкий социализм, пробивший себе дорогу во всем мире. Их ученик Эдуард Бернштейн создал реформистский социализм.

Когда разразилась первая мировая война, немецкие евреи встали под знамя с большим патриотическим воодушевлением. Маститый философ Герман Коген сошел с университетской кафедры и призывал к высочайшему усилию ради Германии. Фриц Габер всецело отдался особым научным изысканиям и открыл способ извлечения азота из воздуха, оказав этим ценную услугу

военным усилиям Германии. Немецкое еврейство гордилось каждым еврейским солдатом и офицером, удостоенным военного знака отличия. После поражения евреи включились в дело реконструкции страны. Вальтер Ратенау стал министром народного хозяйства, затем министром иностранных дел и многого достиг для пользы государства. Еврей Гуго Прейс, министр внутренних дел, выработал проект Веймарской конституции, одной из самых передовых в Европе. Но все это лишь усилило ярость нацистов. Ратенау был убит заговорщиками-националистами. Вклад евреев в немецкую культуру был заклеен нацистами как злокачественный нарост, подлежащий искоренению; он стал постоянной мишенью в развязанной ими кампании травли.

В еврейском сознании евреи Европы составляли накануне катастрофы сердце народа и источник его жизнениости. Большинство его духовных вождей и руководителей проживало в Европе или происходило оттуда. Выдающиеся религиозные авторитеты, преемники Гаона Элии из Вильны, преподавали в прославленном Воложинском ешиботе. В ешиботе в Слободке, предместье Ковно, поддерживалась традиция литовского нуданзма в духе раввина Ицхака - Эльханана. Оттуда пришли раввин Кук и «Хафец-Хаим». Оттуда появились провидцы Еврейского Государства, основоположники еврейского национального движения, его вожди, мыслители и писатели. Именно это еврейство дало народу за последние десятилетия — Герцля и Нордау, Ахад-Гаама и Пинскера, Бялика, Черниковского, Шнеура и Шолом-Алейхема, Вейцмана, Бен-Гуриона и Жаботинского. Отсюда отправились отважные пионеры — «халуцим» — на поиски Земли Обетованной, члены первой и второй алия — иммиграционных волн, — заложившие основы Государства Израиль. Отсюда вышли мечтатели и борцы, формировавшие новый образ жизни и обновленный облик еврейского человека — А. Д. Гордон, Берл Каценельсон, Курт Блюменфельд, Шмария Левин — и многие другие.

Я упомянул только некоторых, зная, что обошел молчанием много других достойных имен, за что прошу прощения.

ния, ибо это отнюдь не было вызвано пренебрежением к их памяти.

Эти миллионы погибших чаяли своего государства, но им не суждено было узреть его. Именно в этих уничтоженных общинах рассеяния, в годы между двумя войнами, возникло примечательное движение еврейской молодежи, проникнутое национальными и социальными идеалами. Его участники горели огнем вдохновения, они были чисты душой и плотью и беззаветно преданы Сиону.

Разрушены были древние общины, из которых только некоторые я приведу как пример.

Горделивая община Амстердама, прибежище испанских маранов, где пребывал Менаше-бен-Израэль, где жил и творил Барух Спиноза. Погибла община Праги, существовавшая с X века, с ее великолепными синагогами, — город Магарала и Иехезкиеля Ландау. Уничтожена Берлинская община — родной дом Моисея Мендельсона и Азриэля Гильдесгеймера. Гибель постигла общину Вены, насчитывавшую более чем тысячу лет, где жил, творил и трудился Теодор Герцль. Исчезли цветущие еврейские центры в Польше, во главе с прославленной общиной Варшавы, средоточием польско-еврейского мира, очагом культуры — еврейской и всечеловеческой, — городом И. Л. Переца, Нахума Соколова и Давида Фришмана. Погибло еврейство Львова, — этого выдающегося центра теологической эрудиции и прогрессивного просвещения, еврейского воспитания и патриотизма, колыбели вождей и учителей, города автора «Рядов золотых» и С. И. Раппопорта. Даже его старинное кладбище, которое само по себе было летописью еврейской истории, — осквернено, разгромлено и разрушено дотла. Стерта с лица земли еврейская община Лодзи, города фабрик и ремесел, искусного труда и богатой еврейской культуры. Нет больше еврейской Вильны, этого Иерусалима Литвы, города Гаона, столицы Торы, мудрости и учения, о которой сказал ее поэт: «Город духа, город правый, город в раздумье глубоком». Здесь был издан ШАС — уникальное издание Талмуда. Погибла община Кракова, города просвещения и наук, евреи которого сочетали в

себе Восток и Запад, — города Моисея Иссерлеса и чудесной культурной традиции. Нет более Ковенской общины, где жил и работал Израэль Салантер. Нет еврейской общины Одессы, духовной колыбели Менделе Мохер-Сфорима, Ахад-Гаама и Бялика. Истреблена еврейская община Киева, с твердостью противостоявшая кровавому навету на процессе Бейлиса. Погибла древнейшая община Салоник, где евреи прожили два тысячелетия, — города, давшего приют беженцам из Испании и Португалии, где еврейские ученые и духовные светила жили рядом с еврейскими силачами; города Моше Альмоснино и последователей Саббата Цви. Исчезла община Братиславы, иначе Прессбурга, ревностно берегшая Тору и заповеди, — город Мозеса Софера — «Гатам-Софера». Погибла община Будапешта, где евреи жили, вероятно, еще до прихода мадьяр, родина ряда выдающихся деятелей еврейского народа. Уничтожено еврейское местечко Восточной и Южной Европы — «штэтл», с такой любовью воспетое Шоломом Ашем. Сотни тысяч евреев жили там, и повсюду были традиционное учебное заведение и странноприемный дом. Каждое местечко — кладь еврейского знания и любви к родному народу; в каждом из них теплился огонек еврейского духа, передаваемый из поколения в поколение до последнего дня. В бесчисленных домиках с их типичными деревянными крылечками непоколебимо сохранялись, наперекор всем враждебным веяниям, заветы еврейской семейной жизни, вековые моральные устои и вера в пришествие Мессии. Их больше нет.

Погибла целая цивилизация с особым, красочным укладом жизни, своеобразной атмосферой и твердой верой. Вырваны вехи еврейской истории. Удар был нанесен в само сердце народа. Адольф Эйхман знал, что он замышлял: если ему удастся уничтожить это еврейство, — он уничтожит весь народ. Остальные, — так он рассчитывал, — погибнут или потеряются в чужой среде.

По милости Провидения, спасшего остаток — росток новой жизни, замысел Эйхмана был расстроен, и его предсказание не исполнилось до конца.

ГЛАВА XI

ОБВИНЕНИЕ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Вина Адольфа Эйхмана заключается в почине, планировании, организации и выполнении преступлений, перечисленных в обвинительном акте. Мы докажем его вину как зачинателя, организатора и осуществителя преступления, именуемого «окончательным разрешением еврейского вопроса», его непосредственную причастность к выполнению этого злодейского замысла, его роль уполномоченного, распорядителя и руководителя этой «операции», а также его роль сообщника и соучастника в проведении этих злодеяний другими. Он был душой преступного заговора, имеющего целью истребление еврейского народа, полностью или частично, а также соучастником преступлений, совершенных СС, СД, гестапо, включая членов «эйнзацgruppen», командиров Полиции безопасности, старших офицеров СС и полиции, их ставленников, агентов и всех, кто был в их подчинении и содействовал в убийствах, грабежах, пытках и преследованиях, перечисленных в обвинительном акте.

Мы докажем, что Эйхман выполнял все эти действия с целью полного или частичного истребления еврейского народа.

Мы докажем, что эти действия являются преступлениями против еврейского народа, против человечности, а также военными преступлениями, как определено в обвинительном акте.

Мы докажем также преступления, совершенные им против лиц других национальностей.

Для обоснования обвинения мы предъявим множество доказательств, письменных и устных. Я сразу заявляю, что центральные архивы гестапо, включая архивы департамента Эйхмана, не находятся в нашем распоряжении и пока еще не вышли в свет, но обширный документальный материал имеется в огромных архивах министерства иностранных дел немецкого Рейха, в переписке между

обвиняемым и его соучастниками по преступлениям, находившимся в этих министерствах, в отделах Полиции безопасности и в других правительственных учреждениях в немецких городах и в странах, бывших под нацистской оккупацией. Далее, имеются документы и отчеты, опубликованные государственными учреждениями по документации и расследованию нацистских преступлений, как, например, в Польше, Франции, Голландии, Дании и Бельгии. Многочисленный материал находится в протоколах разных судебных органов, судивших нацистских военных преступников в Нюрнберге, в освобожденных странах и в самой Германии. Сохранились также документы у разных лиц, и многие из них переданы нам.

Мы вызовем свидетелей — очевидцев деятельности Эйхмана, а также других, которые расскажут о его преступлениях и деяниях, испытанных ими на себе. Они дадут показания о том, что они видели и слышали в годы народного бедствия. Уничтожение миллионов евреев означает уничтожение миллионов свидетелей, которые могли бы передать о виденном, слышанном и пережитом лично.

По мере сил мы постараемся наглядно показать Суду, что причинил Адольф Эйхман еврейскому народу, но мы не будем в силах привести доказательства судьбы каждой общины в отдельности. Это останется задачей историографии. Итак, мы предъявим Суду все имеющиеся в нашем распоряжении доказательства решений, принятых для осуществления программы истребления, и методов, коими эти решения были осуществлены, а также доказательства роли и ответственности самого обвиняемого. Мы приведем также исторические свидетельства о составе и количестве еврейского народа до прихода нацистов к власти и набросим картину уничтожения, которая раскрылась, когда рассеялся дым сражений к концу второй мировой войны. Мы также покажем различные методы и формы истребления, которыми обвиняемый пользовался для осуществления своей программы в каждом месте, где он развивал свою деятельность, и в свете решения об уничтожении евреев, с одной стороны,

и факта национального бедствия, с другой, мы попросим Суд заключить, что доказанное на примере некоторых общин произошло также со всем еврейством в оккупированной Европе. Мы не будем в состоянии дать полное и исчерпывающее описание стихийного бедствия.

Я опасаясь, что даже после предъявления всех доказательств и материалов, находящихся в нашем распоряжении, мы сможем воспроизвести лишь бледное изображение чудовищной человеческой и национальной трагедии, постигшей еврейский народ в этом поколении.

Адольф у Эйхману будет предоставлена привилегия, которая не была оказана ни одной из его жертв. Он сможет защищать себя перед Судом. Его судьба будет решена исключительно на законном основании и на основании улик, приведение которых я и мои сотрудники вменяем себе в обязанность.

И Судьи Израиля вынесут правдивый и справедливый приговор.

ИЕРУСАЛИМСКИЙ ОКРУЖНОЙ СУД

15 декабря 1961

Председатель Суда: Я открываю 121-е заседание Суда.

Суд выносит

П Р И Г О В О Р :

В сознании возложенной на нас глубокой ответственности, мы обсуждали вопрос о мере наказания и мы пришли к выводу, что для подтверждения обвиняемого соответствующей каре и для предостережения других следует приговорить его к высшей мере наказания, установленной законом. В заключении Суда мы описали преступления, в которых участвовал обвиняемый, — преступления небывало чудовищные по существу и по объему. Целью преступлений против еврейского народа, в коих подсудимый признан виновным, было — стереть с лица земли целый народ, и в этом — отличие их от преступных действий, направленных против людей как отдельных личностей. Можно сказать, что такого рода всеобъемлющие преступления, а также преступления против человечности, направленные против коллектива людей как такового, на много тяжелее, чем все вместе взятые уголовные преступления против одиночных лиц, образующих данный коллектив.

Обсуждая определенные меры наказания, необходимо также учесть — и, может быть, это самое главное — то, как отозвались эти преступления на отдельных жертвах, и те безмерные страдания, которые перенесли и испытывают до сей день они и их близкие. По существу, отправка обвиняемым каждого поезда в Освенцим или во всякий другой центр истребления — и в каждом поезде по тысяче душ — равнозначна прямому участию обвиняе-

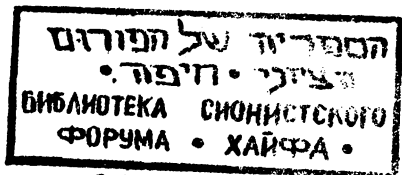
мого в тысяче преднамеренных убийств, и мера его судебной и моральной ответственности за эти убийства нисколько не меньше меры ответственности того, кто самолично заключал этих людей в газовые камеры.

Даже если бы мы нашли, что обвиняемый, как он утверждает, действовал, слепо повинаясь приказам, то и тогда мы сказали бы, что человек, участвовавший в течение ряда лет в преступлениях столь небывалых объемов, подлежит высшей мере наказания, предусмотренной законом, и что никакой полученный им приказ не может явиться поводом для смягчения наказания. Но мы нашли, что обвиняемый действовал, всецело отождествляясь с полученными им приказами и будучи побуждаемым ревностным стремлением достичь преступной цели.

Определение меры наказания за такие ужасающие преступления не зависит, по нашему мнению, от того, каким образом зародились это отождествление и это стремление, и были ли они, как утверждает защитник, плодом идеологического воспитания, которое было дано обвиняемому возвысившим его режимом.

Суд приговаривает Адольфа Эйхмана к смертной казни за преступления, в которых он признан виновным, — преступления против еврейского народа, против человечности и за военные преступления...

(Из судебного протокола.)



עניינת חיפה
משרד מרחבות המאז
בית המשפט - חיפה
.....

776

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Введение	5
2. СС, СД и гестапо	21
3. Подсудимый	33
4. Окончательное разрешение еврейского вопроса	44
5. Истребление в Польше	75
6. Истребление евреев в Советском Союзе и присоединенных к нему странах	98
7. Истребление евреев в Северной, Западной и Южной Европе	109
8. Истребление евреев Венгрии	138
9. Лагеря смерти	151
10. Мир, который исчез	167
11. Обвинение и доказательства Приговор	172 175



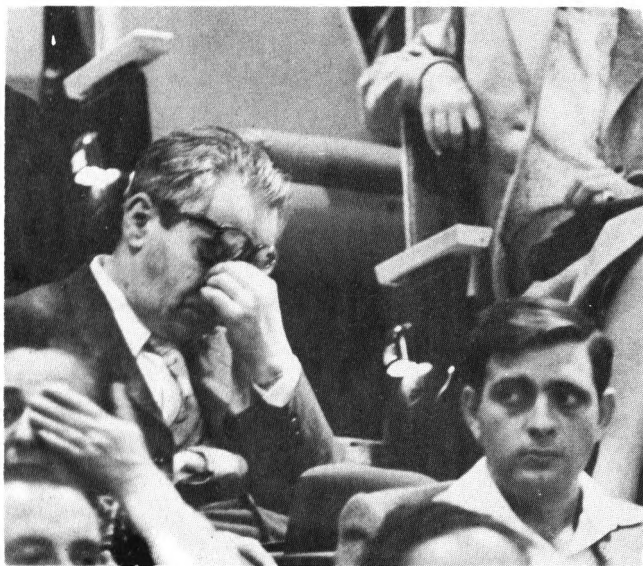
Обвиняемый Адольф Эйхман перед судьями



Обвиняемый Адольф Эйхман слушает показания переживших катастрофу жертв



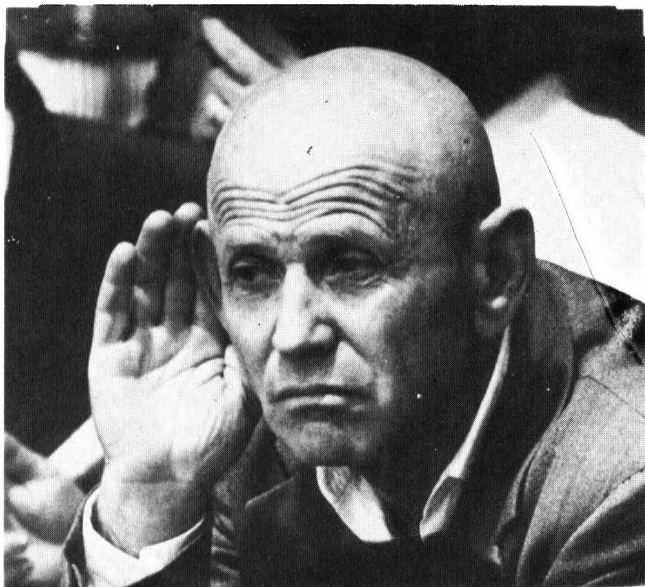
«Суд идет!»



«Внимая ужасам...»



Воскресают пережитые страдания



Напряженное внимание



**Они родились в Израиле, и эпоха нацизма была для них
лишь исторической главой**



Среди публики : министр иностранных дел Голда Меир
утирает слезы



Одна из переживших катастрофу жертв бросает в лицо обвиняемому : «Кровопийца !»



«Как это могло произойти?»



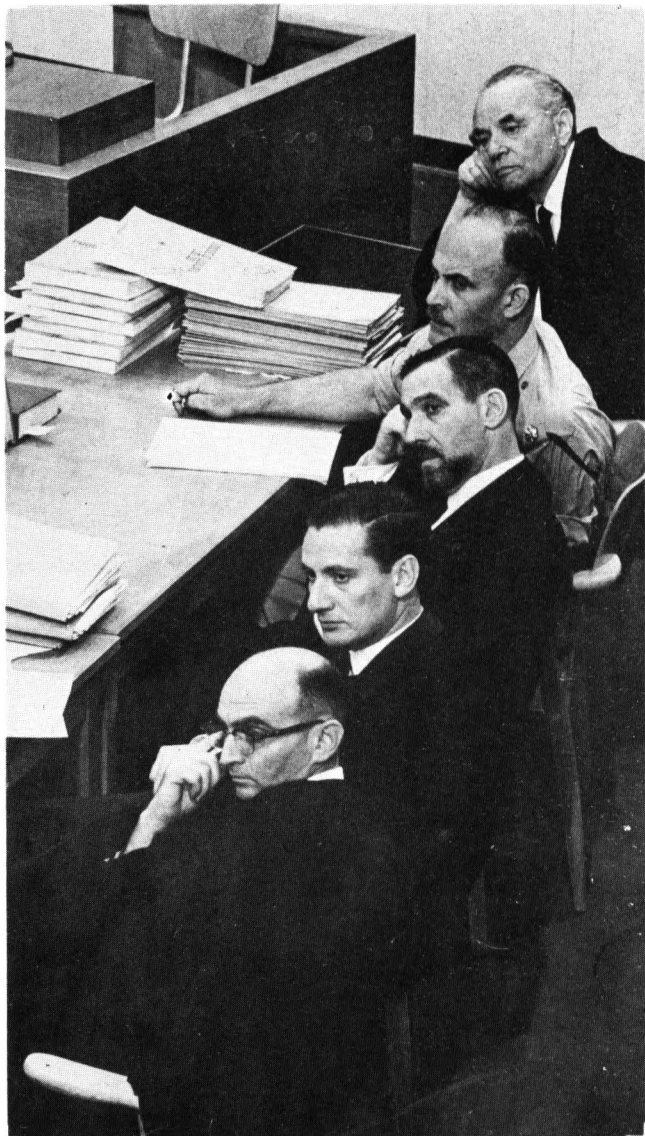
Государственный обвинитель Гидеон Хаузнер во время допроса подсудимого



**Главный израильский обвинитель — и за ним 6 000 000
безгласных обвинителей**



Государственный обвинитель Гидеон Хаузнер произносит вступительную речь



Прокуратура



Руки Эйхмана -- эти руки проливали невинную кровь



Свидетельница Ривка Иоселевска — на ее глазах была уничтожена вся семья ; ее дочь была убита у нее на руках, а она сама спаслась чудом из массовой могилы



Д-р Аарон Бейлин был свидетелем уничтожения цыган в Освенциме ; на его руке вытатуирован номер узника лагеря смерти



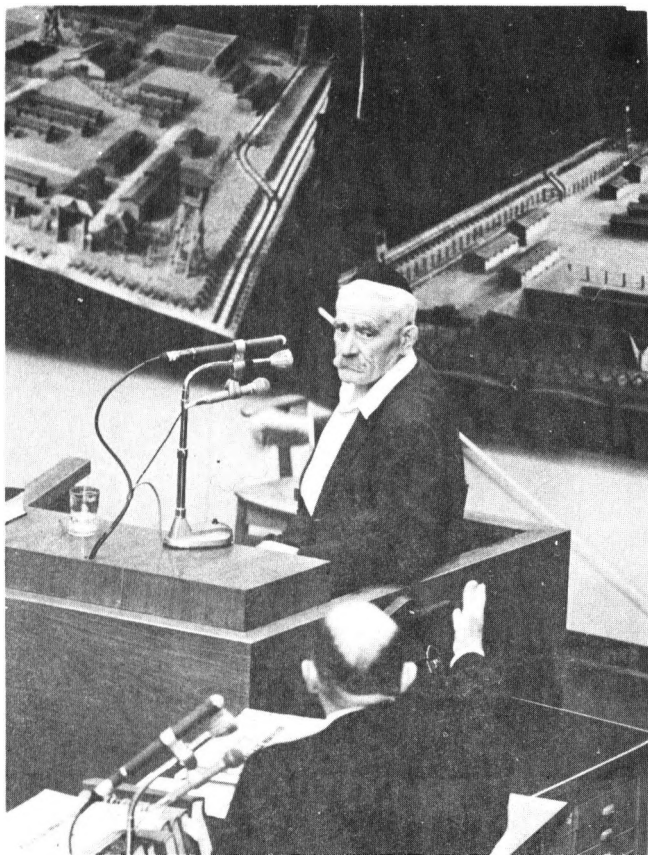
Свидетель Ицхак Цукерман (псевдоним: «Антек») был заместителем начальника боевых отрядов еврейского Сопротивления в Варшавском гетто



Свидетель Аба Ковнер, еврейский поэт, ныне член израильского киббуца; он был одним из руководителей подполья в Виленском гетто и — затем — партизанских отрядов



Свидетельница Цивия Любеткин-Цукерман — одна из руководителей восстания в Варшавском гетто



**Свидетель Яков Верник, б. узник концлагеря в Трeблинке,
объясняет Суду устройство лагеря**



Свидетельница Леона Нейман показывает Суду нанесенные ей нацистами пулевые раны



«Кацетник» (Иехиэль Динур), писатель, чьи книги об Освенциме пользуются мировой известностью, падает в обморок во время показаний



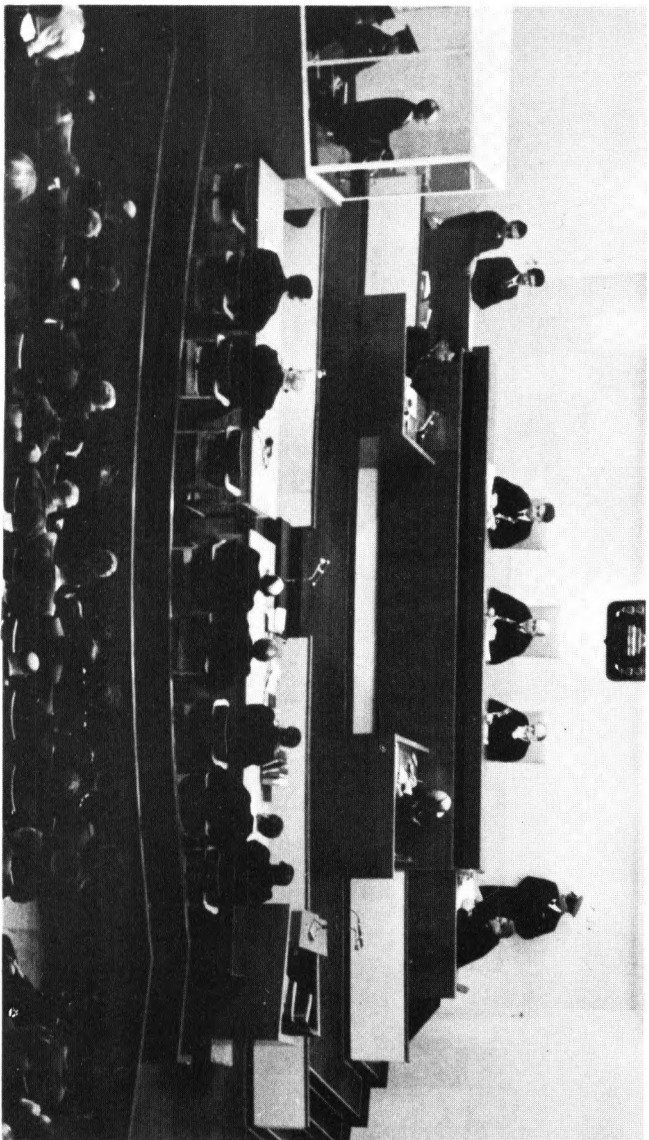
Свидетель д-р Гейнрих Грюбер, протестантский священник ; он был заключен Эйхманом в концлагерь за его попытки облегчить участь гонимых евреев



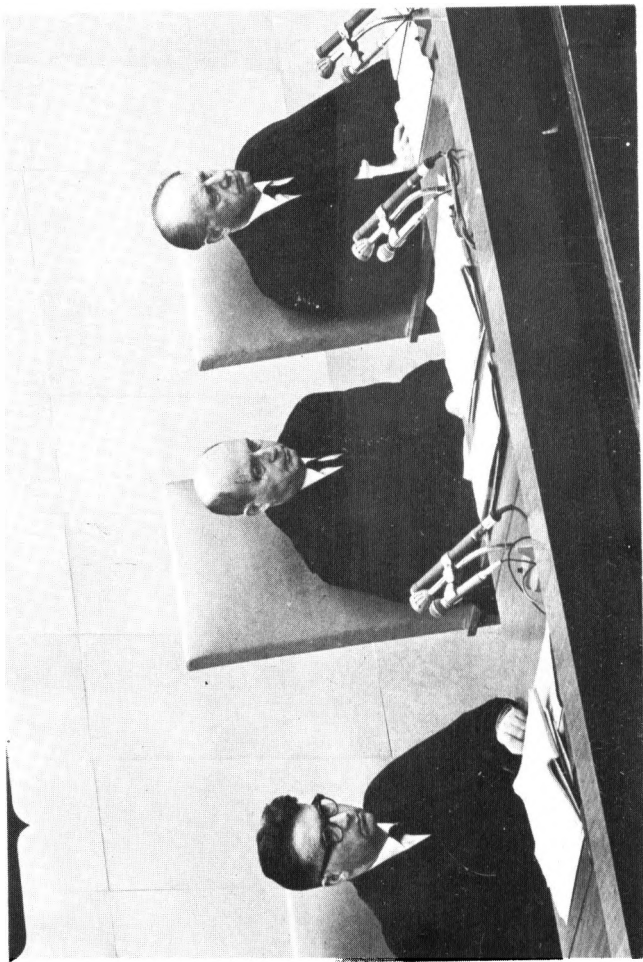
Свидетель д-р Леон Вельс дает показания Суду о нацистских зверствах и об обнаружении массовых могил в окрестностях Львова



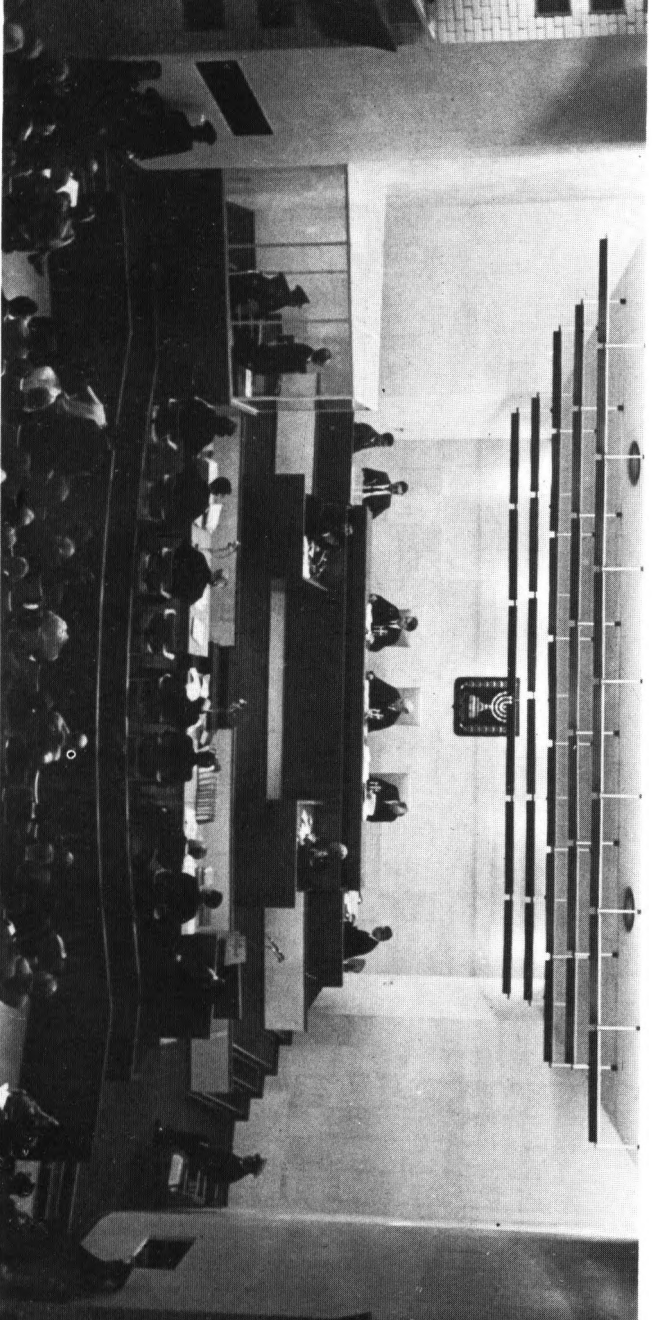
Свидетель Александр Арнон дает показания о преступлениях фашистов в Загребе (Югославия)



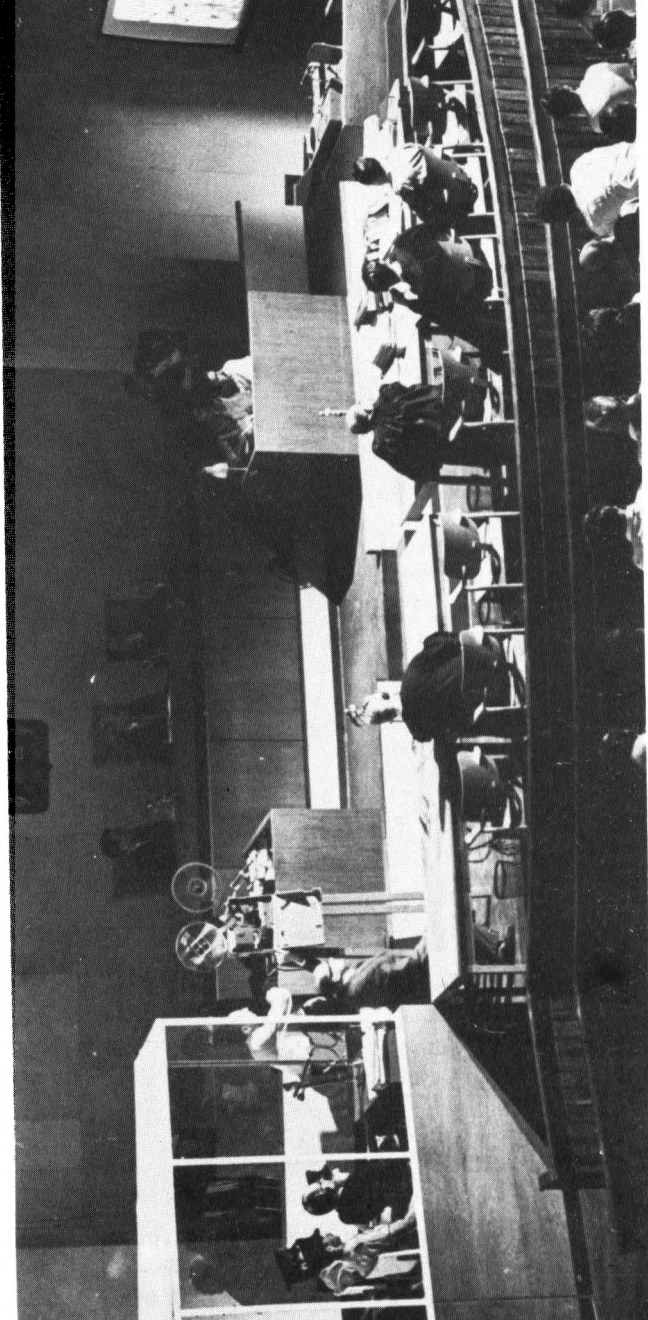
Обвиняемый Адольф Эйхман в пуленепробиваемой клетке слушает, стоя выткнувшись, руки по швам,



Судьи : д-р Ицхак Раве, председатель Моше Ландау (в центре) и д-р Бенъямин Галеви
(в очках)



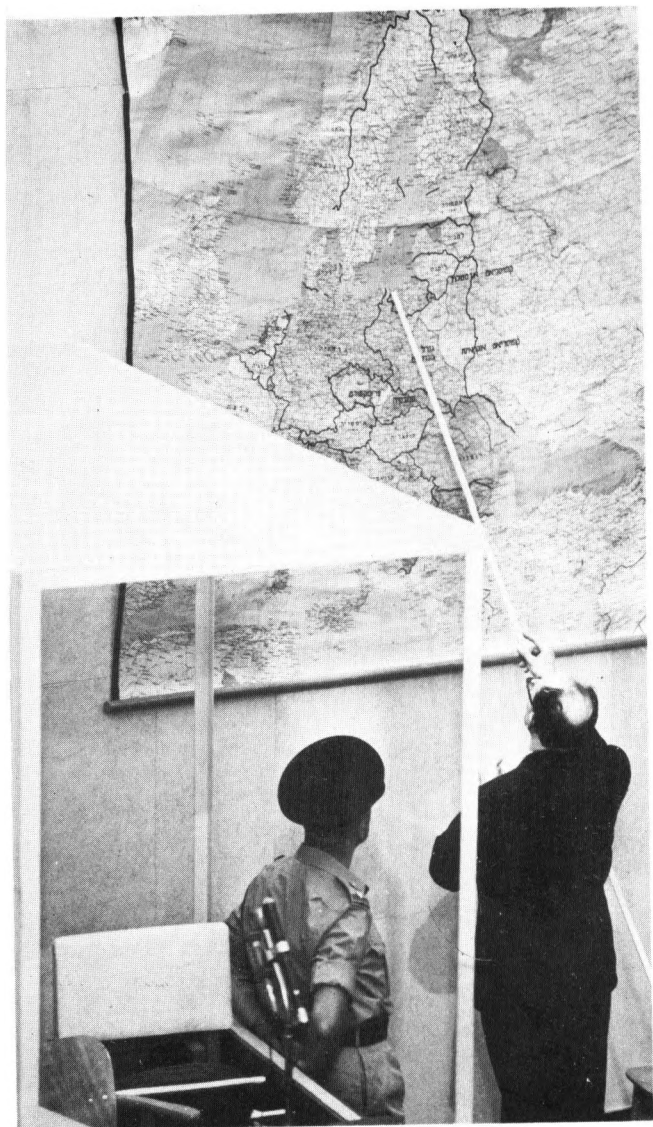
Общий вид судебного зала. Справа вверху : кабины simultанных переводчиков



Демонстрирование документальных снимков; на экране видны нагие жертвы у края массовой могилы



Около 500 корреспондентов и радиорепортеров из всех стран света следят при посредстве телевизии за ходом процесса и посылают отчеты о нем



**Подсудимый Эйхман отмечает на карте Европы место-
нахождение центров массового истребления**



Перекрестный допрос. Справа: государственный обвинитель Гидеон Хаузнер допрашивает обвиняемого. Слева: немецкий защитник подсудимого—д-р Роберт Серватиус

БИБЛИОТЕКА "АЛИЯ"

- 1—2. Леон Юрис: ЭКСОДУС
3. Др. А .И. Кауфман: ЛАГЕРНЫЙ
ВРАЧ
4. Сарра Нешамит: ДЕТИ С УЛИ-
ЦЫ МАПУ
5. Арие (Лева) Элиав: НАПЕРЕ-
ГОНКИ СО ВРЕМЕНЕМ
6. Др. Е. Хисин: ДНЕВНИК
БИЛУЙЦА
7. Макс Брод: РЕУБЕНИ, КНЯЗЬ
ИУДЕЙСКИЙ
8. 6000000 ОБВИНЯЮТ
(Процесс Эйхмана)